

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. № 9(129)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

6 От главного редактора

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 **КУЗНЕЦОВ С. В., МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А.**
Пространственный аспект эволюции местного самоуправления в Российской Федерации: возможности учета зарубежного опыта
- 19 **КАШИНА М. А.**
Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 34 **ИСАЕВ А. П., ВАСИЛЬЕВА Т. В.**
Теоретические основы формирования интернет-экономики
- 43 **ПОСПЕЛОВА Е. А., КАЗАКОВА М. В.**
Последствия реализации международных спортивных событий для экономики: зарубежный опыт
- 55 **АЛЕКСАНДРОВА Т. В.**
Развитие корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике
- 71 **КАЗАНИН А. Г.**
Перспективы развития нефтегазового сектора экономики Чукотского автономного округа

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 75 **СИДОРЕНКО С. А.**
Роль психодиагностики в управленческом общении при подготовке специалистов в области права
- 87 **ЦАЦУЛИН А. Н., ЦАЦУЛИН Б. А.**
Реальное качество жизни vs завышенные представления о собственной изысканной внешности
- 98 **ФУРМАН Ф. П.**
Технологические общества как основания для социально-политических изменений в философском дискурсе

A LINEA

- 106 **ВСЕЛЕНСКАЯ И. В.**
Характерные риски сделки слияния и поглощения
- 121 **КАЗАНЦЕВ Д. А.**
Тенденции влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в регионах
- 132 **МИЦЕЛОВСКАЯ О. С.**
К проблеме оценки эффективности инновационных проектов: современное состояние и перспективы развития

EDITOR'S COLUMN

- 6 From the Chief Editor**

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 SERGEI V. KUZNETSOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH, VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Spatial Aspect of the Evolution of Local Self-government in the Russian Federation: Possibilities of Taking into Account Foreign Experience
- 19 MARINA A. KASHINA**
Employment of Women in the Russian Civil Service: Balance of Consequences for the Family and the State

POWER AND ECONOMY

- 34 ALEXEY P. ISAEV, TATYANA V. VASILYEVA**
Theoretical Foundations of the Formation of the Internet Economy
- 43 EKATERINA A. POSPELOVA, MARIA V. KAZAKOVA**
Impact of International Sporting Events on the Economy: Foreign Experience
- 55 TATYANA V. ALEKSANDROVA**
The Development of Corporate Environmental Responsibility of the Oil and Gas Business in the Transition to «Green» Economy
- 71 ALEXEY G. KAZANIN**
Prospects for the Development of the Oil and Gas Sector of the Economy of the Chukotka Autonomous Area

SOCIETY AND REFORMS

- 75 SVETLANA A. SIDORENKO**
The Role of Psychodiagnostics in Management Communication in the Training of Specialists in the Field of Law
- 87 ALEXANDER N. TSATSULIN, BORIS A. TSATSULIN**
Real Quality of Life vs Extended Representations of Your Own Clear Exterior
- 98 FELIKS P. FURMAN**
Technological Societies as a Basis for Socio-Political Changes in Philosophical Discourse

A LINEA

- 106 INGA V. VSELENSKAYA**
Typical Risks of a Merger and Acquisition Transaction
- 121 DMITRY A. KAZANTSEV**
Trends in Banking Activities Influence on the Formation of Points of Socio-Economic Growth in the Regions
- 132 OLGA S. MITSELOVSKAYA**
To the Problem of Evaluating the Effectiveness of Innovative Projects: Current State and Development Prospects

От главного редактора

Открывая сентябрьский номер журнала «Управленческое консультирование», хочется обратиться к событиям сентября 1939 года. Конечно, это, прежде всего, задача историков — оценивать события 80-летней давности. Наша задача — делать выводы и не повторять ошибок, а самое главное, ошибочных управленческих решений прошлого.

Политическое решение строить Польшу «от моря до моря» привело к потере Польши. Выбирая модель управления, Польша скатилась в авторитарный режим, гуманизм которого был заметен лишь на фоне фашизма в Германии. Авторитаризм помог разделить «чужую» Чехословакию, но не смог спасти «свою» Польшу.

23 августа 1939 года был заключен Договор о ненападении между Германией

и Советским Союзом (также известный как пакт Молотова — Риббентропа). Его наличие, как и Протоколов — факт, такой же, как и существование множества документов военно-политического сотрудничества Польши и Германии.

Я бы обратил внимание на постоянно вбиваемое в сознание людей на Западе, а в ряде случаев и у нас, наличие прямой связи между событиями 23 августа и 1 сентября 1939 года. Поразительно, но эта ущербная логика провокаторов распространена и на родине классической философии нового времени — в Германии. «После — значит вследствие» (?) пишут люди, претендующие на некоторый академизм в биографии.

Исследовать события 1939 года, а главное, оценивать их в логике и морали 2019 года нельзя. Равным образом, международное право 2019 года не было известно в 1939 году. Если бы диктаторы 23 августа 1939 года хотели разделить Польшу, то вряд ли они подготовились бы к этому за неделю.

Искажение истории, переписывание ее в угоду политикам влечет за собой вероятность повторения катастрофы, начало которой было положено не в сентябре 1939-го, а годом ранее, в сентябре 1938 года. (Мюнхенский договор)

Историкам прекрасно известно, что окончательное решение ликвидировать Польшу, как государство, было принято задолго до подписания документов Моло-

товым и Риббентропом. «23 августа — Договор, а 1 сентября — война» может написать только человек, игнорировавший не только высшее, но и среднее учебное заведение. Война — тоже управленческое решение, которое готовится долго, очень долго.

Зачем же плодятся информационные утки, или как говорят наши студенты — фейки? Конечно же, целью являются не Сталин и Гитлер. Псевдоисторическая пропаганда должна оказать воздействие на текущую внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации путем проведения лживых исторических параллелей, передергивания фактов и откровенных инсинуаций. Соответственно, и для нас знание нашей истории важно не только для интеллектуального развития, но и элементарного самосохранения в условиях внешней агрессии и внутреннего коллаборационизма.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, кандидат исторических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Пространственный аспект эволюции местного самоуправления в Российской Федерации: возможности учета зарубежного опыта

Кузнецов С. В.¹, Межевич Н. М.², Шамахов В. А.³, *

¹Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Управление государством является сложнейшей задачей. Местное самоуправление — необходимая часть системы управления. Очевидно то, что в России местное самоуправление сталкивается с целым комплексом объективных вызовов. В ряде случаев эти проблемы могут показаться уникальными, однако это не так. Более того, в, казалось бы, несопоставимых государствах — Эстонии, Латвии и Финляндии проблемы местного самоуправления, как и тенденции регионального развития, весьма напоминают российские. Более того, опыт наших соседей, идущих на шаг впереди в реформировании местного самоуправления, крайне интересен, требует не заимствования, но тщательного изучения.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформирование, региональное развитие, Эстония, Латвия, Финляндия

Для цитирования: Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Пространственный аспект эволюции местного самоуправления в Российской Федерации: возможности учета зарубежного опыта // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 8–18.

Spatial Aspect of the Evolution of Local Self-government in the Russian Federation: Possibilities of Taking into Account Foreign Experience

Sergei V. Kuznetsov^a, Nikolay M. Mezhevich^b, Vladimir A. Shamakhov^c, *

^aInstitute of Regional Economic Problems of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

^bSt. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

^cRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

The State management is a daunting task. Local self-government is a necessary part of the management system. It is obvious that in Russia local self-government faces a whole complex of objective challenges. In some cases, these problems may seem unique, but they are not. Moreover, in seemingly non-comparable states — Estonia, Latvia and Finland, problems of local self-government, as well as trends of regional development, are very similar to Russian ones. Moreover, the experience of our neighbors, who are one step ahead in reforming local self-government, is extremely interesting, requires not borrowing, but careful study.

Keywords: local self-government, reform, regional development, Estonia, Latvia, Finland

For citing: Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Spatial Aspect of the Evolution of Local Self-government in the Russian Federation: Possibilities of Taking into Account Foreign Experience // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 8–18.

Для понимания пространственного аспекта эволюции современного местного самоуправления важен географический и историко-географический аспекты проблемы. Обратимся к географическим предпосылкам любой модели реформирования системы местного самоуправления в России. Доктор географических наук Татьяна Нефедова из Института географии РАН выделяет несколько зон и отмечает, что половина территории страны слабо освоена. В этой зоне живет менее 1,5% российских селян. Вторая зона — лесная — занимает 22% территории России, в ней проживает 3% сельского населения страны. В сельскохозяйственной зоне живет почти 60% сельского населения. То есть на 3/4 сельской территории государства проживает менее 5% сельского населения страны (рис. 1–3)¹.

Указанные проблемы, в общем, известны. Для нас более важным является то, как природные предпосылки влияют на людность поселений, а значит и на размер / полномочия местных самоуправлений.

Приведенные рисунки свидетельствуют о том, что реформирование законодательства о местном самоуправлении, проведенное в начале века в России, привело к двойственным результатам. С одной стороны, выросла доступность местной власти, впрочем, скорее можно говорить о географической доступности, а не управленческой эффективности. С другой стороны, экономические возможности местного самоуправления, недостаточные применительно к Закону 1996 г., оказались совсем неадекватными Закону 2003 г. При этом «российский тупик» местного самоуправления на самом деле не оригинален.

В настоящее время Россия не является изолированным государством. Именно поэтому лучшие практики во многих областях общественной жизни имеют прямую применимость в нашей стране. В этом контексте нельзя не отметить то, что Закон 2003 г. с точки зрения территориальных аспектов управления обозначил встречное направление по отношению к европейским практикам. В указанный период в Восточной Европе осуществлялся процесс укрупнения местных самоуправлений, причем уже не первый раз в рамках постсоветского транзита. Очевидно то, что научное обоснование закона о местном самоуправлении было неэффективным. Современные тенденции пространственного развития Российской Федерации свидетельствуют о том, что процесс депопуляции в сельской местности будет продолжаться, механизмов, позволяющих остановить этот процесс, не существует. Соответственно, вопрос не в выборе управленческого решения, а в настройке этого управленческого решения под текущие реальности. Данное управленческое решение — укрупнение местных самоуправлений — следует считать неизбежным, а вот о формах, сроках можно дискутировать.

Рассмотрим гипотезу коллег из Института экономики города [6]. С их точки зрения:

1. Критерий транспортной доступности позволяет более адекватно оценивать проблемы территориальной доступности местного самоуправления (МСУ) в сравнении с критерием плотности населения.
2. Территориальная доступность МСУ зависит от системы расселения.
3. Территориальная доступность МСУ снижается при укрупнении поселений.
4. Территориальная доступность МСУ снижается при упразднении поселенческого уровня МСУ.

При этом коллектив авторов предлагает следующие критерии выделения населенных пунктов с ограниченной транспортной доступностью:

1. Населенные пункты с затрудненной транспортной доступностью: расстояние (по дороге) от центра поселения (городского округа) — 15 км и более.
2. Населенные пункты с критической транспортной доступностью: расстояние (по дороге) от центра поселения (городского округа) — 25 км и более.

¹ Цит. по: [3, с. 62].

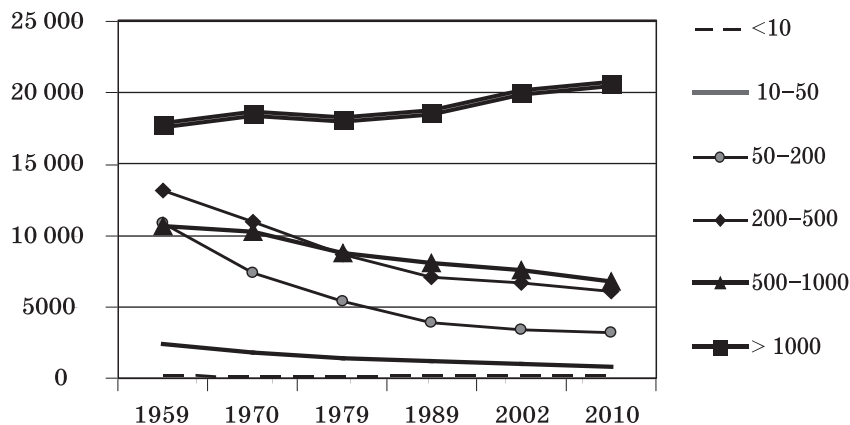

Рис. 1. Изменение численности населения в сельских населенных пунктах разного размера с 1959 по 2010 гг., тыс. чел. [4, с. 7]

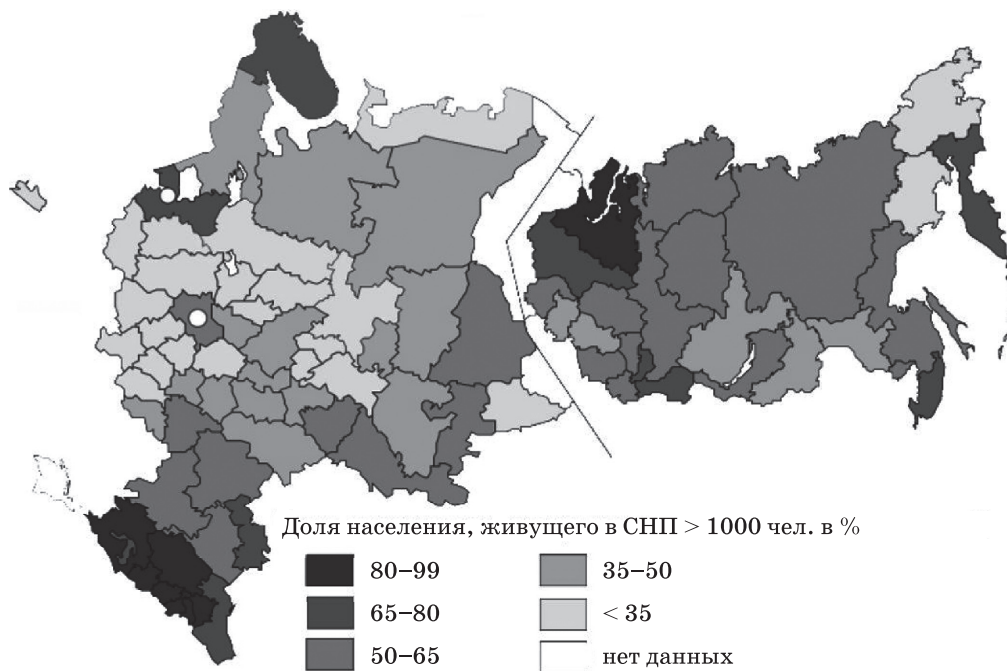

Рис. 2. Доля населения, живущего в крупных сельских населенных пунктах > 1000 чел. (по данным Всероссийской переписи населения, 2010) [4, с. 8]

С нашей точки зрения такой подход не реализуем даже в Латвии, стране, которая готовится к четвертой «укрупнительной» реформе местного самоуправления.

Между системой расселения и доступностью местного самоуправления для населения нет прямой связи. Укрупнение поселений, учитывающее особенности системы расселения, не обязательно приводит к сокращению доступности местного самоуправления.

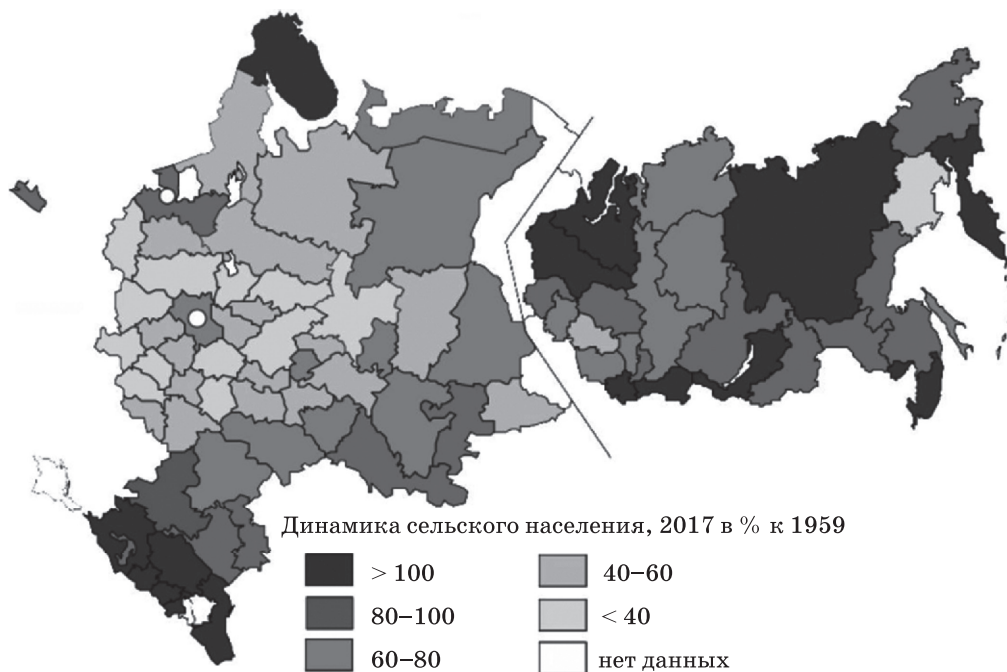

Рис. 3. Динамика сельского населения, 2017 г. в % к 1959 г.
(данные Росстата) [4, с. 8]

Реформирование местного самоуправления представляет собой классическую управленческую задачу, неизбежно решаемую любым государством, где представлен этот уровень власти.

Обозначим следующие причины неизбежности реформирования МСУ:

1. Местное самоуправление территориально характеризуется через систему расселения, однако система расселения в любом обществе изменяется, в современном обществе — очень быстро. Какие направления изменений следует считать наиболее значимыми?
 - а) увеличение доли городского населения;
 - б) рост агломераций и квази-агломераций с концентрацией населения в более крупных населенных пунктах независимо от их типологической принадлежности;
 - в) нарастание доли городских видов труда в сельской местности.
2. Социально-экономические возможности государства. Критерии распределения и перераспределения финансовых ресурсов также меняются. С дилеммой «эффективность или равенство» сталкивается любое государство и методом проб и ошибок находит свой оптимум. Однако он меняется с течением времени.
3. Экономический и научно-технический прогресс влияют на развитие местного самоуправления, а точнее, на выполнение им своих функций через новые экономические и технологические возможности. Классические задачи местного самоуправления в условиях цифровизации остаются прежними, однако, способы их достижения другие.

«Заманчивые попытки сопоставить развитие пригородов отечественных городов с пригородами в других странах также кажутся пока преждевременными» [1, с. 89].

Тем не менее, значимость международного опыта весьма велика. Эффективность использования международного опыта в России зависит от того, насколько этот опыт удастся правильно понять. Это проблема, как отмечал выдающийся российский экономико-географ, специалист по географии США Л.В. Смирнягин: «Знакомые экспертам западные процессы урбанизации на российской почве сильно преобразуются, что можно видеть, в частности, на примере субурбанизации, т. е. освоения горожанами пригородной территории. У нас, в отличие от Запада, речь идет не о переселении в пригород, а о садовых участках и дачах, которыми обладает большинство жителей городов, т. е. о втором доме, а не первом и единственном» [8, с. 59]. Американский опыт субурбанизации действительно самый интересный, но для постсоветского пространства и самый неприменимый. Американские практики опережают постсоветские и, в том числе, прибалтийские, как минимум на один этап. Исследователи говорят о кардинально новом этапе в урбанизации и субурбанизации в США: окончании периода «классической» субурбанизации, теряющей популярность в современном американском обществе [12; 13]. На самом деле формирование метрополитенских ареалов — ключевая форма урбанизации / субурбанизации в США — не закончилось, наступает новый этап, характеристики которого еще не оформились. В этих условиях следует быть предельно осторожными в заимствовании западного опыта [7]. Все вышесказанное имеет прямое отношение к проблематике местного самоуправления. Международный опыт должен быть изучен, и только после этого мы сможем оценить вектор и эффективность российских реформ местного самоуправления.

На Западе у муниципалитетов есть четкий ориентир, формирующий их переговорную позицию — увеличение на подконтрольной им территории стоимости недвижимости, являющейся основой их бюджетов. Для российских муниципалитетов, в большей степени зависимых от перечислений из регионального бюджета, все это не так важно.

Ввиду того, что в Европе существует значительное количество моделей и национальных практик местного самоуправления, нам следует учитывать не весь европейский опыт, а, прежде всего, ту его часть, которая связана с регионом Балтийского моря. Именно поэтому сделанные выводы базируются на изучении практики реформирования местного самоуправления в Эстонии, Латвии.

Предваряя последующий анализ, отметим, что в СССР архитекторы, специалисты по районной планировке, географы и экономисты разрабатывали концепцию Единой системы расселения, призванную упорядочить и обеспечить рациональное развитие всех имеющихся на территории категорий поселений. «В Литовской ССР проводился эксперимент, имевший значение для всего Союза: ученые и руководство республики пытались выстроить гармоничную систему расселения, не позволяя республиканской столице выкачивать ресурсы из всей республики, а, напротив, создать иерархичную систему городских и сельских поселений, более или менее равномерно рассредоточенных по территории с благоприятными для всех типов городов и сел инфраструктурными и другими условиями для жизни в городской среде» [11, с. 146]. Результат, несмотря на усилия властей современной формально независимой Литвы, виден до настоящего времени. Еще одна республика, где была реализована концепция республиканской системы расселения — Белоруссия. В Эстонии и Латвии указанных практик не было.

Представляется важным обращение к проблеме становления и функционирования местного самоуправления в странах постсоветского пространства именно на примере Эстонии и Латвии, поскольку из всех государств, ранее входивших в со-

став СССР, в этих странах после обретения независимости впервые произошел интенсивный процесс реформирования органов местной власти.

Осуществление реформы местных органов власти является одной из центральных целей в программе трансформации Латвии. Концепция реформы была утверждена кабинетом министров 28 сентября 1993 г., она определила главные цели — демократизацию и децентрализацию государственной власти и управления, повышение ответственности местных органов власти за выполнение порученных им заданий, улучшение качества обслуживания населения, а также усиление участия населения в управлении [2, с. 142]. Несколько раньше было начато реформирование системы местного самоуправления в Эстонии.

Прежде всего, следует отметить проблему количества единиц местного самоуправления, вопрос размера муниципальных образований и их демографической обеспеченности в Эстонии, Латвии. В настоящее время в Эстонии и Латвии непрерывно идут реформы, затрагивающие административно-территориальное устройство, структуру местного самоуправления. Главная декларируемая цель данных реформ — это децентрализация государственной власти и вовлечение жителей муниципальных образований в процесс управления местными делами. Реальная задача — оптимизация государственных расходов, понимаемая как их сокращение на данные задачи.

С начала 90-х гг. прошлого века система местного самоуправления в странах Прибалтики стремилась к значительной независимости от государственного контроля в выполнении своих полномочий и реализации ресурсов, т. е. к переходу от метода жесткого контроля к методу сотрудничества государства и органов местного самоуправления. При этом количество самоуправлений в Эстонии, Латвии и Литве в первой половине 1990-х гг. непрерывно росло. Дробление самоуправлений рассматривалось как демократический процесс. Однако в Финляндии и Швеции уже набирали силу противоположные тенденции — укрупнение. «Укрупнение — это единственный выход в ситуации, когда подавляющее большинство самоуправлений сами себя прокормить не могут и живут на дотации от государства и от богатых самоуправлений, т. е. главным образом, за счет Риги и Вентспилса»¹. Для Эстонии, Латвии и Литвы укрупнение — во многом результат искусственного разрушения советской системы местного самоуправления в направлении предоставления прав «каждому хутору».

Несколько иная ситуация в Финляндии, где после 1917 г. не проводилось принудительного слияния коммун по инициативе государства. Полномочия Государственного Совета в вопросах изменения муниципального деления в связи с интеграционными процессами ограничены настолько, что в результате Государственный Совет имеет полномочия лишь отвергнуть или принять вынесенное коммунами представление по слиянию. Основанием для отказа может быть только заключение о том, что изменение муниципального деления находится в противоречии с установленными законом целями развития муниципального деления и предпосылками к изменению [5, с. 34]. Однако после 2012 г. начался процесс укрупнения по инициативе местных самоуправлений и при поддержке союзов коммун. Умение организовать инициативу — важный признак так называемой «северной модели в экономике и политике».

Эту же тенденцию наблюдаем в Эстонии: «Я очень надеюсь, что самоуправления договорятся. Это должно быть решено, потому что так говорит закон. По закону никто не имеет права вмешиваться: правительство или кто-то другой. Здесь должны решить сами самоуправления», — сказал министр государственного управления Яак Ааб².

¹ Министр объявил главам латвийских самоуправлений об их ликвидации [Электронный ресурс]. URL: http://m.baltnews.lv/riga_news/20170821/1020627405.html

² Между Кохтла-Ярве и Нарва-Йыэсуу после административной реформы растет напряжение [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.err.ee/694265/mezhdu-kohtla-jarve-i-narva-jyjesuu-posle-administrativnoj-reformy-rastet-naprijazhenie>

В Латвии и Литве государство также старалось убедить МСУ в необходимости укрупнения, в качестве альтернативы прибегая к следующему: указывалось на то, что демографический потенциал местного самоуправления уменьшился и соответственно должна измениться формула расчета бюджетных трансфертов. (Это привело к неожиданным последствиям — некоторые небольшие города начали завешать численность населения.)

Минимальная численность населения единицы местного самоуправления, возникающей при слиянии нескольких самоуправлений, в Эстонии составляет пять тысяч человек (есть исключения). По оценке экспертов, местное самоуправление с числом населения не менее пяти тысяч более дееспособно с точки зрения развития региональной жизни, трудоустройства компетентных работников и роста инвестиционной деятельности. Уже накопленный опыт объединения местных самоуправлений показал, что объединенными усилиями легче предлагать местным жителям более качественные и доступные публичные услуги, развивать региональную конкурентоспособность¹.

Важный фактор реформирования местного самоуправления — это учет возможностей развития так называемой «новой экономики» и сферы услуг. Как известно, в условиях бездорожья уже на расстоянии, превышающем 4 км, население в два раза реже обращается за медицинской помощью [10, с. 79]. Транспортная доступность радикально влияет на качество услуг. Цифровизация и удаленное предоставление услуг качественно повлияло на развитие местного самоуправления. Советская и постсоветская инфраструктура (почта — магазин — банк — школа — фельдшерский пункт) свертывается и заменяется на дистанционное обслуживание во всех возможных случаях, вплоть до получения продуктов почтой и дистанционного медицинского обслуживания. Здесь же, в Прибалтике, обозначились негативные последствия этих процессов: утрата рабочих мест, усиление вымывания населения трудоспособного возраста.

Следующий важный вопрос — проблема определения рациональной компетенции. Законодательство Латвии (к примеру) выделяет два вида функций (компетенций):

1. Функции автономной компетенции.

2. Функции делегированной компетенции.

Реформирование местного самоуправления в Эстонии и Латвии после выявления тупика разукрупнения, помимо укрупнения, шло по пути усиления именно делегированной компетенции. Рассмотрим эти практики реформирования в Эстонии и Латвии более подробно.

До 2016 г. всего в Эстонии было 213 муниципалитетов: 183 волости и 30 городов. Градация самоуправлений по численности населения: менее 5000 жителей — 172; от 5001–10 000 жителей — 24; 10 001–50 000 жителей — 164; более 50 000 жителей — 3. Самое маленькое МСУ: 103 жителя — остров Пийрисаар, 147 жителей — остров Рухну. Самое большое МСУ: 443 000 жителя — город Таллин.

Закон об административной реформе был принят парламентом Эстонии 7 июня 2016 г. Из 213 местных самоуправлений осталось только 79. Десять из них претерпели, в том числе, и территориальные изменения, что в свою очередь сказалось на численности населения этих уездов. Границы остались прежними только у Хийумаа, Сааремаа, Вильяндимаа и Харьюмаа.

Последствия реформ для пространственной организации общества и экономики очевидны. «...К 2030 году в Таллине будет жить почти половина Эстонии, точнее, 49%. Когда региональная политика состоит только в планах слияния самоуправле-

¹ Эксперты: пятитысячное население — минимум для местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.postimees.ee/3377101/eksperty-pyatitysyachnoe-naselenie-minimum-dlya-mestnogo-samoupravleniya>.

ний, а Таллин — практически единственный центр притяжения, так оно и будет. Длительность процесса подтверждает, что причины этого кроются в недостатках или отсутствии государственной политики»¹. Независимо от причин — результат очевиден. «У Эстонии будто бы два сердца и один туристический город; остальная часть Эстонии превратилась в заброшенные окраины»².

Система местных органов власти в Латвии до 2009 г. состояла из двух уровней. Первый уровень насчитывал 485 сельских, 70 районных и 7 городских муниципалитетов; второй — 26 окружных органов власти и 7 городов республиканского подчинения [2, с. 137]. В 2019 г. исполнится десять лет с момента окончания административно-территориальной реформы, в результате которой в Латвии было создано 119 самоуправлений. Тем не менее, из-за уменьшения численности населения в регионах уже 58 «новых» самоуправлений не отвечают установленным законом критериям, а именно, в них проживает меньше 4000 жителей³. Лидер политического объединения «Для развития / За!» Юрис Пуце осенью 2018 г. подчеркнул, что число самоуправлений в Латвии следует сократить минимум втрое, и сделать это можно путем принятия отдельного закона. «Муниципальные выборы 2021 года должны проходить уже в новых самоуправлениях»⁴. С одной стороны, руководство Латвии видит необходимость укрепления местного самоуправления. С другой — местное самоуправление в Латвии решает достаточно необычные задачи. Летом 2018 г. доктор экономики, председатель правления акционерного общества «Dzintars» Илья Герчиков отметил, что жителей в Латвии миллион 550 тысяч, а в государственном и муниципальном управлении имеется более 220 тысяч сотрудников⁵.

Реформирование местного самоуправления в Латвии приводит к нарастанию территориальных диспропорций. «Латвия — это государство одного города, поэтому, если Рига растет на 4%, то и ВВП всей Латвии растет на 4% или около того»⁶.

Экстраполируем рассмотренные положения на современные российские практики. Исследования социальных и экономических процессов в системе местного самоуправления свидетельствуют о том, что территориальная структура муниципальных образований, сложившихся на территории РФ, требует дополнительной корректировки и, прежде всего, очевидно, укрупнения. Сказанное не означает отсутствия других проблем, но реформирование территориального аспекта — решение наиболее очевидное. Укажем на то, что территориальный аспект не позиционировался как ключевой в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019, с изм. от 03.07.2019) «Об общих принципах организации местного

¹ Станет ли Эстония городом-государством? [Электронный ресурс]. URL: <http://stolitsa.ee/54353>.

² Михаил Корб: Будущее Эстонии — это город-государство? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mke.ee/mnenie/mikhail-korb-budushchee-estonii-eto-gorod-gosudarstvo>.

³ Латвия проваливается в дыру [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.lv/statja/nasha-latvija/2018/08/30/latviya-provalivaetsya-v-dyru-gryadyot-likvidaciya-samoupravleniy>.

⁴ Экономист: Из глубинки Латвии скоро выедет еще 200 тысяч человек [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/02/ekonomist-iz-glubinki-latvii-skoro-vyedet-eshche-200-tysyach-chelovek>.

⁵ Герчиков: если хотим жить, эту систему нужно уничтожить [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.lv/statja/nasha-latvija/2018/05/30/gerchikov-esli-hotim-zhit-etu-sistemu-nuzhno-tolko-nichitozhit>.

⁶ Неутешительные прогнозы: экономисты сравнили показатели Литвы и Латвии [Электронный ресурс]. URL: <https://baltnews.lt/authors/20181011/1018443005/lithuania-latvia-ekonomika-razbor.html>.

самоуправления в Российской Федерации». В официальных комментариях к принятому в 2003 г. новому федеральному закону о местном самоуправлении было сказано, что он «существенно меняет концепцию местного самоуправления. Пожалуй, в наибольшей степени изменениям подвергаются территориальные основы местного самоуправления»¹. Было указано на то, что в России существовала одноуровневая модель местного самоуправления (лишь в некоторых субъектах допускается существование муниципальных образований различных уровней). Новый на тот момент федеральный закон предусматривал целесообразность создания пяти видов муниципальных образований: городских и сельских поселений, муниципальных районов, городских округов, внутригородских территорий городов федерального значения. Спецификой нового подхода стало то, что территории городских и сельских поселений входят в состав территории муниципальных районов, но являются самостоятельными муниципальными образованиями, т. е. на данных территориях осуществляется двухуровневое местное самоуправление. Территории городских округов не входят в состав территорий муниципальных районов, там осуществляется одноуровневое местное самоуправление. «В результате реформы вместо примерно 12 000 муниципальных образований, существующих в настоящее время в Российской Федерации, должно возникнуть около 30 000». Иными словами, оптимизация образца 2003 г. должна была привести и привела к удвоению органов власти местного уровня при практически прежнем уровне финансирования. Транспортная доступность — улучшилась. Социальная эффективность — упала. «Экономическая неэффективность муниципальных образований (прежде всего поселений) в Российской Федерации обусловлена, на наш взгляд, тем, что при зонировании базовыми стали географический и демографический критерии» [9, с. 52]. Иницируя реформу системы власти, большинство субъектов Федерации пришли к тому, что на бывшем «районном уровне управления» произошло искусственное ее разделение на систему государственного управления на уровне района и сложную систему конкурирующих мелких муниципальных образований. При этом реальная финансово-экономическая база оказалась недостаточной даже на уровне районных подразделений органов государственной власти субъектов Федерации. Однако ответственность за решение важнейших социальных вопросов осталась именно на уровне местного самоуправления.

Заключение

Какие выводы мы можем сделать, исходя из опыта реформирования местного самоуправления в Эстонии, Латвии, частично Польше, Литве и Финляндии? По характеру развития процессов урбанизации, а именно по ее незавершенности, малые страны Европы вполне могут быть рассмотрены в тех же научных категориях, что и европейская часть России. Кроме того, территориальные контрасты в соседних странах, вопреки типичным представлениям, сопоставимы с российскими, а в ряде случаев превосходят их. Это актуализирует значение опыта местного самоуправления в этих странах для нас.

Проблемы местного самоуправления в указанных странах связаны с тем, что при сохранении общей численности населения (как в Финляндии), масштабном падении численности населения (как в Латвии и Литве), относительно небольшом снижении доли негородского населения и населения малых городов (как в Польше), мы наблюдаем резкое сокращение как сельскохозяйственного, так и сельского населения.

¹ Комментарий к ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/78/510/86695.php>

В этих условиях применение органами власти практики укрупнения местных самоуправлений закономерно. Да, механизмы укрупнения различаются. Использование демократических институтов и административный волюнтаризм сочетаются в различных странах, но общее направление одно и то же — укрупнение.

В этом контексте следует посмотреть на российские подходы независимо от академических и политических пристрастий серьезных экспертов. Они, так или иначе, учитывают объективные экономические, демографические, социальные процессы, идущие в стране. Генеральная линия на укрупнение местного самоуправления в странах Прибалтики и Финляндии как минимум заслуживает внимания, изучения и, вероятно, использования с учетом национальной и региональной специфики.

Литература

1. *Бреславский А. С.* Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. 2016. № 1. С. 79–102.
2. *Ванагс Э., Вилка И.* Местное самоуправление в Латвии // Децентрализация: эксперименты и реформы. Т. 1. Будапешт, 2000.
3. *Маркварт Э.* Депопуляция — один из вызовов государственному и муниципальному управлению в современном мире : доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Современные вызовы и перспективы развития / под ред. Е. С. Шугриной. М. : Проспект, 2016.
4. *Нефедова Т. Г.* Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 1–12.
5. *Объединение муниципальных образований: опыт Финляндии и основы российского законодательства* / под общ. ред. В. Скоробогатова, И. Макарова; пер. с финского Е. Богданова. СПб. : ИПК «Вести», 2011.
6. *Пузанов А. С., Попов Р. А.* Проблемы территориальной доступности местного самоуправления Российской Федерации. М. : Фонд «Институт экономики города», 2017.
7. *Ремезкова В., Гуткович В., Спирина М.* Российский путь субурбанизации // Городские исследования и практики. 2016. № 1. С. 24–38.
8. *Смирнягин Л. В.* Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 56–71.
9. *Стрижкина И. В.* Общероссийская тенденция укрупнения муниципальных образований в условиях реформирования местного самоуправления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2010. № 7. С. 45–52.
10. *Филина В. Н.* Транспортная стратегия России: основные принципы и приоритетные направления развития инфраструктуры // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2. С. 78–97.
11. *Хорев Б. С.* Проблемы городов. (Урбанизация и единая система расселения в СССР). М. : Мысль, 1975.
12. *De Jong J. K.* (2013) *New SubUrbanisms*. London : Routledge.
13. *Gallagher L.* (2014) *The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving*. New York.

Об авторах:

Кузнецов Сергей Валентинович, директор Института проблем региональной экономики Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; info@iresras.ru

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), президент российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ), доктор экономических наук; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Breslavsky A. S. What could be Russian suburbanization? // World of Russia [Mir Rossii]. 2016. N 1. P. 79–102. (In rus)
2. Vanags E., Wilka I. Local self-government in Latvia // Decentralization: experiments and reforms. Vol. 1. Budapest, 2000. (In rus)
3. Markvart E. Depopulation is one of the challenges to state and municipal administration in the modern world: Report on the state of local self-government in the Russian Federation: Modern challenges and development prospects/under ed. of E. S. Shugrina. M. : Prospect, 2016. (In rus)
4. Nefedova T.G. Factors and trends of rural settlement change in Russia // Socio-economic geography. Journal of the Association of Russian Geographers-Social Scientists [Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov]. 2018. N 7. P. 1–12. (In rus)
5. Association of municipalities: the experience of Finland and the basis of the Russian legislation/ under edition of V. Skorobogatov, I. Makarov; translation from Finnish E. Bogdanov. SPb. : Vesti, 2011. (In rus)
6. Puzanov A. S., Popov R.A. Problems of territorial accessibility of local self-government of the Russian Federation. Moscow: Foundation "Institute of City Economics," 2017. (In rus)
7. Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. Russian Way of Suburbanization // City Studies and Practices [Gorodskie issledovaniya i praktiki]. 2016. N 1. P. 24–38. (In rus)
8. Smyrnyagin L. V. Difficult future of Russian cities // Pro et Contra. 2007. N 1. P. 56–71. (In rus)
9. Strizhkina I.V. All-Russian trend of consolidation of municipalities in conditions of local self-government reform // Scientific statements of the Belgorod State University. Series: Economics. Informatics [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika]. 2010. N 7. P. 45–52. (In rus)
10. Filina V.N. Transport Strategy of Russia: Basic Principles and Priority Directions of Infrastructure Development // Forecasting Problems [Problemy prognozirovaniya]. 2005. N 2. P. 78–97. (In rus)
11. Khorev B. S. Problems of cities. (Urbanization and unified settlement system in the USSR). M. : Thought, 1975. (In rus)
12. De Jong J. K. (2013) New SubUrbanisms. London : Routledge.
13. Gallagher L. (2014) The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving. New York.

About the authors:

Sergei V. Kuznetsov, Director of Institute of Regional Economic Problems of Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; info@iresras.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), President of the Russian Association of Baltic Studies (RABS), Doctor of Science (Economics); mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства

Кашина М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kashina_soc@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В российской научной литературе достаточно хорошо исследованы различные аспекты занятости женщин. Выделены ключевые проблемы: необходимость совмещать профессиональные и семейные роли; самодискриминация успешных женщин в силу следования гендерным стереотипам; гендерная сегрегация рынка труда по вертикали и горизонтали. Влияние семейного статуса женщины на ее профессиональную и должностную карьеру изучено меньше. Обратный процесс — влияние занятости женщин на выполнение семьей своих основных функций исследован еще меньше. Основная цель статьи — сформулировать положительные и отрицательные последствия занятости женщин в российском государственном аппарате для качества исполнения гражданской службы и для функционирования семьи. Теоретическими линзами послужили теория структуризации Э. Гидденса и элементы гендерного анализа. Результаты исследования свидетельствуют, что в настоящее время для государства баланс последствий занятости женщин в государственном аппарате является положительным, а для семьи — отрицательным. Ситуация будет заметно меняться в силу цифровизации государственного управления. В ближайшем будущем процесс феминизации российского государственного аппарата может пойти вспять. Это актуализирует проблему трудоустройства женщин, сокращаемых с гражданской службы.

Ключевые слова: гендерная пирамида власти, феминизация государственного аппарата, социальный статус гражданского служащего, социальные гарантии гражданской службы, ролевой конфликт «семья-работа», цифровизация государственного управления

Для цитирования: Кашина М. А. Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 19–33.

Employment of Women in the Russian Civil Service: Balance of Consequences for the Family and the State

Marina A. Kashina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; kashina_soc@inbox.ru

ABSTRACT

Various aspects of women's employment have been studied quite well in the Russian scientific literature. Key Issues are assigned: the need for women to combine professional and family roles; self-discrimination of successful women due to gender stereotypes; gender segregation of the labor market vertically and horizontally. The influence of the marital status of a woman on her professional and official career is less studied. The reverse process — the influence of women's employment on the vital functions of the family is even less studied. The main purpose of the article is to formulate the positive and negative consequences of the employment of women in the Russian state machine for the quality of civil service and for the functioning of the family. Theoretical lenses are A. Giddens' theory of structuration and the elements of gender analysis. The results of the study show that at present the balance of consequences of employment of women in the state machine is positive for the Russian state, and it is negative for the family. The situation will visibly

change due to the digitization of public administration. Soon the process of feminization of the Russian civil service can go backwards. It originates the problem of the employment of women which will be fire from the civil service.

Keywords: the gender pyramid of power, the feminization of the state machine, the social status of a civil servant, the social guarantees of the civil service, the role's conflict «family-work», the digitalization of the public administration

For citing: Kashina M.A. Employment of Women in the Russian Civil Service: Balance of Consequences for the Family and the State // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 19–33.

Введение. Феномен занятости российских женщин активно обсуждается в научной литературе. В фокус исследования попадает влияние российских общественных трансформаций на институт семьи и роли женщин в приватной и публичной сферах [13]; проблемы совмещения женщиной семейных и профессиональных ролей и роль государства в решении этих проблем [1]; особенности трудовой стратегии работающих матерей [14] и др. Работ, анализирующих влияние занятости на гражданской службе на карьеру и репродуктивные установки женщин, заметно меньше [15].

В исследованиях, посвященных женщинам-гражданским служащим, обычно рассматриваются гендерные аспекты кадровых процессов в системе государственной гражданской службы [24; 25; 28], но в них практически не затрагиваются проблемы, выходящие за рамки профессиональной и должностной карьеры женщин, а именно последствия занятости женщины на гражданской службе для ее семьи, и обратный процесс — влияние семейного положения женщины на исполнение ею своих должностных обязанностей. Этот теоретический пробел и мотивировал автора статьи на проведение данного исследования.

Оплачиваемая занятость однозначно усложняет женщинам выполнение семейных обязанностей, в первую очередь, обязанностей матери. В то же время, она выступает для них источником дополнительных ресурсов, прежде всего экономических, и основой их самостоятельности и независимости от мужчин.

Особенности государственной гражданской службы как социально-политического института и особым образом организованной и регулируемой профессиональной деятельности связаны с наличием гарантий гражданским служащим и специфическим характером трудовых отношений, поскольку нанимателем государственного служащего выступает государство. Эти особенности усиливают для женщин как отрицательные, так и положительные последствия их занятости. Выполнение семейных обязанностей становится более сложным из-за ненормированного рабочего дня, высокой интенсивности и стрессогенности труда, большого объема рутинной операционной деятельности на гражданской службе. Послабление может быть получено только путем отказа от карьеры [подробнее см. 16]. При этом экономический и все другие бонусы от занятости на гражданской службе достаточно существенны, но они не появляются автоматически, их размер зависит от стажа гражданской службы и занимаемой должностной позиции.

В фокусе данной статьи находится феномен занятости женщин на гражданской службе, контекстом выступают особенности ее прохождения. Наша основная задача — оценить последствия этой занятости для функционирования института семьи и для качества гражданской службы. Мы исходим из предположения, что эти последствия могут быть как положительными, так и отрицательными. Знак определяется значением для функционирования самого института. Если основной функцией института семьи считать воспроизводство населения, то положительным будет все то, что этому способствует, отрицательным — то, что этому мешает. Для института гражданской службы главной функцией выступает «обеспечение исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации,

лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации»¹. Соответственно, то, что способствует повышению качества обеспечения этого исполнения, будет положительным, то, что ведет к его снижению, отрицательным.

Методология исследования. Для решения поставленной задачи будут использованы элементы гендерного анализа и теория структуризации Э. Гидденса. Гендерный анализ, рассматривающий гендерные явления (в том числе особенности занятости женщин и мужчин) как социально сконструированные и определяемые характером общества, а не биологическими признаками индивидов, позволяет вскрыть природу женского конфликта «семья-работа», который приходится решать каждой женщине, имеющей оплачиваемую занятость, а также оценить роль в этом других членов семьи, в первую очередь мужчин: мужа/партнера/отца/брата. Второй важный аспект — оценка влияния гендерных представлений женщины-гражданской служащей на выбор ею стратегии разрешения этого конфликта. Анализ государства, с позиций гендерного анализа, позволит ответить на вопрос о причинах привлекательности для женщин этой сферы занятости и связи этого с их гендерными ролями.

Вторая теоретическая линза — теория структуризации Э. Гидденса [7]. Она позволяет дать обоснование практической политики по разрешению конфликта «семья-работа». Как пишет ведущий теоретик гендерных исследований Р. Коннелл, для этой теории ключевым выступает анализ взаимосвязи структуры и практики, она сосредотачивает свое внимание на том, «что люди делают, когда они конституируют социальные отношения, в которых живут» [23, с. 275]. В нашем случае это позволяет увидеть, как институты (структуры) семьи и гражданской службы определяют деятельность (практики) женщин как гражданских служащих и членов семей (т. е. дочерей, сестер, жен, матерей), и каковы последствия этой деятельности (практики) женщин для функционирования данных институтов (структур). Это делает возможным построение баланса последствий женской занятости для семьи и государства. Анализ балансов дает ответ о перспективных направлениях практической политики не только по разрешению конфликта «семья-работа», но и по развитию данных институтов. Все это вместе взятое позволяет по-новому взглянуть на феномен занятости женщин на российской гражданской службе.

Статья включает в себя три части. В первой проводится краткий обзор литературы по вопросам участия женщин в государственном управлении и гражданской службе, раскрывается взаимосвязь институтов семьи, государства и гражданской службы. Во второй части на основе вторичного анализа социологических данных и государственной статистики построены балансы последствий занятости женщин в государственном аппарате для семьи и для государства, проводится их оценка. В третьей части обсуждаются перспективы занятости женщин на гражданской службе в контексте цифровизации государственного управления и те проблемы, которые, в связи с этим, возникают для них и их семей, намечаются направления дальнейших исследований.

Теоретические основы исследования

Обзор литературы. В научной литературе при исследовании вопросов занятости женщин на государственной гражданской службе чаще всего исследуются два

¹ Ст. 3. п. 1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, № 31, ст. 3215; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан: Федеральный закон от 23.05.2016 № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 22. Ст. 3091.

явления. Первое — большая доля женщин в кадровом составе государственного аппарата, так называемая феминизация гражданской службы. Второе — неравномерность распределения женщин и мужчин по ступеням должностной иерархии. Это явление получило название «гендерной пирамиды власти».

Феминизация государственного аппарата — следствие более общего процесса вовлечения российских женщин в оплачиваемую занятость. В силу гендерных стереотипов и гендерных представлений рынок труда оказывается гендерно сегрегированным, разделенным на мужские и женские профессии, мужские и женские сферы занятости. Причины этого чаще всего изучаются с позиций теорий профессиональной сегрегации по признаку пола [3; 29]. Однако эти исследования, как правило, остаются в рамках анализа рынка труда и не затрагивают вопрос о последствиях занятости в «женских» отраслях для семьи и отдельной личности. Как правило, они рассматриваются в рамках социологических [12; 32] и психологических [33] исследований в терминах конфликта семейных и профессиональных ролей работающих женщин [12], «комплекса вины» работающей женщины [14], кризиса материнской роли и гендерной идентичности женщин [21] и др. На стыке с демографией учеными изучается влияние занятости женщин на репродуктивное поведение населения, динамику родительских ролей и семейных ценностей [2; 5; 31].

Причины феминизации государственного аппарата в целом не отличаются от причин феминизации других сфер народного хозяйства. Главной из них выступает низкая, по мужским меркам, оплата труда. Для гражданской службы низкая оплата труда на должностях, например, обеспечивающих специалистов, усугубляется «бумажным» характером самой деятельности, большим объемом рутинных операций, требующих усидчивости, дисциплинированности и исполнительности [подробнее см. 20]. Феминизация кадров государственных органов предстает в литературе как «противоречие между „количественным“ перевесом женщин на государственной гражданской службе и „качественной“ востребованностью на ней мужчин» [24, с. 16].

При анализе гендерной пирамиды власти, сложившейся в государственном аппарате, акцентируется факт того, что женщины недостаточно представлены на уровне принятия ключевых решений, позициях министров, дипломатов, руководителей агентств, ведомств, департаментов и т. п. [17; 24; 26]. Существуют разные оценки перспектив разрушения этой пирамиды, в том числе и довольно оптимистичные, даваемые самими женщинами-гражданскими служащими [38].

В литературе также имеется ряд работ, посвященных особенностям карьеры женщин на гражданской службе, в них акцент делается на особенностях разрешения ролевого конфликта семья-работа женщинами-гражданскими служащими. Основной идеей в них выступает тезис о том, что, имея высокий уровень образования, женщины стремятся к профессиональной самореализации на гражданской службе, но барьерами этой самореализации становятся их собственные предрассудки и стереотипы [15; 16; 30].

Есть немало отечественных публикаций, анализирующих эффективность семейной политики государства как субъекта, регулирующего гендерные отношения в семье и обществе [1; 6; 8; 27; 35; 37 и др.]. При этом отношения семьи как «ячейки общества» и государства как субъекта социальной политики чаще всего рассматриваются как асимметричные. Государственный аппарат (чиновничество) выступает управляющим субъектом, источником благ и социальной помощи, а семья — управляемым объектом, бенефициарием. На самом деле, с точки зрения микросоциологии и повседневных практик, между этими институтами существуют и горизонтальные отношения взаимовлияния и взаимодействия по той простой причине, что государственные гражданские служащие, обеспечивающие исполнение полномочий государственных органов, — это люди, имеющие семьи. Они

с необходимостью, чаще всего неосознанно и латентно привносят особенности своих семейных отношений и гендерных представлений в служебную деятельность¹. Схематично эту ситуацию можно представить следующим образом (рис. 1.)

Женщина — гражданская служащая оказывается под перекрестным влиянием двух социальных институтов — семьи и гражданской службы. Государство в этой ситуации выступает в роли провайдера ресурсов, оно ставит цели и выбирает инструменты семейной и кадровой политики, определяя тем самым структурные условия деятельности женщин как в семейной, так и в профессиональной сферах, институциональные условия разрешения ими ролевого конфликта «семья-работа».

Основная гипотеза исследования: Баланс негативных и позитивных последствий занятости женщин на гражданской службе различен для семьи и государства. В настоящее время в России от занятости женщин в этой сфере выигрывает главным образом государство, а не семья.

Необходимо пояснить, что ключевой особенностью института гражданской службы выступает его иерархический характер и резкое сокращение количества должностей на высших этажах государственного аппарата. На 01.10.2016 на должностях категории «руководители» было занято 15,2% всех федеральных гражданских служащих и 20,6% региональных. При этом в категории «специалисты» работали 60,6% всех федеральных и региональных гражданских служащих. На низовых должностях категории «обеспечивающие специалисты» было занято 13,9% федеральных служащих и 10,4% гражданских служащих субъектов Федерации².

Ситуация с ресурсами и возможностями на среднем и низовом уровнях государственного аппарата будет, естественно, хуже, чем на высшем, хотя, с точки зрения организации (регламентации) самой деятельности и ее правового регулирования, различия будут не столь существенны. В силу этого можно предположить, что и последствия занятости на гражданской службе будут заметно различаться в зависимости от должностного статуса женщины-гражданской служащей. В точки зрения целей нашего исследования, наибольший интерес представляет самое массовое звено государственного аппарата, т.е. категория «специалисты». В 2016 г. на должностях специалистов федеральной и региональной гражданской службы работали 332 тыс. женщин (72%) и 128 тыс. мужчин (28%); на должностях обеспечивающих специалистов» 83,6 тыс. женщин (86%) и 13,8 тыс. мужчин (14%).

Распределение женщин и мужчин по ступеням должностной иерархии гражданской службы за последние 10 лет не претерпело значительных изменений (см. рис. 2). Хотя само число гражданских служащих выросло на 10,3%, с 653,2 тыс. чел. в 2005 г. до 720,3 тыс. чел. в 2016 г. В категории «руководители» прирост женщин составил 22%, по группе мужчин — только 1%. В основании пирамиды гражданской службы в категории «обеспечивающие специалисты» у женщин прирост составил 12,6%, а у мужчин наблюдалась убыль в 34%. На должностях помощников (советников) количество женщин выросло в 2,5 раза, а мужчин только на 28%. Таким образом, увеличение российского государственного аппарата во многом осуществлялось за счет роста числа женщин.

Бюрократическое разделение власти и ответственности по вертикали в системе государственного управления ведет к тому, что сколько бы ни было женщин в ос-

¹ Яркой эмпирической иллюстрацией того, как это происходит, можно считать знаменитый советский кинофильм «Служебный роман».

² Состав работников, замещающих государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы, по полу, возрасту, стажу работы, образованию. На 01.10.2016. Статистический бюллетень. // Росстат/ Официальная статистика / Государство, общественные организации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237818141625 (дата обращения: 23.06.2019).

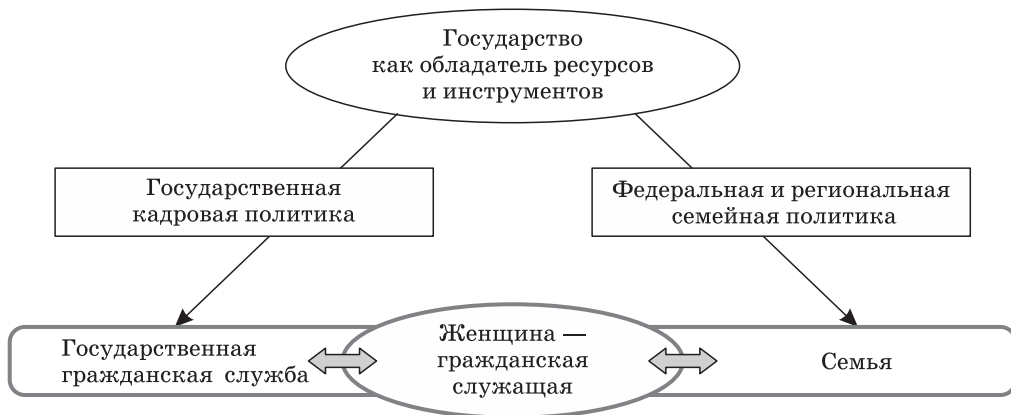

Рис. 1. Взаимосвязь семьи, государства и государственной гражданской службы
 Fig. 1. The relationship between the family, the state and the civil service

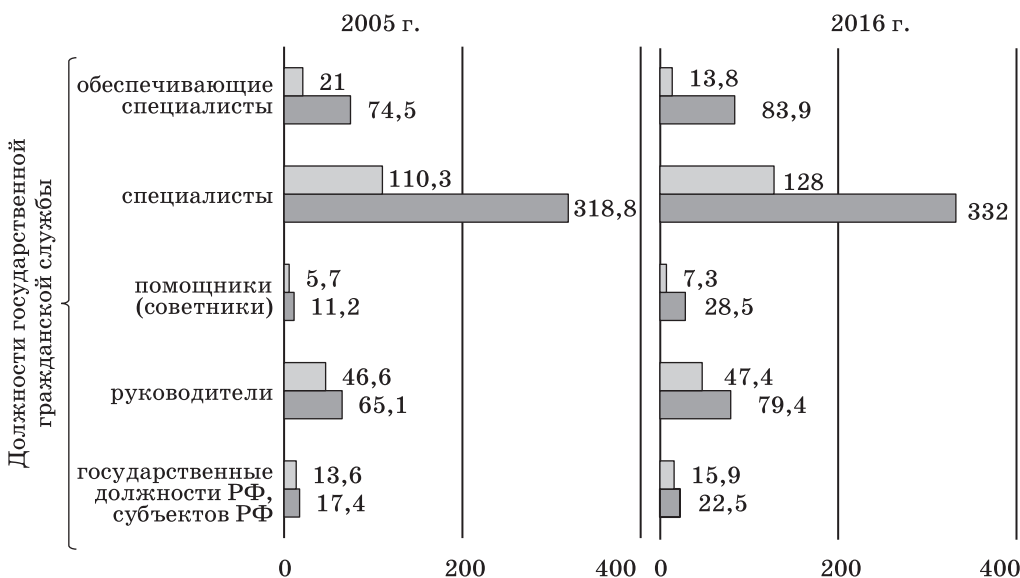

Рис. 2. Численность работников, замещающих государственные должности и должности гражданской службы по категориям должностей и полу в 2005 и 2016 гг.

Fig. 2. Number of employees who have filled public and civil service positions by category of positions and sex in 2005 and 2016

Источник: Женщины и мужчины России. Статистический сборник. Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (дата обращения: 11.05.2019).

новании пирамиды гражданской службы, это никак не сказывается на характере решений, принимаемых на ее вершине, т.е. на политическом уровне государственного управления. Результатом становится недооценка значимости в государственной политике женских проблем, а именно, проблем социального воспроизводства, качества населения и человеческого развития [подробнее см. 19; 36].

Результаты исследования

Анализ литературы позволяет выделить следующие последствия занятости женщин в российском государственном аппарате для их семей, которые вызваны особенностями гражданской службы как социального института и вида профессиональной деятельности (табл. 1).

«Плюсы» занятости на гражданской службе, как правило, рассматриваются сквозь призму значимости для женщин социальных гарантий гражданским служащим [18; 34]. Что касается «минусов», то здесь необходим анализ с учетом уровня замещаемой женщиной должности государственной гражданской службы. Высокий уровень оплаты труда может сгладить некоторые семейные проблемы, но его оборотной стороной всегда остается высокая стрессогенность и интенсивность труда, что не способствует стабильности брака. Здесь можно выделить две разнонаправленных тенденции [15, 16].

1. Молодые женщины, выйдя замуж или планируя замужество, пытаются попасть на гражданскую службу для того, чтобы получить максимальное количество пособий, выплат и субсидий, положенных семьям с детьми. Они поступают на гражданскую службу туда, где из-за низкой оплаты труда входные барьеры несколько слабее. Например, для Санкт-Петербурга — это территориальные органы федеральных государственных органов исполнительной власти. В 2018 г. среднемесячная начисленная заработная плата для гражданских служащих этих государственных органов составила 45 957 руб., а для гражданских служащих органов исполнительной власти Санкт-Петербурга — 90 800 руб.¹

Жизненная стратегия таких женщин — доработать до декретного отпуска, а потом максимально возможное количество лет оставаться в отпуске по уходу за ребенком, возможно, даже рожая одного ребенка за другим. Как пишут об этом О. Исупова и В. Уткина, «многие развивают приспособленческую стратегию и принимают условия игры: низкую зарплату и неясные перспективы повышения в обмен на гарантии декретного отпуска и крайней сложности увольнения. При этом они ценят несложную и неотчетственную работу, т.е. в ответ на определенную дискриминацию максимально снижают интенсивность рабочих усилий и сокращают рабочее время... оставляя время на „личную жизнь“, часто сводимую к домашним обязанностям» [16, с. 481]. К карьере и повышению профессионализма в исполнении своих должностных обязанностей такие женщины не стремятся, поскольку для них приоритетом выступает роль матери. Для государственных органов это оборачивается головной болью в виде временных декретных ставок, а для тех, кто будет на них работать, — неопределенностью перспектив занятости. Подобная стратегия полезна для семьи и рождения детей, но вряд ли способствует качественному исполнению полномочий государственных органов.

2. Карьерно ориентированные молодые женщины, которые, делая ставку на карьеру, забывают о семье. Возможно, они вообще откажутся создавать семью, ограничиваясь ни к чему не обязывающими отношениями с мужчинами, и заботясь о детях своих родственников/друзей в качестве тетушек. Данная стратегия не является специфичной для гражданской службы, это путь многих женщин, делающих карьеру в условиях господства традиционалистских гендерных норм и патриархатных представлений о семейных ролях, когда мужчина «выталкивается» в публичную сферу, а женщина ограничивается рамками приватной сферы. Чтобы не оказаться «запертой» на кухне и в детской, женщина выбирает профессиональную самореа-

¹ Среднемесячная начисленная заработная плата гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне по ветвям власти в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/51.htm (дата обращения: 11.05.2019).

Последствия занятости женщин в государственном аппарате для семьи
 Table 1. Effects of women's employment in the public administration on the family

«Плюсы»	«Минусы»
Гарантированный заработок и отпуск большой продолжительности	Недостаток времени на общение с близкими из-за ненормированного рабочего дня (высокий риск разводов)
Выплата всех без исключения государственных пособий, оплата больничного листа, а также наличие специальных социальных гарантий	Откладывание создания семьи и рождения детей из-за высоких карьерных притязаний и большой занятости
Возможность накапливать социальный капитал, который можно использовать для решения семейных проблем	Стрессогенность и интенсивность труда (особенно на высших и главных должностях), риск нервных расстройств и заболеваний

лизацию вместо семейной. Следствием этого выступает рост одиночных домохозяйств и снижение рождаемости.

Специфика гражданской службы проявляется в привлекательности данного жизненного сценария для молодых женщин, потому что их денежное содержание напрямую зависит от уровня замещаемой должности, который, в свою очередь, связан со стажем гражданской службы. Гарантированную высокую заработную плату (а потом пенсионное обеспечение) нужно выслужить. В подобной ситуации большие перерывы в трудовом стаже, связанные с отпусками по уходу за детьми, нежелательны.

Самым большим «плюсом» для семьи, который дает женщине гражданская служба, и который трудно заработать в других сферах занятости, является получение социального капитала, позволяющего решать текущие (семейные) проблемы эффективнее. Однако размер этого капитала, как и экономического, зависит от уровня замещаемой женщиной должности гражданской службы.

Подводя итог, можно сказать, что для семьи как «ячейки общества» в этой ситуации негативных последствий больше, поскольку ценой стабильной заработной платы и значительных социальных гарантий выступает интенсивный ненормированный, и даже не всегда высокооплачиваемый рутинный труд, если речь идет о низовом звене гражданской службы, где всякого рода доплаты и премии не так высоки. Это негативно сказывается на семье, поскольку женщине не хватает сил и времени на качественное выполнение своих семейных обязанностей. Однако в условиях нестабильной экономической ситуации женщины в поисках гарантированного заработка и социальной защиты по-прежнему будут стремиться на гражданскую службу (так же как на военную и в правоохранительные органы) даже ценой снижения карьерных притязаний и отказа от занятия любимым делом. Здесь возникает вопрос об эффективности использования ими своего человеческого капитала, но это тема другого исследования.

Что касается будущего, то здесь многое будет зависеть от того, как будет развиваться сам институт семьи, станет ли модель эгалитарной семьи с партнерскими отношениями между супругами наиболее распространенной в обществе. Модернизация семейных отношений способна компенсировать «минусы», которые несет для семьи занятость женщин на гражданской службе. При этом следует помнить, что само желание людей вступать в брак, создавать семью и рожать детей определяется более общими процессами, чем занятость или ее отсутствие.

В современном индивидуализирующемся обществе бессемейное проживание (одиночество и независимость) становятся все более распространенными среди людей с высоким уровнем образования.

Теперь рассмотрим ситуацию с точки зрения государства как нанимателя гражданских служащих. Анализ литературы позволяет следующим образом выстроить баланс основных положительных и отрицательных последствий занятости женщин в российском государственном аппарате для государства (табл. 2).

Таблица 2

Последствия занятости женщин в государственном аппарате для государства

Table 2. Effects of women's employment in the public administration on the state

«Плюсы»	«Минусы»
Реализация конституционного принципа гендерного равенства через равенство доступа женщин и мужчин к государственной гражданской службе	Снижение конкуренции за вышестоящие должности в государственном аппарате из-за самодискриминации успешных женщин
Обеспечение женской занятости (косвенно — повышение уровня жизни семей с детьми)	Недостаточная вовлеченность в трудовые отношения. Женщины не могут отдавать себя службе в полной мере из-за наличия большого объема семейных обязанностей
Дисциплинированная и квалифицированная рабочая сила	Несбалансированность трудовых коллективов по полу (снижение из-за этого эффективности их деятельности*)

*Психологи отмечают, что в трудовых взаимодействиях необходима не сегрегация, а конвергенция полов, когда «работая вместе, мужчины и женщины учатся друг у друга» [4, с. 298].

Положительные моменты («плюсы») занятости женщин на гражданской службе в особых доказательствах не нуждаются. Как известно, уровень образования российских женщин выше, чем мужчин; среди них меньше распространены аддикции и склонность к девиантному поведению. Денежное содержание гражданских служащих, с учетом разного рода надбавок и выплат, в целом соотносимо со средней заработной платой в регионах. По данным Росстата, на конец 2018 г. среднемесячная заработная плата гражданских служащих в России составила 49,4 тыс. руб.; в федеральных государственных органах — 43,6 тыс. руб.; в государственных органах субъектов Российской Федерации — 63,2 тыс. руб.¹

Если говорить об отрицательных последствиях («минусах»), то самым серьезным, с точки зрения качества работы государственного аппарата, является снижение конкуренции за вышестоящие должности, поскольку это мешает в полной мере использовать человеческий капитал гражданских служащих. В литературе это явление получило название «самодискриминации успешных женщин» [подробнее см. 11]. Более того, поскольку из-за малого представительства мужчин на низовых уровнях гражданской службы женщинам приходится конкурировать между собой, то это подрывает основы групповой солидарности, которая в группе женщин как большой социальной группе и так ниже, чем у мужчин [22, с. 129–135]. В результате женщины, сделавшие карьеру, оказавшись на вершине управленческой ие-

¹ Среднемесячная начисленная заработная плата гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне по ветвям власти в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/51.htm (дата обращения: 26.06.2019).

рархии, не особенно поддерживают карьерные устремления других женщин, видя в них соперниц, а не соратниц.

Т. Бендас выделяет более 20 неблагоприятных признаков гендерных отношений в деловых взаимодействиях. В частности, «отсутствие сочувствия к женщинам со стороны других женщин, добившихся успеха; стремление женщин доказать свою компетентность и полезность организации как защитная стратегия на угрозу возможного увольнения; необходимость, вынуждающая женщин прибегать к манипулированию, принижению себя, чтобы заставить мужчин работать; осуждение женщины-менеджера со стороны близких и друзей; предпочтение подчиненными мужчины в роли босса; навязывание женщинам маскулинного делового стиля (оценка их эффективности по мужским критериям» [4, с. 297–298]. Понимая все это, женщины не особенно стремятся к должностной карьере, в результате кадровый потенциал гражданских служащих недоиспользуется.

Итак, государство получает политические, экономические и профессионально-деятельностные дивиденды от занятости женщин на гражданской службе, которые заметно перевешивают «минусы», большинство из которых может быть компенсировано грамотной (гендерно ориентированной) работой кадровых служб государственных органов.

Однако «плюсы», порождаемые привлечением женщин на гражданскую службу, могут быть утрачены в ближайшем будущем из-за цифровизации государственного управления. Цифровые технологии уже затронули гражданскую службу, наглядный пример — создание портала «Государственные услуги». Цифровизация ведет к отмиранию технических, вспомогательных и обеспечивающих должностей и, следовательно, к сокращению численности государственного аппарата. Эти сокращения коснутся в первую очередь женщин, которые составляют абсолютное большинство гражданских служащих, замещающих эти должности. Напомним, что 86 % обеспечивающих специалистов — это женщины.

Положительной стороной этого процесса станет усиление конкуренции за оставшиеся рабочие места и, как следствие, рост профессионализма гражданских служащих. Однако остается открытым вопрос о том, как сделать эту конкуренцию добросовестной. Для повышения качества государственного управления крайне важно, чтобы ведущим принципом отбора в кадровый резерв и дальнейшего должностного продвижения стал принцип заслуг (меритократии), а не принцип добычи (размер социального капитала) [об этом подробнее см. 10]. Не теряет своей актуальности и проблема оценки в ходе аттестации индивидуального вклада в общее дело и успехов отдельно взятого гражданского служащего [см. 9], которая сейчас формулируется как оценка выполнения гражданским служащим ключевых показателей эффективности по своей должности.

Негативное последствие цифровизации государственного управления — это высвобождение большого числа женщин с достаточно специфическими профессиональными компетенциями, которые имели не самый низкий уровень оплаты труда и, соответственно, будут иметь высокие требования к будущему месту работы. Эта ситуация в целом напоминает проблему трудоустройства военнослужащих, вышедших в отставку или попавших под сокращение, но имеющих желание/необходимость работать дальше. Можно ли решать проблемы сокращаемых женщин — гражданских служащих теми же методами, что и сокращаемых мужчин-военнослужащих — вопрос, требующий специального исследования.

Обсуждение. Итак, в настоящее время для государства высокая доля женщин в государственном аппарате выступает «плюсом», но феминизация гражданской службы в ближайшей перспективе может пойти на спад, поскольку цифровизация государственного управления ведет к глобальным сокращениям обеспечивающих специалистов (т. е. женщин). В то же время усиление конкуренции на рынке труда

при наличии стабильного денежного содержания и социальных гарантий гражданской службы будет вести к вымыванию женщин со всех уровней государственного аппарата за счет массового прихода на гражданскую службу мужчин, например, попавших под сокращение или уволенных с военной службы.

Для института семьи и реализации им своей функции воспроизводства населения от занятости женщин в государственном аппарате в настоящее время преобладают «минусы», потому что цена, которую платят женщины за социальные гарантии и стабильный заработок на гражданской службе — ненормированный рабочий день и интенсивный, стрессогенный труд. Женщинам часто не хватает времени и сил на общение с близкими, на качественное выполнение домашних обязанностей, что усугубляет «комплекс вины» работающей женщины. Ролевой конфликт «семья–работа» женщинами-гражданскими служащими зачастую решается в пользу работы, что может привести к росту разводов. Из-за ненормированности рабочего дня и высокой трудовой нагрузки молодые женщины-гражданские служащие с высокой долей вероятности находятся в зоне риска стать child free. Если бы большое количество женщин на гражданской службе превращалось в качество социальной политики и повышало ее значимость для государства, то, возможно, негативных последствий для семьи от большой трудовой нагрузки женщин на гражданской службе стало бы меньше.

Перспективным направлением продолжения исследований может стать анализ влияния процесса цифровизации государственного управления на гендерный состав государственного аппарата и характер должностного продвижения женщин и мужчин на гражданской службе. Важной задачей выступает изучение зависимости типов семей (семейных групп) государственных гражданских служащих от их социально-демографических и статусных характеристик.

Проведенное нами исследование позволило обсудить негативные и позитивные последствия женской занятости на гражданской службе для выполнения женщинами своих семейных ролей. Однако за рамками остался более общий вопрос, как в принципе влияет сфера занятости женщины на выполнение ею семейных обязанностей. Кому легче совмещать семейные и профессиональные роли, женщинам, занятым в «мужских» отраслях или «женских»? Возможно, сфера занятости значения не имеет, а важен только сам факт оплачиваемой занятости и уровень должности, занимаемой женщиной. Существует ли динамика последствий занятости женщин для их семей и каковы ее причины? Кто оказывается в результате в выигрыше / проигрыше семья или работодатель женщины, и почему? Важен ли региональный, этнический, конфессиональный и другие контексты, и в какой мере? Эти и многие другие вопросы еще ждут своих исследователей.

Литература

1. Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушение или расторжение (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13–22.
2. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 31.05.2019).
3. Анкер Р. Теории профессиональной сегрегации по признаку пола: Аналитический обзор // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. и составитель Е. П. Мезенцева. М. : ИСЭПН РАН — МЦГИ — «Русская панорама», 2002. С. 299–327.
4. Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб. : Питер, 2016.
5. Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 108–117.

6. *Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 3. С. 12–20.
7. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2003.
8. *Гурко Т. А.* О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // *Социологическая наука и социальная практика.* 2013. № 3. С. 33–52.
9. *Древаль И. В., Кашина М. А.* Аттестация государственных служащих как инструмент оценки и развития кадрового потенциала государственного органа // *Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе.* 2007. № 1. С. 53–71.
10. *Древаль И. В., Кашина М. А.* Сочетание политического и карьерного принципов замещения должностей государственной гражданской службы субъектов Федерации (на примере Северо-Западного федерального округа) // *Научные труды Северо-Западной академии государственной службы.* СПб., 2011. Т. 2. Вып. 1. Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность. С. 52–61.
11. *Дынин П. И.* Женщина и карьера // *Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной.* СПб. : Питер, 2003. С. 306–328.
12. *Жидкова Е., Здравомыслова Е.* Семья с гендерной точки зрения: Тихая заводь, поле битвы или коммерческий проект? // *Гендер для «чайников» 2.* Сб. ст. / отв. ред. и сост. И. Н. Тартаковская. М. : Звенья, 2009. С. 90–111.
13. *Здравомыслова О. М.* Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М. : Едиториал УРСС, 2003.
14. *Исупова О. Г.* Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // *Социологические исследования.* 2015. № 11. С. 195–204.
15. *Исупова О. Г., Уткина В. В.* Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2016. № 6. С. 69–88.
16. *Исупова О. Г., Уткина В. В.* Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // *Журнал исследований социальной политики.* 2018. Т. 16. № 3. С. 473–486.
17. *Канапьянова Р. М.* Женщины во властных структурах // *Социологические исследования.* 2007. № 2. С. 68–75.
18. *Кашина М. А.* Государственные гарантии на гражданской службе как элемент социально-правового статуса региональных гражданских служащих // *Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента РФ в СЗФО.* 2008. № 2. С. 51–65.
19. *Кашина М. А.* Социальные приоритеты в системе государственного управления в современной России // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки».* 2013. № 1–2. С. 30–36.
20. *Кашина М. А.* Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // *Женщина в российском обществе.* 2009. № 2. С. 13–31.
21. *Клецина И. С., Иоффе Е. В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М. : Проспект, 2017.
22. *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб. : Алетейя, 2004.
23. *Коннелл Р.* Современные подходы // *Хрестоматия феминистских текстов.* Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 251–280.
24. *Коростылева Н. Н.* Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // *Государственная служба.* 2015. № 5 (97). С. 68–72.
25. *Коростылева Н. Н.* Гендерное измерение кадровых процессов на государственной гражданской службе // *Женщина в российском обществе.* 2014. № 1 (70). С. 12–18.
26. *Кочкина Е. В.* Женщины в российских органах власти // *Общественные науки и современность.* 1999. № 1. С. 173–183.
27. *Ловцова Н. И., Зайцев Д. В.* Насилие в семье или насилие над семьей // *Журнал исследований социальной политики.* 2018. Т. 16. № 3. С. 529–536.
28. *Магомедов К. О.* Гендерный аспект оптимизации кадровых процессов в государственной гражданской службе: социологический анализ // *Вестник Тувинского государственного университета. Сер. Социальные и гуманитарные науки.* 2014. № 1. С. 48–52.

29. Мезенцева Е. Б. Гендерная проблематика в экономической теории // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Под ред. И. А. Жеребкиной. СПб. : Алетейя, 2001. С. 238–276.
30. Мирошниченко О. Н. Профессиональная самореализация женщин-государственных служащих в условиях гендерно-адаптируемой политики органов государственного управления: на примере Чувашской республики: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Нижний Новгород, 2005.
31. Муравьева М. Г. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 625–640.
32. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007.
33. Сбитнева А. А. Женщина в сфере занятости // Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / под ред. И. С. Клециной. СПб. : Питер, 2009. С. 374–400.
34. Филаткина М. В. Госслужащие: мотивы выбора места работы // Человек и труд. 2010. № 8. С. 64–66.
35. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 2005.
36. Хасбулатова О. А. Российская государственная политика по развитию человеческого капитала: гендерный аспект // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации. Иваново ; Плес, 3–5 сентября 2015 г. Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2015. С. 353–355.
37. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008.
38. Чирикова А. Е. Женщина в российской власти: три возможных сценария будущего // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2017. С. 374–376.

Об авторе:

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; kashina_soc@inbox.ru

References

1. Aivazova S.G. Contract “working mother”: violation or termination (To the question of peculiarities of gender policy in modern Russia) // Woman in Russian society [Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve]. 2011. N 3. P. 13–22. (In rus)
2. Analytical report on the results of selective observation of reproductive plans of the population in 2012. [Electronic Resource]. Access: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ Date of adress 31.05.2019. (In rus)
3. Anker R. Theories of occupational segregation by sex: Analytical review // Gender and economics: world experience and expertise of Russian practice/ex. editor and compiler E. P. Mesentseva. Moscow: ISESP RAS–MCGI–“Russian Panorama”, 2002. p. 299–327. (In rus)
4. Bendas T.V. Gender Psychology : Training Manual. SPb. : Piter, 2016. 431 p. (In rus)
5. Borozdina E.A., Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. How to dispose of “maternal capital” or citizens in family policy // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2012. N 7. P. 108–117. (In rus)
6. Voronina O.A. Politics of gender equality in modern Russia: problems and contradictions // Woman in Russian society [Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve]. 2013. N 3. P. 12–20. (In rus)
7. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration: translation from English. M. : Academic Project, 2003. 528 p. (In rus)
8. Gurko T.A. On the Concept of State Family Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: expert assessment // Sociological science and social practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]. 2013. N 3. P. 33–52. (In rus)
9. Dreval I.V., Kashina M.A. Attestation of civil servants as a tool of evaluation and development of personnel potential of the state body // State service. Bulletin of the Coordinating

- Council on Personnel Issues, State Awards and Public Service under the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the North-West Federal District [Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoi sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v Severo-Zapadnom federal'nom okruge]. 2007. N 1. P. 53–71. (In rus)
10. Dreval I.V., Kashina M.A. Combination of political and career principles of replacement of positions of the state civil service of the subjects of the Federation (on the example of the North-West Federal District) // Scientific works of the NWAPA [Nauchnye trudy Severo-Zapadnoi akademii gosudarstvennoi sluzhby]. SPb., 2011. Vol. 2. Issue 1. State power and local self-government in Russia: history and modernity. P. 52–61. (In rus)
 11. Dinin P.I. Woman and Career // Workshop on Gender Psychology / ed. I. S. Klecina. SPb. : Piter, 2003. P. 306–328. (In rus)
 12. Zhidkova E., Zdravomyslova E. Family from a gender point of view: Quiet backwater, battlefield or commercial project? // Gender for “teapots” 2. Collection of articles. Ex. editor I. N. Tartakovskaya. M. : Links, 2009. P. 90–111. (In rus)
 13. Zdravomyslova O. M. Family and society: gender dimension of Russian transformation. Moscow: Editorial URSS, 2003. 152 p. (In rus)
 14. Isupova O. G. Maternal career: children and labor strategies // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2015. N 11. P. 195–204. (In rus)
 15. Isupova O. G., Utkina V.V. Women in public service in Russia: career, family, reproductive intentions // Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2016. N 6. P. 69–88. (In rus)
 16. Isupova O. G., Utkina V.V. Young Women in Russian Public Administration: Factors Determining Career Trajectory // Journal of Social Policy Researches [Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki]. 2018. V. 16. N 3. P. 473–486. (In rus)
 17. Kanapyanova R.M. Women in power structures // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2007. N 2. P. 68–75. (In rus)
 18. Kashina M.A. State guarantees in the civil service as part of the social and legal status of regional civil servants // State service. Journal of the Coordinating Council on Personnel Issues, State Awards and Public Service under the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District [Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoi sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v Severo-Zapadnom federal'nom okruge]. 2008. N 2. P. 51–65. (In rus)
 19. Kashina M.A. Social priorities in the system of public administration in modern Russia // Modern science: topical problems of theory and practice. Humanities series [Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»]. 2013. № 1–2. P. 30–36. (In rus)
 20. Kashina M.A. Women in the Russian civil service: feminization and reproduction of the gender pyramid // Women in Russian society [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2009. N 2. P. 13–31. (In rus)
 21. Klecina I. S., Joffe E. V. Gender norms as a social and psychological phenomenon: monograph. Moscow : Prospect, 2017. 144 p. (In rus)
 22. Klecina I. S. Psychology of Gender Relations: Theory and Practice. SPb. : Alethea, 2004. 408 p. (In rus)
 23. Connell R. Modern Approaches // Chrestomathy of Feminist Texts. Translations. Under ed. E. Zdravomyslova, A. Temkina. SPb: Dmitry Bulanin. 2000. P. 251–280. (In rus)
 24. Korostyleva N. N. Gender distribution in the civil service // Public administration [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2015. № 5 (97). P. 68–72. (In rus)
 25. Korostyleva N. N. Gender dimension of personnel processes in the state civil service // Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2014. № 1(70). P. 12–18. (In rus)
 26. Kochkina E. V. Women in the Russian authorities // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1999. N 1. P. 173–183. (In rus)
 27. Lovtsova N. I., Zaytsev D. V. Domestic Violence or Family Violence // Journal of Social Policy Researches [Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki]. 2018. V. 16. N 3. P. 529–536. (In rus)
 28. Magomedov K. O. Gender aspect of optimization of personnel processes in the state civil service: sociological analysis // Journal of Tuva State University. Social and Humanities Series [Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. sotsial'nye i humanitarnye nauki]. 2014. N 1. P. 48–52. (In rus)

29. Mesentseva E. B. Gender in economic theory // Introduction to gender studies. Part 1. Tutorial / Under ed. of I. A. Zherebkina. SPb. : Alethea, 2001. P. 238–276. (In rus)
30. Miroshnichenko O. N. Professional self-realization of female civil servants in the context of gender-adaptable policy of public administration bodies: on the example of the Chu vash Republic: dissertation abstract. Nizhny Novgorod, 2005. 25 p. (In rus)
31. Muraveva M. G. Traditional Values and Modern Families: Legal Approaches to Tradition and Modernism in Modern Russia // Journal of Social Policy Research [Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki]. V. 12. N 4 (2014). P. 625–640. (In rus)
32. Russian Gender Order: Sociological Approach: Collective Monograph/under ed. of E. Zdravomyslova, A. Temkina. SPb. : European University in St. Petersburg, 2007. 306 p. (In rus)
33. Sbitneva A. A. Woman in employment // Gender psychology. Practical work. 2nd ed. / under ed. I. S. Klecina. SPb. : Piter, 2009. P. 374–400. (In rus)
34. Filatkina M. V. Civil servants: motives for choosing a place of work // Person and work [Chelovek i trud]. 2010. N 8. P. 64–66. (In rus)
35. Hasbulatova O. A. Russian gender policy in the 20th century: myths and realities. Ivanovo: Publishing house of Ivanovo State University, 2005. 372 p. (In rus)
36. Hasbulatova O. A. Russian State Policy on Human Capital Development: Gender Dimension // Innovative Development of Regions in the Context of Globalization. Ivanovo; Ples, on September 03–05, 2015. Ivanovo: Publishing house of Ivanovo State University, 2015. P. 353–355. (In rus)
37. Chernova Zh. V. Family policy in Europe and Russia: gender analysis. SPb. : Norma, 2008. 328 p. (In rus)
38. Chirikova A. E. Woman in Russian Power: Three Possible Scenarios of the Future // Materials of the VII International Sociological Grushin Conference “Towards the Future. Forecasting in Sociological Research”, March 15–16, 2017 / ex. ed. A. V. Kuleshova. M. : JSC VCIOM, 2017. P. 374–376. (In rus)

About the author:

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of a RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; kashina_soc@inbox.ru

Theoretical Foundations of the Formation of the Internet Economy

Alexey P. Isaev*, Tatyana V. Vasilyeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *isaev-ap@ranepa.ru

ABSTRACT

Today, the Internet economics research area is one of the most promising in Russia. The Internet economy is only at the first stage of its development. The history of the Internet economy is only about 35 years old. In the history of mankind in such a short period, no great invention could become so massive and accessible to all.

We conduct an analysis of the structural processes occurring in the modern information (new) economy. We distinguish the e-economy and the internet economy, which is a consequence of the evolutionary development of the e-economy. We consider the definitions of the basic elements of the e-economy and the Internet economy: e-business and i-business, e-commerce and i-commerce, an Internet project and an Internet company website.

Keywords: Internet economy, e-economy, virtual economy, information (new) economy, information society, website, e-commerce, Internet commerce, IT technologies

For citing: Isaev A. P., Vasilyeva T. V. Theoretical Foundations of the Formation of the Internet Economy // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 34–42.

Теоретические основы формирования интернет-экономики

Исаев А. П.*, Васильева Т. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *isaev-ap@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

На сегодняшний день научное направление «Интернет-экономика» является одним из самых перспективных в России. Интернет-экономика находится только на первом этапе своего развития. История интернет-экономики составляет всего около 35 лет. В истории человечества за такой короткий период ни одно великое изобретение не могло стать таким масштабным и доступным для всех.

Произведен анализ структурных процессов, происходящих в современной информационной (новой) экономике. Авторы выделяют электронную экономику и интернет-экономику, которая является следствием эволюционного развития электронной экономики. Рассмотрены определения основных элементов электронной экономики и интернет-экономики: электронный бизнес и интернет-бизнес, электронная коммерция и интернет-коммерция, интернет-проект и веб-сайт интернет-компании.

Ключевые слова: интернет-экономика, электронная экономика, виртуальная экономика, информационная (новая) экономика, информационное общество, веб-сайт, электронная коммерция, интернет-коммерция, ИТ-технологии

Для цитирования: Исаев А. П., Васильева Т. В. Теоретические основы формирования интернет-экономики // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 34–42.

To date, the question of the place and role of the Internet economy in economic science remains unresolved. Some researchers believe that the basic laws of classical economics directly correspond to the Internet economy, others believe that the Internet economy develops according to its own laws and categories in connection with the peculiarities of the basis of its functioning, the Internet.

For most individual users, the Internet is primarily social networks, forums, blogs and email. The network is also actively used to search for products, compare prices and reviews, make purchases [2, p. 49]. For companies, the Internet is basically a way to communicate with suppliers, partners and customers. Gradually, the Internet becomes an independent sales channel and a way to automate business processes. The government of the country uses the Internet to provide services to the public and companies. The government plays a key role in shaping the legislative framework that has a direct impact on the development of the Internet in Russia.

The concepts of “network economy” and “virtual economy” can be viewed as synonymous, the concept of “e-economy” is not synonymous with “Internet economy”. The concept of “electronic economy” reflects a wider range of issues of the functioning of the economy, rather than just focusing on the Internet.

E-economy is a set of economic relations, covering all parts of commodity production, distribution, distribution of goods and the realization of tangible and intangible benefits that occur through electronic data exchange using telecommunication networks [13, p. 34].

The basis of the electronic economy is information technology-the subject of research systems engineering, computer science, Cybernetics, mathematics, Economics. Information technology is a computerized means of generating, storing, transmitting and using information in the form of scientific knowledge and its applications. Computerization is the replacement of manual or mechanical electronic data processing. The object of computerization is information flows in both production and non-production activities.

Under the term “telecommunication networks”, we believe, it is necessary to understand the definition given in the Federal Law “On Communications¹”, namely “telecommunication networks-technological systems that provide one or more types of transmission: telephone, Telegraph, Fax, data transmission and other types of documentary messages, including information exchange between computers, television, sound and other types of radio and wire broadcasting»

As well as electronic data interchange or EDI (Electronic Data Interchange), the concept of e-business appeared long before the ubiquitous spread of the Internet. We believe that e-business, in its earliest forms of manifestation, was born at the end of the 19th century.

The main events in the development of the e-business concept are presented in Table.

The concept of “e-business” is broader than the concept of “e-commerce” [12, p. 58]. The term “e-commerce” covers only commercial activities. The concept of “e-business” covers the entire system of relationships with partners and customers. E-business is a business mainly carried out with the use of information, network and telecommunication technologies and models. An integral part of e-business can be an internal organization of the company on the basis of a single Intranet information network, which increases the efficiency of interaction between employees and optimizes the planning, management and external interaction with partners, suppliers and customers through the Extranet.

The first e-commerce systems, as a form of e-business, originated in the early 70-ies of XX century and were used in transport companies for booking tickets, as well as for the exchange of data between different services in the preparation of flights. Around the same period, there were other forms of e-business: ACS (automated control systems), aimed at automating the business processes of the enterprise.

¹ Federal Law “On Communications” dated 07.07.2003 N 126-ФЗ (ed. 03.08.2018) [Electronic resource] // ConsultantPlus: [reference and search system]. Access mode: <http://www.consultantplus.ru>. (the date of appeal June 17, 2019).

The main events in the development of the e-business concept until the end of XX century

List	The main events
1	1876 — American inventor Alexander Bell receives a patent for the invention of the telephone
2	May 7, 1895 in the Russian physico-chemical society Alexander Popov demonstrates a system for transmitting electromagnetic signals, a receiver which served as a «device for detection and registration of electric oscillations» — the world’s first practical radio and transmitter — the Hertz dipole. In 1945 was established public holiday — radio Day, celebrated annually on may 7
3	On June 25, 1907, Russian scientist Boris Rozing applied for the «method of electric transmission of images at a distance», thus becoming the founder of electronic television
4	The advent of computers with electron tubes in 1942–1954, specialized on the solution of the formalized tasks of wartime or destination
5	The creation of a computer network called ARPANET in 1969 for the exchange of scientific information between the staff of the Agency for advanced research under the Ministry of defense (Advanced Research Project Agency — ARPA). ARPANET is a prototype of the Internet. In case of defeat of individual sections of the network, the existing nodes will automatically redirect data through an intact communication channels. This reliability was intended to control the military potential of the United States, even in the case of a nuclear strike. In the USSR, six years before the construction of this network, there was a plan to create a State network of computer centers (HSC), however, it was not implemented in practice, which deprived our country of a possible priority in this area
6	Development and implementation in 1972 of «e-mail» — the most popular application of ARPANET. E-mail became the first type of communication that allowed to transmit text information at a great speed at a distance [1, p. 47]
7	Development and implementation in 1972 of «e-mail» — the most popular application of ARPANET. E-mail became the first type of communication that allowed to transmit text information at a great speed at a distance [9, p. 148]
8	The concept of «electronic business» gained particular popularity in the 1970s in financial institutions, in particular in financial computer networks, which used the appropriate hardware and software
9	In October 1977, IBM registered the term «electronic business» as a trademark, meaning the transformation of the main business processes using the network [7, p. 35].

In our opinion, *e-commerce* is a form of e-business implementation for the implementation of commercial transactions with the predominant use of electronic means of data exchange through telecommunication networks. Under the electronic communication refers to the EDI network, Telegraph, telephone, radio, television, the Internet, etc.

The relationship of e-commerce and e-business, as the main elements of the e-economy, is presented in Figure 1.

Each of the sciences considers information technology in relation to its subject. A. Kuritsky [8, p. 26] gives the definition to information technologies: “information

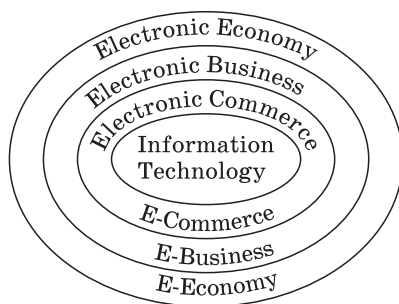

Fig. 1. The relationship of the basic elements of the electronic economy (E-economy) [13, p. 36]

technologies — the computerised ways of development, storage, transfer and use of information in the form of scientific knowledge and ways of their application. Computerization is the replacement of manual or mechanical electronic data processing. The object of computerization is information flows in both production and non-production activities”.

The main disadvantage of the first forms of e-business was the lack of accessibility. The emergence of the Internet has led to the emergence of new forms of e-business and e-commerce due to the low cost of information transmission and global international distribution.

The Internet economy is gradually being formed from the e-economy. *The Internet economy* is an economy in which the strategy and tactics of economic activity, covering all parts of commodity production, distribution, distribution of goods and consumption of material goods are based on the use of Internet technologies [13, p. 12]. The Internet economy is a system-organized layered structure based on online-relationships between commercial agents.

The beginning of the development of the Internet economy can be considered January 1, 1983. This year, the process of integration of individual local networks has ended and a single unified data transmission network “Internet” has been formed. The name of the network “Internet” received on behalf of the data transfer protocol (Internet Protocol). In 1989, at the European Laboratory for Elementary Particle Physics (CERN) in Geneva, Englishman Tim Berners-Lee created the technology of hypertext documents — the World Wide Web (WWW) pages. World Wide Web — has become a global hypertext system. Pages are multimedia documents that include text, graphics, sound, video or animation, hyperlinks to other documents.

Internet business arises simultaneously with the advent of the Internet. *Internet business* is a form of electronic business realized by means of internet technologies. Internet business began to develop in 1993, when individuals and companies were allowed access to the Internet [12, p. 56]. In the same year, the first browser was created. Internet browser was a software that allows you to contact the server to access documents on the Internet, follow the chain from document to document or from page to page. Thus, consumers were able to quickly access information and communicate with each other, regardless of their geographic location.

This activity began to make a profit. In 1993, more than 100 countries were represented in the network, the number of commercial consumers surpassed the number of academic consumers.

In 1994, banks and sales offices were included on the Internet. Since that time, the development of *Internet commerce* began. Initially, Internet commerce was not perceived as a separate and specific phenomenon, there was a simple transfer to the Internet of traditional commercial mechanisms.

In Russian literature, the term “commerce” is often replaced by the term “trade”. We agree with the opinion of the rector of the Chelyabinsk State University of Commerce, Sergey Tkachev, that commerce and trade are synonymous¹. In any dictionary of the word “commerce” is identified with the term “trade”. In the 1990s, free trade was proclaimed in the country. Amid the crisis in the industry, non-payments in budget organizations, millions of people, mostly non-professionals, went into commerce. Trade has acquired a criminal nature, has become close to adventurism. This affected the education system in the field of trade, in particular, the teaching of commodity science was canceled, the corresponding laboratories were closed, equipment was written off. As a result, both the country and the sphere of trade themselves experienced a serious shortage of commodity researchers. The concept of “commerce” was associated with the word “speculation”. The word “speculation” itself was affirmed in Soviet society during the period of the policy of war communism, when the equalizing distribution of industrial and agricultural products was introduced. “Commercial goods” and “speculation” at that time became synonymous. Therefore, it can be assumed that a cautious attitude to the concept of “commerce” in Russia, even at present, has fundamentally historical roots and is associated with the mentality of Russian (Soviet) citizens. When drafting and adopting the Civil Code of the Russian Federation in October 1994, the legislator fundamentally refused to define activities aimed at making profit by the term “commerce”. To denote the basic concept in the field of property and related personal non-property relations in Russian civil law, in contrast to the civil and commercial legislation of most foreign countries of the continental law system, the concept of “entrepreneurial activity” and legal constructions derived from it are used (entrepreneurial activities of a citizen without legal entities, illegal entrepreneurship, business risks etc.).

Internet commerce is a form of implementation of Internet business for the implementation of commercial transactions with the predominant use of the Internet. The relationship of Internet commerce and Internet business as the main directions of the Internet economy is presented in Figure 2.

Thus, the Internet economy is a consequence of the development of e-economy. Elements of the Internet economy continue and complement the entire E-economy system, forming a coherent whole. The innovation-information economy (new economy, IT-economy) is formed as the next stage of development in the concept of post-industrialism.

The relationship of the main elements of innovation-information economy (new economy, IT-economy) is presented in Figure 3.

The term “information economy” was introduced into scientific circulation in the mid-1970s by the American scientist E. Porat, in whose opinion the term “informational” reflects the main substantive aspect of the new society — a change in the main productive resource wealth, which are not physical goods, but information, new knowledge. Information (“new”) economy or IT — Economy can be defined as an economy based on the widespread use of information technology. The addition of “informational” is related to the fact that the productivity and competitiveness of factors and agents in this economy (firms, regions or nations) depend, first of all, on their ability to generate, process and effectively use information based on knowledge.

The Internet economy has emerged from e-economy and is part of it. Accordingly, elements of the Internet economy continue and complement the development of the entire e-economy system, forming a single whole, a single system.

¹ Sidorenko I. The country needs competent businessmen. Ural courier 50 (144).17.03.2001.

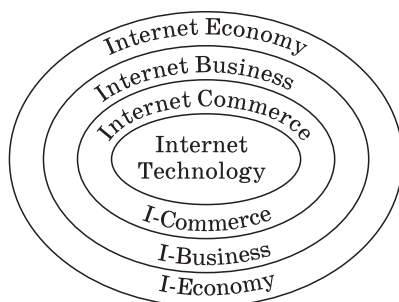

Fig. 2. The relationship of Internet commerce and Internet business as the main directions of the Internet economy [13, p. 39]

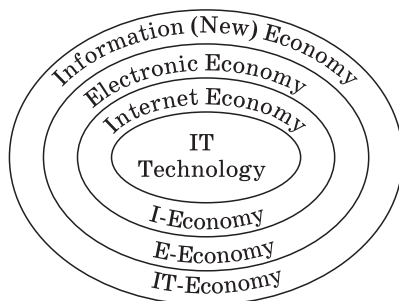

Fig. 3. The relationship of the main elements of innovation-information economy (new economy, IT-economy) [13, p. 40]

The system of the main processes of the information (new) economy is presented in Figure 4.

Internet technologies are a consequence of the development of information technologies. Internet technologies cover all elements of the Internet economy system, presented in Figure 4. The Internet economy system has the main elements: Internet business, Internet commerce, Internet project and website. *Internet business* is one of the forms of evolutionary development of e-business, which is a subsystem of e-economy based on information technology. Internet commerce is a separate area of e-commerce, which emerged from it as an independent element in the early 1990s of the 20th century [10; 11, p. 178].

E-commerce is built on electronic information management systems (EMA), one of the elements of which is an Internet project, which is one of the elements of the Internet economy. An *Internet project* can be presented as a design, technological and analytical documentation, which describes the solutions for creating, operating and supporting the operation of a project carried out on the Internet. The fundamental difference between the Internet economy and E-economy, in our opinion, is the basis for its formation, which is the website, while e-economy is based on programming languages, on the basis of which the website is created. A website is a set of interrelated

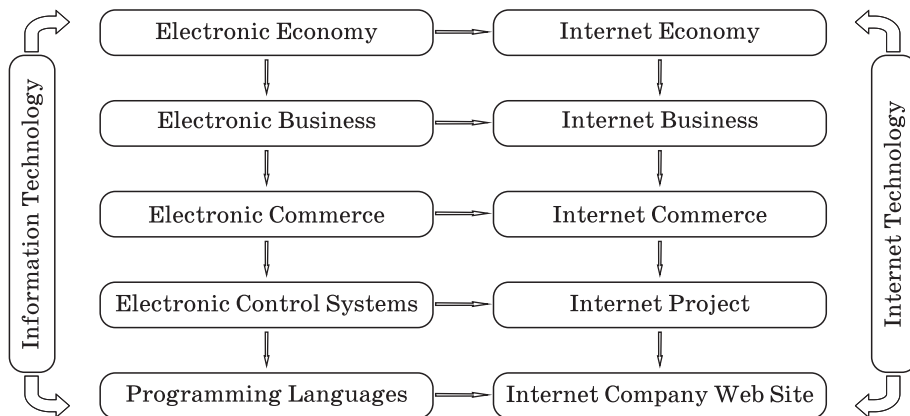

Fig. 4. The system of the main processes of the information (new) economy [13, p. 41]

pages, conceptually combined in content and navigation and physically located on one server, i.e. computer connected to the Internet. The *website*, being the core of the Internet economy, accumulates in itself all the information that needs to be conveyed to the potential buyer.

Thus, the Internet economy is a consequence of the evolutionary development of the Electronic Economy, which originated in the earliest forms around the first third of the XIX century. The basis of the e-economy is new information technologies in various fields of activity. The form of implementation of e-economy at the end of the XIX century becomes e-business. The first e-commerce systems, as a form of e-business, emerged in the early 70s of the XX century and were used in transport companies for booking tickets.

The emergence of the Internet has led to the emergence of new forms of business activity due to the low cost of information transmission and the global international distribution of the network. The Internet economy stands out as an independent direction from the e-economy, along with the advent of the Internet [13, p. 43].

Along with the Internet economy is formed the Internet business. Internet business is a form of e-business with the use of modern Internet technologies. The main focus of Internet business is gradually becoming Internet commerce. E-commerce is a form of Internet business for conducting commercial transactions with the predominant use of the Internet. The principal difference between online commerce is the availability of a website on the Internet, which is the core of the entire Internet economy [3]. The Internet economy is only at the first stage of its development. The history of the Internet economy is only 35 years old, Internet business is 25 years old, and Internet commerce is 24 years old. In the history of mankind in such a short period, no great invention could become so massive and accessible to all.

References

1. Isaev A.P., Vasilieva T.V. 2019. System of infrastructure support of business activity in the market of mobile Commerce of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. N 3. P. 41–48. (In rus)
2. Isaev A.P., Vasilieva T.V. 2018. On the implementation of the program «Digital economy of the Russian Federation» // Eurasian integration: Economics, law, politics. N 1 (23). P. 46–57. (In rus)

3. Isaev A. P., Vasilieva T. V. 2018. National features of entrepreneurship in the mobile Commerce market of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. N 11 (119). P. 132–138. (In rus)
4. Fedina O. 2012. Market freelancing: Features and Prospects. Internet in Numbers. N 3 (11). P. 118. (In rus)
5. Romm J. 1999. The Internet Economy and Global Warming. The Global Environment and Technology Foundation.
6. Karlovskaya E. A., Maksiyanova T. V. et al. 2011. Russia in the 21st Century: Model of Sustainable Development. Monograph. B. 4. Novosibirsk : CIB-PRINT. (In rus)
7. Kudryashov V. S. 2017. The implementation of cluster policy for the economic development of Russian regions // Economy and management: problems, solutions. N 1. P. 33–38. (In rus)
8. Kuritsky A. B. 2002. Government regulation of the Internet economy: theory Issues, world experience and prospects for its use in Russia. SPb. : SPb. University. (In rus)
9. Maksiyanova T. V. 2010. Innovation Technologies in Modern Economics. SPb. : IMC «NVSh-SPb». (In rus)
10. Maksiyanova T. V., 2011. Risks of dotcom companies. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky. N 4 (35). P. 274 [Электронный ресурс]. URL: http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2011/04/eng_38_2011.pdf (date of access: 26.07.2019). (In rus)
11. Maksiyanova T. V. 2012. The Effect of Internet Economy on Russia's GDP. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky, N 2 (37). P. 178 [Электронный ресурс]. URL: <http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2012/04/29.pdf> (date of access: 26.07.2019). (In rus)
12. Vasilieva T. V. 2009. Information and communication technologies in the system of higher education : monograph. SPb. : IMC "NVSh — SPb". (In rus)
13. Vasilieva T. V. 2018. Internet Economy in Russia : monograph. SPb. : IMC "NVSh — SPb".

About the authors:

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; isaev-ap@ranepa.ru

Tatyana V. Vasilyeva, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; 15351538@mail.ru

Литература

1. *Исаев А. П., Васильева Т. В.* Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России // Управленческое консультирование. 2019. № 3. С. 41–48.
2. *Исаев А. П., Васильева Т. В.* О реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 46–57.
3. *Исаев А. П., Васильева Т. В.* Национальные особенности предпринимательства на рынке мобильной коммерции России // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 132–138.
4. *Федина О.* Рынок фриланса: особенности и перспективы // Интернет в цифрах. 2012. № 3 (11). С. 118.
5. *Romm J.*, 1999. The Internet Economy and Global Warming. The Global Environment and Technology Foundation. P. 79.
6. *Карловская Е. А., Масиянова Т. В. [и др.]*. Россия в XXI веке: модель устойчивого развития : монография. Кн. 4. Новосибирск : Сибпринт, 2011.
7. *Кудряшов В. С.* Реализация кластерной политики в целях экономического развития регионов России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 1. С. 33–38.
8. *Курицкий А. Б.* Государственное регулирование интернет-экономики: вопросы теории, мировой опыт и перспективы его использования в России. СПб. : СПб. университет, 2002.
9. *Максиянова Т. В.* Инновационные технологии в современной экономике. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2010. 316 с.
10. *Maksiyanova T. V.* 2011. Risks of dotcom companies. Questions of modern science and practice. University named after Vernadsky. 4 (35). P. 274.

11. *Максиянова Т. В.* Влияние интернет-экономики на ВВП России // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 2. С. 177–187. (16).
12. *Васильева Т. В.* Информационно-коммуникационные технологии в системе высшего образования : монография. СПб. : ИМЦ «НВШ — СПб», 2009.
13. *Vasilieva T. V.* 2018. Internet Economy in Russia: monograph. SPb. : IMC “NVSh — SPb”.

Об авторах:

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; isaev-ap@ranepa.ru

Васильева Татьяна Владимировна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; 15351538@mail.ru

Последствия реализации международных спортивных событий для экономики: зарубежный опыт

Поспелова Е. А.^{1, *}, Казакова М. В.^{1,2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *pospelova@iep.ru

²Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В академическом и экспертном сообществах до сих пор открытым остается вопрос, насколько спортивные мегасобытия способствуют росту экономики принимающей страны. Подготовка к ним требует колоссальных затрат на строительство и модернизацию инфраструктуры, расширение торговли и развитие туризма. В теории это может показаться благодатной почвой для экономического роста и высоких инвестиционных показателей. Однако на практике крупные спортивные события, как правило, приводят к перерасходу бюджета и огромному росту долга страны; инвестиционные стратегии редко бывают успешными, а финансовые ожидания от таких мероприятий оказываются завышенными. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу зарубежного и российского опыта реализации спортивных мегасобытий и позволяет систематизировать эффекты от таких событий для социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: крупное спортивное событие, мегасобытие, региональное развитие, долгосрочный экономический рост, инфраструктура, туризм, коррупция, инвестиции

Для цитирования: Поспелова Е. А., Казакова М. В. Последствия реализации международных спортивных событий для экономики: зарубежный опыт // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 43–54.

Impact of International Sporting Events on the Economy: Foreign Experience

Ekaterina A. Pospelova^{a, *}, Maria V. Kazakova^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *pospelova@iep.ru

^bGaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The contribution of sporting mega-events to the growth of the host economy remains an open question in the academic and expert communities. Their preparation requires enormous investments in the construction and modernization of infrastructure, as well as trade development and tourism expansion. Theoretically, this may seem to be fertile ground for economic growth and high investment performance. However, in practice, major sporting events, as a rule, induce budget overruns and huge debt of the host country; investment strategies are rarely successful; and financial expectations from such events are overestimated. This article is devoted to the comparative analysis of foreign and Russian experience in the implementation of sports mega-events. This research helps to systematize the effects of such events for the socio-economic development of the country.

Keywords: major sporting event, mega-event, regional development, long-term economic growth, infrastructure, tourism, corruption, investment

For citing: Pospelova E. A., Kazakova M. V. Impact of International Sporting Events on the Economy: Foreign Experience // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 43–54.

Введение

Интерес к исследованию влияния крупных спортивных событий, или мегасобытий на развитие городов в российской экономической науке спровоцирован проведением Олимпиады-2014 в Сочи и Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Мегасобытия, привлекая большое количество посетителей, оказывают большое влияние на экономическую динамику города, региона и страны в целом. Это влияние обусловлено необходимостью строительства новых стадионов или восстановления старых, созданием необходимой транспортной, социальной инфраструктуры, что сопряжено с большими затратами и изменением городской среды. Реализация мегасобытия требует от принимающей стороны пересмотра правового поля, существующих долгосрочных градостроительных планов, масштабного финансирования, что создает дополнительную нагрузку на бюджеты и влияет на социальные настроения в обществе в преддверии проведения крупных спортивных мероприятий.

Мегасобытия не только инициируют строительство новых спортивных объектов и транспортных линий, но и реконфигурируют механизмы городского управления и планы стратегического развития, воздействуя на города (и жителей) в целом. Для многих городов проведение мегамероприятия стало импульсом для городского развития. Как подчеркивается в литературе, капитальные затраты на материальные вмешательства в городе — модернизацию или строительство новых спортивных объектов, дорог, железнодорожных линий, аэропортов, конференц-центров, систем безопасности и отелей — в несколько раз превышают эксплуатационные расходы на проведение самого мероприятия [16, 20].

1. Мегасобытия и города: необходимость в сравнительных исследованиях

Хотя первые исследования городского измерения мегасобытий датируются началом 1990-х годов [24], мегасобытия стали более распространенными только с конца 1990-х. Предметом большинства исследований были летние Олимпийские игры, которые представляли собой единственное наиболее трансформирующее и сложное мероприятие, сосредоточенное в одном городе [20, 43].

Ориентация только на один формат мегасобытий ограничивает эмпирические исследования и делает невозможной фиксацию глобальных эффектов, а также оценку последствий мегасобытий в разных странах и городах на систематической основе. Дальнейшее развитие сравнительных исследований создает более системную картину последствий мегасобытий в различных по уровню экономического развития странах. Кроме того, такой анализ позволит сделать выводы о кумулятивном эффекте от реализации мегасобытия в городе [3, 14].

В продвижении мегасобытий заинтересованы не только органы управления мегасобытиями, но также местные, региональные и национальные элиты, аккумулирующие и распределяющие ресурсы, крупные корпорации, принимающие участие в тендерах. Поэтому политическая элита всех уровней всегда заинтересована в положительном образе мегасобытия [7].

Вслед за организаторами мероприятий, представителями политической элиты разных уровней, подрядчиков смысловые инвестиции в мегасобытия стали вкладывать те, кто напрямую не заинтересован в мегасобытии: исследователи, представители различных фондов, которые в своих исследованиях, отчетах, повседневной риторике подчеркивают положительное влияние мегасобытий на динамику человеческого развития. Ученые также усилили утверждения о каталитической функции мегасобытий для городского развития, сославшись на такие выгоды, как экономический рост, инфраструктурное обеспечение, повышение качества жизни и улучшение имиджа [30, 44].

Но есть и еще одна, более проблемная сторона мегасобытий. Вместо того чтобы служить катализатором строительства инфраструктуры или экономическим благом, реализация мегасобытий часто приводит к чрезмерному увеличению выгод заинтересованных сторон и недооценке затрат, неравному распределению ресурсов, нарушению прав граждан во время реализации мегасобытия и пересмотру приоритетов городского развития для удовлетворения краткосрочных потребностей [39, 58].

2. Воздействие мегасобытий на уровень предпринимательского урбанизма

Мегасобытия для многих предпринимателей являются возможностью для расширения продаж. Многие компании, в том числе и финансовые, рассматривают мегасобытия как конкурентное преимущество в борьбе за ограниченное финансирование, инвестиции и продвижение собственного бренда [10]. Мегасобытия могут стимулировать деловую активность, ускорить политику приватизации, сокращая присутствие государства в экономике в пользу городского предпринимательства [32]. Особенно такие процессы были заметны в Рио-де-Жанейро, где проходили Панамериканские игры 2007 г., Чемпионат мира по футболу 2014 г., Олимпийские игры 2016 г.

В преддверии реализации мегасобытий в Канаде (Ванкувер), Великобритании (Лондон) и Южной Африке был улучшен деловой климат путем снижения нагрузки на предпринимателей. В Ванкувере и Лондоне было распространено государственно-частное партнерство как форма взаимодействия государства с бизнесом в целях распределения бюджетных средств между компаниями, обслуживающими мегасобытия [48]. В Южной Африке при подготовке Чемпионата мира по футболу поощрялись предпринимательская инициатива, проводилась ускоренная приватизация и улучшение делового климата в принимающих городах страны [51]. Исключением стала Россия, где при реализации мегасобытий планирование было централизованным, а стимулирование деловой активности и приватизация не были в приоритетах государства в преддверии мегасобытий [37]. Большая часть расходов на подготовку к мундиалу осуществлялась за счет федерального бюджета [38]: так, доля федеральных инвестиций составила 58%, региональных бюджетов — 29%, а частных компаний — всего лишь 14%.

Влияние мегасобытия на долгосрочное развитие зависит во многом от уровня развития рыночной экономики, способа планирования, демократичности политического управления, что проявляется в доступе общественности к процессу принятия решений и контроле за расходованием средств. Важным фактором эффективности является степень развития деловой среды и предпринимательской активности. Мегасобытия призваны стимулировать предпринимательскую активность, однако, эффективность мегасобытия зависит от контекста [23].

3. Финансовые риски мегасобытий

Мегасобытия по своей сути являются финансово рискованными мероприятиями в силу высокой вероятности перерасхода средств [27]. Несмотря на преобладание в большинстве случаев неолиберальной политики и предпринимательской риторики, большая часть ответственности за финансовые риски лежала на компаниях, которые инвестировали в мегасобытия, либо оплачивая расходы напрямую, либо страхуя риски для проектов. Практически во всех проектах по подготовке к мегасобытиям фиксировался большой перерасход средств. Возможно, самым известным случаем стал Чемпионат мира по футболу в Южной Африке, где стадионы стоили в 10 раз дороже, чем предполагалось изначально [52, с. 87]; перерасход также отмечался при подготовке Олимпийских игр в Ванкувере и Лондоне [16], Сочи [38] и Рио при проведении Чемпионата мира по футболу 2014 г. [19].

В тех случаях, когда частные инвесторы отвечали за выполнение части требований к мегасобытию, государственное финансирование привлекалось при возникновении необходимости помощи обанкротившимся инвесторам или взятия части риска частных инвесторов, например, путем совершения значительных предварительных инвестиций в инфраструктуру [50]. Финансовые исключения связаны с чрезмерным перерасходом мегасобытий. В среднем мегасобытия превышают их первоначальный бюджет на 179%, опережая среднее превышение на 27% для крупномасштабных транспортных проектов [16]. Поскольку основная часть средств поступает от государства, то общественность также несет риски, связанные с перерасходом средств (средства налогоплательщиков).

С одной стороны, от мегасобытий выигрывают местные элиты, аккумулирующие и перераспределяющие средства, подрядчики, получающие прибыль. С другой стороны, масштабные затраты осуществляются за счет средств налогоплательщиков, которые могли бы быть израсходованы на другие социальные объекты, которые были бы более эффективны для социального развития [10]. События превращаются главным образом в источники для извлечения ренты, а не в проекты, которые приносят пользу местному населению, поддерживают долгосрочное развитие городов или стимулируют экономический рост [31].

4. Влияние мегасобытий на правовое поле

Мегасобытия создают исключительное состояние, при котором регулярное планирование, фискальные и юридические правила не могут быть применены, а приоритет имеют требования к проведению мероприятия. Другими словами, необходимость реализации мегасобытия выходит за рамки обычных правовых процедур¹. Ослабление существующих правил и процедур посредством юридического изъятия облегчает спекуляцию и перерасход средств, которые являются необходимыми для финансового контроля. Для некоторых стран подготовка правового поля является определяющим этапом реализации мегасобытия [12, 46]. Самая серьезная подготовка правового поля проходила в России и Бразилии. Страны, принимающие мегасобытия, должны выполнить обширные требования МОК и FIFA, которые предусматривают специальное законодательство в таких областях, как защита бренда, права на маркетинг, безопасность, трудовые отношения, возмещение убытков и налогообложение.

Однако Россия пошла даже дальше требований МОК. Например, был принят «олимпийский» закон², который разрешал строительство рекреационной инфраструктуры на охраняемых территориях и облегчал изъятие таких территорий для олимпийского строительства [39]. Бразилия в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу 2014 г. создала особые условия, предусматривающие долговое финансирование при строительстве инфраструктуры и щедрые корпоративные налоговые льготы. Южная Африка и Великобритания также внесли существенные изменения в законодательные положения, но не такие масштабные, какие имели место в России и Бразилии [26, 53].

В Канаде правовые исключения были оспорены и изменены. Это произошло с принятым в 2009 г. общим законом об Олимпийских играх, который должен был ограничить свободу выражения мнений и предоставить беспрецедентные полно-

¹ Казьмин Д., Мокроусова И., Твокайло М. В какую цену обойдется России чемпионат мира по футболу 2018 // Ведомости. 18.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/02/18/chm2018_schet_otkryt (дата обращения: 26.03.2019).

² Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

мочия сотрудникам полиции и служб безопасности. Неправительственная организация (НПО) оспорила этот устав, добившись того, что законодатели устранили большую часть нарушений гражданских прав, которые содержались в предыдущей версии, и сделали почти все меры временными [28].

5. Влияние мегасобытий на гражданский интерес

Мегасобытия, как правило, затрагивают жизнь всего города, поэтому принципиальным вопросом при планировании и градостроительстве в преддверии проведения мундиалей является привлечение общественности. Однако только в одном случае — в Ванкувере — был проведен плебисцит о целесообразности реализации мегасобытия. В 2003 г. жители этого города проголосовали (64%) за проведение Зимних игр 2010 г. [55]. Ванкувер также разработал законодательные положения об участии коренных жителей в планировании и проведении Игр [49] и провел публичные слушания по планированию некоторых объектов.

В Великобритании не было референдума, но общественность привлекалась для обсуждения планов по изменению города для проведения мундиала [40]. В других случаях формальное участие общественности было крайне ограниченным или вообще отсутствовало. В Южной Африке Чемпионат мира по футболу лишил граждан прав участия на местном уровне, что было предусмотрено законодательно в ходе предыдущих реформ планирования, и передал полномочия по принятию решений на более высокие уровни управления [22]. Схожая ситуация была в Сочи, где решения по планированию принимались централизованно в обход местной элиты [37]. В Бразилии в преддверии Чемпионата мира 2014 г. не было никакого конструктивного диалога с организаторами мероприятий и гражданским обществом [19].

Аналогичному вопросу посвящена работа [35], в которой авторами анализируется, как два масштабных спортивных мероприятия в России формируют региональную идентичность и бренды, а также стимулируют различные социальные и административные эффекты в городской среде. Этими двумя мегасобытиями являются Универсиада в Казани в 2013 г. и Чемпионат мира по футболу, прошедший в 2018 г. в 11 городах России, из которых авторы рассматривают Нижний Новгород.

6. Переселение граждан как сопутствующий фактор мегасобытий

Исследователи начали фиксировать масштабное переселение местных жителей в города, принимающих мегасобытия, с 1988 г., фактически с этого периода переселение стало обязательным сопутствующим мероприятием в рамках подготовки [34]. Причем переселение может осуществляться как в принудительном порядке, в результате экспроприации, так и рыночным путем — предоставляя альтернативу или денежную компенсацию. Особенно насильственное переселение было характерно для Бразилии. В одном из исследований в Рио-де-Жанейро утверждается, что в течение периода 2009–2015 гг. в городе Рио-де-Жанейро было выселено 22 059 семей (приблизительно 77 000 человек) [13].

В Южной Африке в рамках подготовки к Чемпионату мира были снесены неформальные поселения в нескольких принимающих городах и начались обширные процессы модернизации в результате инициатив по благоустройству [33]. В рамках подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи было переселено около 800 человек для строительства прибрежного кластера объектов, что вызвало обширные споры об адекватной компенсации [57]. В Лондоне несколько сотен домохозяйств подверглись принудительному переселению в рамках мероприятий по подготовке к Олимпийским играм [56]. Также были ликвидированы несколько сотен малых

предприятий, прежде работавших на территории Олимпийской деревни [45]. При этом и в Ванкувере, и в Лондоне переселения привели к дополнительному давлению на рынок недвижимости и росту арендной платы на территориях, подвергнувшихся реконструкции [56].

7. Влияние мегасобытий на имидж страны в целом

Мегасобытия являются сильным механизмом для формирования имиджа принимающей страны на международной арене. В рамках этой парадигмы события приобретают центральное значение для маркетинга мест и брендинга [8]. Реализация мегасобытий имеет большое символическое значение для развивающихся стран, которые стремятся войти в клуб ведущих мировых держав [15, 54], поскольку они имеют сильный имиджевый эффект как для страны в целом, так и для отдельных принимающих мегасобытия городов. Особенно заметный акцент на имиджевом эффекте делала Россия во время проведения Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. [37, 41].

Важность имиджа и брендинга, пожалуй, наиболее очевидна на Олимпийских играх в Рио, для которых организаторы и городские чиновники предпринимали большие усилия по улучшению имиджа не только Рио, но Бразилии в целом, за чем был очевиден политический мотив руководства страны получить постоянное место в СБ ООН. Правительства России и Южной Африки также уделяли большое внимание возможностям этих мероприятий по укреплению международной репутации не только отдельных городов, но и страны в целом как современной, технологически развитой и открытой для бизнеса.

В Южной Африке футуристические арены должны были «продемонстрировать технические возможности и навыки управления проектами и захватить воображение мира, создать бренд Южная Африка» (цитата из [2]). Канада и Великобритания при позиционировании места реализации мегасобытия акцент делали не на страну, а на город — Лондон и Ванкувер. Например, в Ванкувере визуальные изображения были тщательно продуманы, чтобы воплотить «первозданную городскую природу, мультикультурную социальную гармонию и яркие местные виды спорта» [36]. Ванкувер позиционировался как комфортный город для отдыха и ведения бизнеса.

8. Инвестиции в инфраструктуру

Подготовка к мегасобытию требует от принимающей стороны масштабных капитальных затрат на строительство спортивных объектов и инфраструктуры; эти затраты могут составлять десятки миллиардов долларов [16]. В некоторых случаях принимающая сторона строит новые зоны или даже города специально для проведения мероприятия. Например, при подготовке к Олимпиаде в Сочи российское правительство инвестировало несколько десятков миллиардов долларов в дорожную, железнодорожную и энергетическую инфраструктуру. Вокруг зимнего спортивного курорта в горах вырос целый новый город [38].

Подготовка к Олимпийским играм 2016 г. в Рио-де-Жанейро также способствовала глубокой трансформации городской среды, которая вышла далеко за пределы спортивной инфраструктуры. Это привело к строительству четырех новых автобусных скоростных линий общественного транспорта, строительству двух новых олимпийских парков, расширению линии метро, обширному строительству офисов и элитных квартир и сносу нескольких районов фавел (неформальных поселений) для строительства олимпийской инфраструктуры [6].

В Ванкувере и Лондоне материальные преобразования были не столь заметными, хотя и более локализованными, чем в Сочи и Рио, где они охватывали весь город. Наиболее заметным проектом в Лондоне было создание Олимпийского

парка в Стратфорде [1]. В Ванкувере капитальные инвестиции были более рас-средоточены по территории, но меньше по масштабу. Они включали в себя строительство Олимпийской деревни в центре города, организацию железнодорожно-го сообщения с аэропортом, а также сооружение нескольких новых площадок по всему городу и близлежащем Уистлере [55].

Что касается Чемпионатов мира по футболу, то, как правило, они охватывают несколько крупных городов принимающей стороны, инфраструктура которых уже сформирована и не требует грандиозного вмешательства, как для Олимпийских игр. Поэтому масштабы затрат на подготовку к Чемпионатам мира в Южной Африке и Бразилии не сопоставимы с подготовкой к Олимпийским играм.

Как правило, планирование проведения мегамероприятия включает не только строительство спортивных объектов, но также городское благоустройство и строительство необходимой инфраструктуры. Однако проекты долгосрочного городского и регионального развития часто откладываются, поскольку приоритеты мероприятия перенаправляются на спортивные объекты. Практически всегда первоначальная оценка расходов оказывается заниженной, поэтому ввиду ограниченности ресурсов, средств хватает лишь на строительство спортивных объектов и транспортную инфраструктуру, рассчитанную на перевозку болельщиков [16].

9. Мегасобытие как катализатор культурного, социального, экономического развития

Для принимающих городов реализация мегасобытия является катализатором их культурного, социального, экономического развития. Так, мегасобытия позволяют привлечь дополнительное финансирование для уже существующих градостроительных планов, помимо финансирования новых спортивных объектов, рассчитанных непосредственно под мундиаль. Однако некоторые исследователи обнаружили, что мегасобытия действуют не столько как стимул для реализации уже существующих планов, сколько как катализатор политического продвижения новых проектов [29].

Так, в Лондоне благодаря Олимпийским играм были реконструированы районы в Восточном Лондоне, а также была реконструирована долина реки Ли [42]. В Ванкувере мегасобытие ускорило организацию железнодорожного сообщения между аэропортом и центром города, обустройство важной автомагистрали между Ванкувером и горами, и строительство конференц-центра [55]. В Сочи также использовались Олимпийские игры, чтобы обеспечить реализацию комплексной федеральной целевой программы по модернизации инфраструктуры в районе, которую правительство разработало еще задолго до подготовки к Олимпийским играм [38].

Обратная ситуация имела место в случае с Чемпионатом мира по футболу в Южной Африке, где правительство дало обещание повысить уровень благосостояния бедных слоев населения. Между тем, все инвестиции направлялись на строительство стадионов в обход реализации социальных программ [33].

10. Влияние мегасобытий на изменение городской среды

Мегасобытия используются принимающей стороной в качестве дополнительной возможности привлечения финансирования к изменению существующей городской среды, особенно в неблагополучных районах. Более того, Международный олимпийский комитет напрямую рекомендует использовать Олимпийские игры в целях перепланировки и восстановления существующих районов. «Игры могут стать катализатором строительства новых городских районов на промышленных пустырях, заброшенных доках или заброшенных железнодорожных станциях» [25, с. 40]. По-

этому главной мотивацией участия в мегасобытиях для местных властей является возможность проведения перепланировки городской среды. Например, Рио-де-Жанейро проводил масштабную кампанию по расселению фавел в целях подготовки к проведению Чемпионата мира по футболу и Олимпийских игр [17]. Также был запущен крупнейший в истории города проект реконструкции исторической портовой зоны [46].

11. Использование инфраструктуры после мероприятий

МОК и FIFA обязывают принимающую сторону обеспечить определенные мощности инфраструктуры: пропускная способность общественного транспорта, аэропорта, номерной фонд гостиниц. Это обусловлено тем, что во время проведения мундиаля искусственно создается нагрузка на транспортную и социальную инфраструктуру за счет большого потока посетителей. Фактически же инфраструктура, построенная к мегасобытиям, становится убыточной. Стадионы слишком велики для покрытия повседневных потребностей, а эксплуатационные издержки масштабны, особенно с учетом того, что спортивные объекты остаются на балансе местных бюджетов, создавая дополнительную нагрузку [4]. При этом финансирование строительства спортивных объектов идет за счет госсредств, поскольку частные инвесторы неохотно вкладывают средства в многочисленные убыточные объекты [5].

В этом плане Ванкувер и Лондон имели самые низкие доли недостаточно используемой инфраструктуры. Как правило, неспортивная инфраструктура, недвижимость, транспорт были полностью востребованы среди населения после проведения мундиаля. Большинство новых спортивных объектов в этих двух городах также востребованы, но остаются субсидируемыми, что сопряжено с большими затратами (Олимпийский стадион в Лондоне) [11].

Сочи представляет собой почти полную противоположность. Были реализованы проекты, которые практически не востребованы в повседневной жизни. Например, самый дорогой проект — комбинированное автомобильно-железнодорожное сообщение от моря до гор на сумму более 10 млрд долл. — практически не предусматривает использование железнодорожной линии — всего шесть поездов в день в каждом направлении. Большую часть года гостиничные мощности используются не полностью, что привело к тому, что некоторые новые отели прекратили работу всего лишь через один год после проведения Олимпийских игр [38]. Самым востребованным объектом, построенным в рамках подготовки к Олимпиаде в Сочи, является горнолыжный курорт «Роза-Хутор», который изначально рассматривался как маркетинговый ход — благодаря Олимпиаде горнолыжный курорт мирового уровня должен был привлечь потоки туристов.

Строительство 4- и 5-звездочных гостиниц в Рио-де-Жанейро также было неэффективно ввиду невостребованности после проведения мундиаля. Кроме того, некоторые виды спорта не практикуются в Бразилии (велоспорт на треке, каноэ, теннис), поэтому спортивные объекты, предназначенные под эти виды спорта, также оказались не востребованными. Инфраструктура для проведения Чемпионатов мира по футболу в Бразилии и Южной Африке также не пользуется спросом в силу большой вместимости стадионов.

В рамках подготовки к Чемпионату Европы по футболу в 2012 г. в Польше было построено или реконструировано несколько спортивных сооружений, в том числе: Национальный стадион (Варшава), PGE Arena (Гданьск), городской стадион (Вроцлав), городской стадион (Познань). Однако после завершения Чемпионата и по настоящее время эти мероприятия проходят, главным образом, на Национальном стадионе в Варшаве и стадионе Энерга в Гданьске [9].

Заключение

Среди рассмотренных выше случаев можно выделить некоторые особенности и закономерности. Распределение ресурсов, определение направлений для инвестирования, привлечение общественности для обсуждения градостроительных планов зависят во многом от характера управления в стране. Так, в странах с демократическим управлением, например, в Канаде и Великобритании, объем ресурсов не был столь масштабным, как в Бразилии и России, а общественность не только привлекалась к обсуждению, но даже влияла на уже принятые правовые исключения (например, в Канаде общественность добилась отмены некоторых ограничений конституционных прав). Реконструкции больше подвергались уже существующие районы, встраивая планы по подготовке в общую градостроительную стратегию. В Бразилии, Южной Африке, России спортивные объекты строились с нуля, преимущественно на свободных территориях.

Также стоит отметить, что движущим фактором для развития принимающего региона являются не столько требования МОК и FIFA, сколько интерес политических элит, поскольку большая часть планирования и развития городских мероприятий осуществлялась местными организационными комитетами, которые поддерживают связь как с FIFA и МОК, так и с международными федерациями, в отношении требований к спорту, СМИ и объектам гостеприимства. FIFA и МОК выражают беспокойство по поводу отсутствия у них полномочий ограничивать расходы на местном уровне, в то время как их возможность вмешиваться может быть ограничена политическими, культурными и организационными обстоятельствами.

Мегасобытия в менее демократичных принимающих странах с более сильной ролью государства в экономике (Россия, Бразилия, Южная Африка) имели более негативные последствия: нерациональное использование средств, востребованность спортивных объектов после проведения мундиаля. Напротив, для стран с демократическим правлением последствия мегасобытий оказались минимальны: они с меньшей вероятностью испытывали жесткое исключение и массовое переселение граждан, лучше использовали мегасобытие в качестве катализатора развития и обеспечивали адекватное использование инфраструктуры после событий. Эти страны использовали систему сдержек и противовесов, которая устанавливала общественную ответственность организаторов мегасобытий и смягчала негативные последствия от событий.

Таким образом, влияние мегасобытий на развитие городов разнообразно и в основном смягчается политическим и экономическим контекстом городов. Этот вывод важен, поскольку формальные требования к проведению мегамероприятий остаются неизменными от события к событию, что предполагает более единообразные воздействия. Поэтому в силу разного воздействия мегасобытий на принимающие регионы или страны, результаты анализа такого влияния следует обобщать с осторожностью. Наибольшие различия можно обнаружить между событиями, проводимыми в менее демократичных, более управляемых государством странах и в странах с более демократичной и рыночной экономикой.

Литература / References

1. *Agamben G.* State of exception. Chicago, IL : University of Chicago Press, 2005.
2. *Alegi P.* «A nation to be reckoned with»: The politics of world cup stadium construction in Cape Town and Durban, South Africa // *African Studies*. 2008. 67. P. 397–422.
3. *Allen J., Cochrane A.* The urban unbound: London's politics and the 2012 Olympic Games // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. 38. P. 1609–1624.
4. *Alm J., Solberg H. A., Storm R. K., and Jakobsen T. G.* Hosting major sports events: The challenge of taming white elephants // *Leisure Studies*. 2014. 35. P. 564–582.

5. Almeida B. S. de, Bolsmann C. Júnior, Wanderley M., Souza J. de. Rationales, rhetoric and realities: FIFA's World Cup in South Africa 2010 and Brazil 2014 // *International Review for the Sociology of Sport*. 2013. 50 (3). P. 265–282.
6. Alves dos Santos Junior O., Gaffney C., de Queiroz Ribeiro L. C. (Eds.). Brasil: os Impactos da copa do mundo 2014 e das Olimpíadas 2016 [Brazil: the impacts of the 2014 World Cup and 2016 Olympics]. Rio de Janeiro, Brazil : Letra Capital Editora, 2015.
7. Andranovich G., Burbank M. J. Contextualizing Olympic legacies // *Urban Geography*. 2011. 32(6). P. 823–844.
8. Black D. The symbolic politics of sport mega-events: 2010 in comparative perspective // *Politikon*. 2007. 34. P. 261–276.
9. Borowski J., Boratyn'ski J., Czerniak A. et al. Assessing the impact of the 2012 European Football Championships on the Polish economy // *International Journal of Sport Management and Marketing*. 2013. 13 (1/2). P. 74–103.
10. Burbank M., Andranovich G., Heying C. H. Olympic dreams: The impact of mega-events on local politics. Boulder, CO : Lynne Rienner, 2001.
11. Clark R. London's real Olympic legacy: Paying to build the stadium twice // *The Spectator*. 2014. November 22 [Electronic resource] . URL: <https://www.spectator.co.uk/2014/11/londons-real-olympic-legacy-paying-to-build-the-stadium-twice/> (date of access: 26/11/2018).
12. Coaffee J. The uneven geographies of the Olympic carceral: From exceptionalism to normalization // *The Geographical Journal*. 2015. 181. P. 199–211.
13. Comitê Popular. Olimpíada Rio 2016: os jogos da exclusão. [The 2016 Rio Olympics: the exclusion games]. Rio de Janeiro, Brazil : Comitê Popular da Copa e Olimpíadas do Rio de Janeiro, 2015.
14. Cook I. R., Ward K. Trans-urban networks of learning, mega events and policy tourism: The case of Manchester's Commonwealth and Olympic Games projects // *Urban Studies*. 2015. 48. P. 2519–2535.
15. Cornelissen S. The geopolitics of global aspiration: Sport mega-events and emerging powers // *The International Journal of the History of Sport*. 2010. 27 (16–18). P. 3008–3025.
16. Flyvbjerg B., Stewart A. Olympic proportions: Cost and cost overrun at the Olympics 1960–2012 // *Said Business School Working Paper*. 2012 [Electronic resource]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=223805 (date of access: 26/11/2018)..
17. Freeman J. Neoliberal accumulation strategies and the visible hand of police pacification in Rio de Janeiro // *Revista de Estudos Universitários* 2012. 38. P. 95–126.
18. Gaffney C. Mega-events and socio-spatial dynamics in Rio de Janeiro, 1919–2016 // *Journal of Latin American Geography*. 2010. 9 (1). P. 7–29.
19. Gaffney C. The urban impacts of the 2014 World Cup in Brazil. In R. Gruneau & J. Horne (Eds.), *Mega events and globalization: Capital, cultures and spectacle in a changing world order* (p. 167–185). Abingdon, UK: Routledge, 2015.
20. Gold J. R., Gold M. M. (eds.). *Olympic cities: City agendas, planning, and the world's games, 1896–2020* (3rd ed.). London, England : Routledge, 2016.
21. Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. The hybrid spatialities of transition: Capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring // *Urban Studies*. 2014. 51. P. 617–633.
22. Haferburg C. South Africa under FIFA's reign: The World Cup's contribution to urban development // *Development Southern Africa*. 2011. 28. P. 333–348.
23. Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: The transformation of urban governance in late capitalism // *Geografiska Annaler B*. 1989. 71 (1). P. 3–17.
24. Hiller H. The urban transformation of a landmark event: The 1988 Calgary Winter Olympics // *Urban Affairs Quarterly*. 1990. 26. P. 118–137.
25. International Olympic Committee (IOC). *Olympic legacy*. Lausanne, Switzerland : Author, 2012.
26. James M., Osborn G. London 2012 and the impact of the UK's Olympic and paraolympic legislation: Protecting commerce or preserving culture? // *The Modern Law Review*. 2011. 74. P. 410–429.
27. Jennings W. *Olympic risks*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012.
28. Jones J. Legal tremors in the lead-up to Vancouver's 2010 winter Olympic Games // 2010. February 26 [Electronic resource]. URL: <http://www.vcn.bc.ca/~jjones/legaltremors.html> (date of access: 26/11/2018).
29. Kassens-Noor E. *Planning Olympic legacies: Transport dreams and urban realities*. London, England : Routledge, 2012.
30. Kassens-Noor E. Transport legacy of the Olympic Games, 1992–2012 // *Journal of Urban Affairs*. 2013. 35 (4). P. 393–416.

31. *Kinossian N.* 'Urban entrepreneurialism' in the post-socialist city: Government-led urban development projects in Kazan, Russia // *International Planning Studies*. 2012. 17 (4). P. 333–352.
32. *Lauermann J., Davidson M.* Negotiating particularity in neoliberalism studies: Tracing development strategies across neoliberal urban governance projects // *Antipode*. 2013. 45. P. 1277–1297.
33. *Maharaj B.* 2010 FIFA World CupTM: (South) «Africa's time has come»? // *South African Geographical Journal*. 2011. 93. P. 49–62.
34. *Maharaj B.* The turn of the south? Social and economic impacts of mega-events in India, Brazil and South Africa // *Local Economy*. 2015. 30. P. 983–999.
35. *Makarychev A., Yatsyk A.* Brands, cities and (post-) politics: A comparative analysis of urban strategies for the Universiade 2013 and the World Football Cup 2018 in Russia // *European Urban and Regional Studies*. 2014. 22. P. 143–160.
36. *McCallum K., Spencer A., Wylie E.* The city as an image-creation machine: A critical analysis of Vancouver's Olympic bid // *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*. 2005. 67. P. 24–46.
37. *Müller M.* State dirigisme in megaprojects: Governing the 2014 Winter Olympics in Sochi // *Environment and Planning A*. 2011. 43. P. 2091–2108.
38. *Müller M.* After Sochi 2014: Costs and impacts of Russia's Olympic Games // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. 55. P. 628–655.
39. *Müller M.* (Im-)Mobile policies: Why sustainability went wrong in the 2014 Olympics in Sochi // *European Urban and Regional Studies*. 2015. 22. P. 191–209.
40. *Newman P.* «Back the bid»: The 2012 summer Olympics and the governance of London // *Journal of Urban Affairs*. 2007. 29. P. 255–267.
41. *Persson E., Petersson B.* Political mythmaking and the 2014 Winter Olympics in Sochi: Olympism and the Russian great power myth // *East European Politics*. 2014. 30 (2). P. 192–209.
42. *Poynter G.* The 2012 Olympic Games and the reshaping of East London. In R. Imrie, L. Lees, M. Raco (eds.), *Regenerating London. Governance, sustainability and community in a global city* (p. 132–150). London, England : Routledge, 2009.
43. *Poynter G., MacRury I. (eds.)*. Olympic cities: 2012 and the remaking of London. London : Ashgate, 2009.
44. *Preuss H.* Calculating the regional economic impact of the Olympic Games // *European Sport Management Quarterly*. 2004. 4 (4). P. 234–253.
45. *Raco M., Tunney E.* Visibilities and invisibilities in urban development: Small business communities and the London Olympics 2012 // *Urban Studies*. 2010. 47. P. 2069–2091.
46. *Raco M.* Delivering flagship projects in an era of regulatory capitalism: State-led privatization and the London Olympics 2012 // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. 38. P. 176–197.
47. *Scherer J.* Olympic villages and large-scale urban development: Crises of capitalism, deficits of democracy? // *Sociology*. 2011. 45. P. 782–797.
48. *Siemiatycki M.* Implications of private-public partnerships on the development of urban public transit infrastructure the case of Vancouver, Canada // *Journal of Planning Education and Research*. 2006. 26. P. 137–151.
49. *Silver J J., Meletis Z. A., Vadi P.* Complex context: Aboriginal participation in hosting the Vancouver 2010 Winter Olympic and Paralympic Games // *Leisure Studies*. 2012. 31. P. 291–308.
50. *Smith A.* «De-risking» East London: Olympic regeneration planning 2000–2012 // *European Planning Studies*. 2014. 22. P. 1919–1939.
51. *Steinbrink M., Haferburg C., Ley A.* Festivalisation and urban renewal in the global South: Socio-spatial consequences of the 2010 FIFA World Cup // *South African Geographical Journal*. 2011. 93. P. 15–28.
52. *Taal M.* Their cup runneth over: Construction companies and the 2010 World Cup. In E. Cottle (Ed.), *South Africa's World Cup: A legacy for whom?* (p. 73–100). Scottsville, South Africa: University of KwaZulu-Natal Press, 2011.
53. *Tang K.* The World Cup: Changing country's laws, one tournament at a time // *Berkeley Journal of International Law Blog*. 2013. October 26 [Electronic resource] . URL: <http://berkeleytravaux.com/world-cup-changing-countrys-laws-one-tournament-time> (date of access: 26/11/2018).
54. *Tomlinson R.* Whose accolades? An alternative perspective on motivations for hosting the Olympics // *Urban Forum*. 2010. 21 (2). P. 139–152.
55. *Van Wynsberghe R., Surborg B., Wylie E.* When the games come to town: Neoliberalism, mega-events and social inclusion in the Vancouver 2010 winter Olympic games // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. 37. P. 2074–2093.

56. *Watt P.* «It's not for us»: Regeneration, the 2012 Olympics and the gentrification of East London // *City*. 2013. 17. P. 99–118.
57. *Wurster S.* Homes for games: A filmic interpretation of Sochi 2014 and resettlement in Imeretinskaya Bay // *European Urban and Regional Studies*. 2015. 22. P. 210–217.
58. *Zimbalist A.* Circus maximus: The economic gamble behind hosting the Olympics and the World Cup. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2015.
59. *Zirin D.* How the Rio Olympics could cement a Brazilian coup // *The Nation*. 2016. March 21 [Electronic resource]. URL: <https://www.thenation.com/article/how-the-rio-olympics-could-cement-a-brazilian-coup/> (date of access: 26/11/2018).

Об авторах:

Пospelova Екатерина Андреевна, старший научный сотрудник Лаборатории структурных исследований Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; pospelova@iep.ru

Казакова Мария Владимировна, заместитель заведующего Лабораторией макроэкономических исследований Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, заместитель заведующего Международной лабораторией изучения бюджетной устойчивости научного направления «Макроэкономика и финансы» Института Гайдара (Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kazakova@ranepa.ru, kazakova@iep.ru

About the authors:

Ekaterina A. Pospelova, Senior Researcher of the Laboratory of Structural Researches of the Institute of Applied Economic Researches of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences; pospelova@iep.ru

Maria V. Kazakova, Deputy Head of the Laboratory of Macroeconomic Researches of the Institute of Applied Economic Researches of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Head of the International Laboratory of Studying of the budgetary stability of the scientific direction "Macroeconomic and Finance" of Institute of Gaidar (Institute of Economic Policy of E.T. Gaidar, Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; kazakova@ranepa.ru, kazakova@iep.ru

Развитие корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике

Александрова Т. В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация; atvpsu@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Переориентация национальных социально-экономических систем на принципы устойчивого развития обуславливает необходимость изучения современного состояния и перспектив развития корпоративной экологической ответственности бизнеса в рамках концепта «зеленой» экономики. Нефтегазовая отрасль занимает ведущую долю в объеме ВВП и структуре экспорта России, оказывая при этом повышенную нагрузку на экологию. Поэтому важно повышать вовлеченность нефтегазового бизнеса в решение экологических проблем, активизировать переход к новым формам корпоративной экологической ответственности, адекватным современным целям общественного развития.

Целью исследования является систематизация направлений и принципов развития экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике. Методической основой исследования выступают сравнительные, статистические и рейтинговые методы.

В работе приведен сравнительный анализ параметров корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий в условиях «коричневой» и «зеленой» экономики, представлены результаты исследования экологической деятельности нефтегазовых предприятий России, сформулированы перспективные направления развития экологической ответственности нефтегазового бизнеса в контексте более полного соответствия принципам «зеленой» экономики, а также требованиям экологических стандартов и общественных организаций.

Материалы, изложенные в данной статье, могут дополнить теоретическую и практическую базу решений, нацеленных на обеспечение устойчивого развития нефтегазового бизнеса без причинения вреда окружающей природной среде.

Ключевые слова: нефтегазовый бизнес, «зеленая» экономика, окружающая среда, экологический стандарт, экологическая ответственность

Для цитирования: Александрова Т. В. Развитие корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 55–70.

The Development of Corporate Environmental Responsibility of the Oil and Gas Business in the Transition to «Green» Economy

Tatyana V. Aleksandrova

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation; atvpsu@yandex.ru

ABSTRACT

The reorientation of national socio-economic systems on the principles of sustainable development necessitates the study of present condition and prospects of development of corporate environmental responsibility of business under the concept green economy. The oil and gas industry took a leading share the gross domestic product and exports Russia, while providing increased operational stress on the environment. It is therefore important to increase the involvement of the oil and gas business in solving global environmental problems, to enhance the transition to new forms of corporate environmental responsibility, adequate modern goals of social development.

The aim of the study is the systematization of directions and principles for the development of environmentally responsible oil and gas business in the context of the transition to a green

economy. The methodological basis of the research is comparative, statistical and scoring methods.

In the work of an analysis of the model of corporate environmental responsibility of enterprises in conditions of "brown" and "green" economy, presented the results of studies of environmental activities of oil companies in Russia. Perspective directions of development are formulated environmental liability of the oil and gas business in the context of more full conformity with the principles of "green" economy, as well as environmental standards and social organizations.

Materials contained in this article may complement the theoretical and practical basis of decisions aimed at sustainable development of the oil and gas business without causing harm to the environment Wednesday.

Keywords: oil and gas business, green economy, environment Wednesday, environmental standard, environmental responsibility.

For citing: *Aleksandrova T. V.* The Development of Corporate Environmental Responsibility of the Oil and Gas Business in the Transition to «Green» Economy // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 55–70.

Успешными компаниями будущего будут те, которые сумеют интегрировать ценности бизнеса и общественные ценности.

Джерун ван дер Веер,
управляющий директор нефтяной
компания *Royal Dutch Shell*

Введение

В современных условиях хозяйствования, когда влияние бизнеса на окружающую среду с каждым годом возрастает, соблюдение принципов экологической ответственности становится необходимым условием ведения предпринимательской деятельности предприятия, а внедрение стандартов экологического менеджмента — ключевым направлением развития.

Формирование положительного экологического имиджа особенно важно для нефтегазовых предприятий Российской Федерации. Нефтегазовый сектор занимает значительный удельный вес в экономике страны — обеспечивает 43% доходов федерального бюджета и 57% экспорта страны¹. Нефтегазовая отрасль также обеспечивает население нефтепродуктами и товарами, произведенными из них, поддерживает оборонную функцию государства, но в то же время является отрицательно воздействующим элементом деятельности человечества на окружающую среду.

Все это создает угрозу для нынешнего и будущего поколений. Модель экономики, в условиях которой нефтегазовые предприятия работали высокоэффективно для бизнеса, но с огромными для общества экологическими рисками, называют «коричневой экономикой» [8]. В рамках программы развития Организации Объединенных Наций по окружающей среде (UNEP) в 2008 г. была изложена Инициатива о «зеленой экономике», которая стала составной частью концепции устойчивого развития, добавив в нее ряд положений, касающихся актуальных аспектов экологизации бизнеса, природопользования и восстановления природной среды обитания².

Концепция «зеленой» экономики — это модель, которая способствует улучшению здоровья и укреплению социальной справедливости населения, а также приводит

¹ Цифровая добыча нефти: тюнинг для отрасли // VYGO consulting: официальный сайт [Электронный ресурс] / URL: <http://vygon.consulting/products/ls.-1322/> (дата обращения: 21.04.2019).

² Программа ООН по охране окружающей среды (UNEP) // Организация Объединенных Наций в Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/programma-organizatsii-obedinennykh-natsii-po-okruzhayushchei-srede-ynep>. (дата обращения: 26.04.2019).

к значительному снижению негативного влияния на окружающую природную среду и к уменьшению экологического дефицита. UNEP рассматривает «зеленую» экономику в качестве инструмента, который приводит к росту благосостояния и социального равенства людей, существенно снижает отрицательное воздействие промышленных предприятий на природную среду и уменьшает риски экологической деградациии общества.

В настоящее время нефтегазовые предприятия стараются руководствоваться в своей деятельности принципами устойчивого развития, чтобы обеспечить равновесие между природно-экологическим и социально-экономическим развитием. Применительно к нефтегазовому бизнесу устойчивое развитие включает следующие направления [17]:

- приоритетное внимание к экологическим последствиям предпринимательской деятельности, снижение экологической нагрузки на окружающую среду и климат;
- внедрение инноваций во все виды бизнес-процессов;
- поиск управленческих решений и технологических процессов, которые способствуют достижению целей энерго- и ресурсосбережения;
- переориентация производства на альтернативные виды энергии;
- выпуск экологически чистых продуктов.

Скорость, масштабы и последствия переориентации нефтегазового бизнеса на принципы «зеленой экономики» в настоящее время интенсивно обсуждаются представителями общества, государства и бизнеса. Большой интерес к данному вопросу обусловлен несколькими причинами. Во-первых, глобализация экономики все больше стимулирует отечественные нефтегазовые предприятия к внедрению в предпринимательскую деятельность международных стандартов, в том числе экологических. Во-вторых, общественные и некоммерческие организации все активнее призывают предприятия нефтегазовой промышленности к повышению экологической ответственности. В-третьих, имидж экологически ответственного предприятия становится важным критерием, на основе которого деловые партнеры принимают решение о продолжении договорной деятельности с нефтегазовыми предприятиями и налаживании нового сотрудничества.

На сегодняшний день повышение экологической ответственности нефтегазовых предприятий становится основой принятия решений, гарантирующих соблюдение долгосрочного баланса между экологической целостностью, социальным равенством и экономической эффективностью в контексте устойчивого развития общества [16]. Это требует углубленного изучения теории и практики данного направления корпоративной деятельности, приведения существующей базы знаний в области корпоративной экологической ответственности бизнеса в соответствие с современными общественными ценностями.

Обзор литературных источников показал, что в настоящее время не существует единого понятия «Корпоративная экологическая ответственность». Разные авторы трактуют данное понятие по-разному, пытаются актуализировать его применительно к современным условиям хозяйствования [1; 2; 3; 6; 14; 18]. При этом значительный вклад в развитие трактовки понятия «Корпоративная экологическая ответственность» вносят международные организации, ориентированные на проведение исследований в области устойчивого развития: ООН, Всемирный банк, Европейская комиссия, Копенгагенский центр по корпоративной ответственности (табл. 1). Для нефтегазового бизнеса считаем наиболее приемлемой трактовку понятия корпоративной экологической ответственности, предложенную Всемирным банком.

В результате проведения исследования выяснилось, что в подавляющем большинстве случаев авторы пытаются использовать для анализа и совершенствования процесса реализации корпоративной экологической ответственности предприятий

логические структурные схемы, отражающие последовательность принятия решений в рамках модели экологического менеджмента [7; 9; 11; 12; 13; 15; 20]. Однако концепция корпоративной экологической ответственности применительно к условиям хозяйствования нефтегазовых предприятий и требованиям концепции «зеленой» экономики в настоящее время не разработана.

Следует также отметить тот факт, что нефтегазовые предприятия активно включились в реализацию концепции зеленой экономики, у них накоплен большой передовой опыт в области реализации корпоративной экологической ответственности. Однако в теории эти особенности учтены, проанализированы и обобщены в недостаточной степени.

Все вышеперечисленное определяет актуальность, цель и задачи данного исследования. Целью исследования является систематизация особенностей, принципов и направлений развития корпоративной экологической ответственности нефтегазо-

Таблица 1

Трактовка понятия «Корпоративная экологическая ответственность» в документах международных организаций

Table 1. Interpretation of the concept of "Corporate environmental responsibility" in the documents of international organizations

Организация	Определение понятия
Комиссия по устойчивому развитию ООН ¹	Приверженность бизнеса концепции устойчивого экономического развития в работе со своими сотрудниками, их семьями, местным населением, обществом в целом с целью улучшения качества их жизни
Институт исследований Всемирного банка ²	Сведение к минимуму воздействия деятельности организации на окружающую среду наряду с максимальным повышением благополучия для достижения поставленных целей в области устойчивого развития
Копенгагенский центр корпоративной ответственности ³	Взаимовыгодное добровольное партнерство представителей бизнеса, государства и общественных организаций с целью повышения конкурентоспособности как отдельных компаний, так и национальных экономик на условиях внедрения принципов устойчивого развития и прозрачности бизнеса
Европейская комиссия ⁴	Добровольное внедрение экологических и социальных аспектов в политику хозяйствования предприятий в контексте взаимодействия компании с персоналом, местными сообществами, деловыми партнерами, клиентами, контролирующими органами

¹ Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Комиссия по устойчивому развитию ООН: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainable-development.un.org/post2015/transformingourworld> (дата обращения: 28.04.2019).

² Отчет о всемирном развитии за 2017 г. Вашингтон: исследования Всемирного банка // Всемирный банк: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/pt/905371507533659005/pdf/120298-WBAR-v1-PUBLIC-RUSSIAN.pdf>. (дата обращения: 21.03.2019).

³ Экологические и социальные регуляторы мировой экономики // Копенгагенский центр по корпоративной ответственности: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eldis.org/organisation/A8214> (дата обращения: 24.04.2019).

⁴ Зеленая книга // Европейский Союз: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/ru/eu-information-russian/area/geo_ru (дата обращения: 15.05.2019).

вого бизнеса в условиях реализации концепции устойчивого развития на этапе перехода к «зеленой» экономике. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих основных задач:

- проанализировать экологическую деятельность нефтегазовых предприятий Российской Федерации, выявить проблемные области развития нефтегазовой отрасли в контексте необходимости развития «зеленой» экономики;
- определить особенности и принципы реализации корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике;
- сформулировать актуальные направления повышения корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий Российской Федерации в современных условиях хозяйствования.

Материалы и методы

Теоретической базой исследования выступили труды зарубежных и отечественных ученых, посвященные изучению вопросов, связанных с реализацией экологической ответственности предприятий, а также стратегические документы, регулирующие процесс развития экологической ответственности нефтегазовых предприятий в условиях перехода к «зеленой» экономике. В качестве информационной базы для исследования использовались данные рейтинга экологической ответственности нефтегазовых компаний России, который ежегодно составляет Всемирный фонд дикой природы (WWF)¹.

В процессе исследования применялись методология критического мышления, позволяющая выделить проблемные области реализации экологической ответственности нефтегазовых предприятий; метод сравнения, статистический метод, метод рейтинга.

В табл. 2 представлена выборка показателей, характеризующих уровень развития экологической ответственности нефтегазовых предприятий Российской Федерации за 2013–2017 гг., составленная автором по материалам сайта WWF.

Данные табл. 2 демонстрируют значительный прогресс нефтегазовых предприятий России в динамике воздействия на окружающую среду. За исследуемый период по 7 показателям из 10 наблюдается уменьшение объема негативного влияния нефтегазового бизнеса на экологию. Так, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу уменьшились на 35,1%, доля утилизованного попутного нефтяного газа увеличилась на 9,9%, уровень утилизированных и обезвреженных отходов вырос на 19%, уровень загрязнения земель снизился на 20,5%, удельный вес сверхнормативных выплат в общем объеме платежей за вредное воздействие на природную среду уменьшился на 32,6%, частота чрезвычайных ситуаций на трубопроводах упала в 174 раза, практически полностью исключены случаи разливов нефти и нефтепродуктов. Это нашло отражение в табл. 3.

При этом в динамике воздействия нефтегазовых предприятий на окружающую среду наблюдаются и негативные тенденции. К ним относится рост в 2017 г. удельных выбросов в атмосферу парниковых газов в процессе нефтедобычи более, чем в 2 раза в сравнении с 2015 г. При этом ни одно из нефтегазовых предприятий России за данный период не демонстрировало такой же высокий рост нефтедобычи. Максимальный рост объема нефтедобычи за период с 2015 по 2017 гг. наб-

¹ Рейтинги открытости нефтегазовых компаний России в сфере экологической ответственности за 2014–2018 годы // Всемирный фонд дикой природы (WWF) в России: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/> (дата обращения: 15.03.2019).

Динамика показателей воздействия нефтегазовых компаний Российской Федерации на окружающую среду за 2013–2017 гг.
 Table 2. Dynamics of indicators of the impact of oil and gas companies of the Russian Federation on Wednesday for environmental 2013–2017

Показатели воздействия	2013	2017	Темп роста, %
Удельные валовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, кг/ т. у. т.	3,82	2,48	64,9
Удельные валовые выбросы парниковых газов в атмосферу при добыче нефти, кг/т у. т.	нет данных	87,68	212,2*
Доля утилизированного попутного нефтяного газа (ПНГ), %	78,92	86,7	109,9
Удельное водоотведение загрязненных вод в поверхностные водоемы, м ³ /т у. т. — всего	0,05	0,072	144,0
Удельное водопотребление на собственные хозяйственные нужды предприятия, м ³ /т у. т.	2,03	2,466	121,5
Обезвреживание и утилизация отходов (отношение суммы обезвреженных и утилизированных отходов к количеству отходов), т/т	0,58	0,69	119,0
Динамика площади загрязнения земель (соотношение площади загрязнения на конец года и площади загрязнения на начало года), га/га	0,39	0,31	79,5
Удельная частота экологических инцидентов на трубопроводах, шт./1 тыс. км трубопроводов	25,14	0,144	60,0
Удельный объем разлитой нефти и нефтепродуктов, кг/т у. т.	0,82	0,0003	—
Сверхнормативные платежи в общей стоимости платы за негативное воздействие на экологию, %	43,12	29,02	67,3

*Примечание: темп роста определен по отношению к 2015 г.

людался у нефтяной компании «Новотэк» — 63%. Разработка и реализация мер по сокращению выбросов парникового газа — важная составная часть UNEP. Именно в данном направлении нефтегазовым предприятиям России следует прежде всего повышать свою экологическую ответственность.

Среди негативных тенденций развития нефтегазового бизнеса в России также следует отметить рост удельного водоотведения в поверхностные водоемы загрязненных вод за период с 2013 по 2017 гг. на 44% и увеличение удельного водопотребления на собственные нужды предприятий на 21,5% при средних темпах увеличения объемов деятельности нефтегазовых компаний за данный период на 8–11%. Снижение вредного воздействия на водные ресурсы — это второе приоритетное направление повышения экологической ответственности нефтегазовых предприятий России на ближайшую перспективу.

В табл. 3 представлена выборка показателей, характеризующих уровень развития экологической ответственности нефтегазовых предприятий Российской Федерации за 2014–2018 гг., составленная автором по материалам сайта WWF. Приведенные данные свидетельствуют о том, что система экологической ответственности нефтегазовых предприятий за рассматриваемый период развивалась преимущественно

**Динамика рейтинга экологической ответственности нефтегазовых предприятий
Российской Федерации за 2014–2018 гг.**

Table 3. Dynamics of ecological responsibility rating oil and gas enterprises of the Russian Federation for the period 2014–2018

Показатель рейтинга	2014	2018	Изменение, %
Число предприятий, участвующих в рейтинге	19	22	115,7
Число предприятий, размещающих информацию о воздействии на окружающую среду на своих сайтах	7	12	171,4
Число предприятий, имеющих планы по сохранению биоразнообразия на территории ведения бизнеса	1	10	в 10 раз
Число предприятий, имеющих в экологической программе компонент по спасению животных	3	9	в 3 раза
Число предприятий, уровень информационной открытости которых получил			
• высокую оценку;	10	9	90,0
• среднюю оценку;	2	5	в 2,5 раза
• низкую оценку	7	8	114,3
Число предприятий, реализующих обратную связь с общественностью при возникновении экологических конфликтов	4	8	в 2 раза
Число предприятий, публикующих нефинансовую отчетность в части экологической деятельности	9	14	155,5
Число предприятий, имеющих сертификат ISO 14001	15	19	126,6
Средний балл рейтинга по блоку «Экологический менеджмент»	0,785	0,962	122,5
Средний балл рейтинга по блоку «Воздействие на окружающую среду»	0,641	1,002	156,3
Средний балл рейтинга по блоку «Раскрытие информации»	0,882	0,911	103,2
Средний итоговый балл рейтинга	0,807	0,959	118,8

Источник: составлено автором на основе данных сайта WWF.

но в позитивном направлении. В 2018 г. в рейтинге участвовало 22 нефтегазовых предприятия, обеспечивающих около 97% добычи нефти и газа, а также основную долю переработки и транспортировки углеводородного сырья. Из них 19 компаний имели сертификат о внедрении экологического стандарта ISO 14001, 14 компаний составляли нефинансовую экологическую отчетность о своей деятельности. Число предприятий, размещающих информацию экологического характера в открытом доступе, увеличилось с 7 до 12. Если в 2014 г. только одна нефтегазовая компания разрабатывала планы по сохранению биоразнообразия на территории ведения бизнеса, то в 2018 г. уже 10 предприятий занимались такого рода планированием. С 3 до 9 увеличилось количество нефтегазовых предприятий, осуществляющих мероприятия по спасению животных, с 4 до 8 выросло число компаний, реализующих обратную связь с общественностью при возникновении экологических инцидентов и конфликтов. Средний итоговый балл рейтинга экологической ответственности нефтегазовых предприятий вырос на 18,8% в 2018 г. в сравнении с 2014 г.

Особо высокий рост рейтинга наблюдается по блоку «Воздействие на окружающую среду» — на 56,6%.

Вместе с тем у нефтегазовых предприятий Российской Федерации имеется большой неиспользованный потенциал, который необходимо мобилизовать для активизации усилий по повышению эффективности экологической деятельности. Даже если принимать во внимание положительные тенденции в развитии корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса, доля предприятий, соответствующих требованиям по публичному размещению экологической информации, сохранению биоразнообразия и спасению животных, реализующих обратную связь с общественностью и имеющих высокий уровень информационной открытости, составляла в 2018 г. менее 50% (табл. 3). Низкий темп роста — 3,2% — прослеживается в динамике рейтинга по блоку «Раскрытие информации». Отчасти это объясняется тем, что в 2018 г. в состав рейтинга экологической ответственности по данному блоку добавлены дополнительные критерии, по которым ранее отчетность не формировалась, поэтому далеко не все предприятия сумели оперативно подготовить необходимую информацию и получить удовлетворительные оценки по всему комплексу показателей. Но основная причина низких оценок в рейтинге экологической ответственности связана с тем, что в содержание экологических политик нефтегазовых компаний не включены те или иные направления экологической деятельности, которые являются актуальными на современном этапе общественного развития и высоко оцениваются экспертами. Совершенствование экологической политики можно отметить как третье актуальное направление повышения корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий Российской Федерации на этапе перехода к «зеленой» экономике.

Приведенные аналитические данные свидетельствуют о том, предприятия нефтегазовой отрасли за последние годы существенно улучшили показатели экологической деятельности, вместе с тем, по ряду ключевых показателей рейтинга экологической ответственности нефтегазовых компаний сохраняются негативные тенденции. Хотя нефтегазовые предприятия России все чаще выступают с природоохранными инициативами, общий уровень экологической ответственности нефтегазового бизнеса по-прежнему далек от совершенства. В результате Россия продолжает оставаться на первом месте в мире по уровню неблагоприятного воздействия нефтегазовой отрасли на экологию, значительно опережая Ирак, Иран, США, Венесуэлу.

Результаты и обсуждение

В современной науке разработаны различные модели менеджмента, в рамках которых выделяется управление корпоративной экологической ответственностью, однако ключевые особенности реализации экологической ответственности нефтегазовых компаний в условиях переориентации их деятельности на принципы «зеленой» экономики не определены. Это затрудняет правильную расстановку приоритетов при разработке экологической политики нефтегазовых предприятий, вызывает сложности при выборе направлений совершенствования экологической ответственности нефтегазового бизнеса.

На рис. 1 представлены актуальные в рамках концепта «зеленая» экономика принципы экологической ответственности нефтегазовых предприятий.

В табл. 4 представлены особенности корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий в условиях «зеленой» экономики, сформулированные в сравнении с моделью экологической ответственности, характерной для «коричневой» экономики.

По мнению автора, для ускорения роста «зеленой» экономики нефтегазовым предприятиям необходимо сосредоточить основные усилия на разработке более

Рис. 1. Принципы реализации корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий в условиях «зеленой» экономики

Fig. 1. Principles of corporate environmental responsibility of oil and gas enterprises in conditions of "green" economy

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Сравнительная характеристика модели экологической ответственности бизнеса в условиях «коричневой» и «зеленой» экономики

Table 4. Comparative characteristic of model of ecological responsibility of business in the conditions of "brown" and "green" economy

Область сравнения	«Коричневая» экономика	«Зеленая» экономика
Стратегические цели	Цели развития «тысячелетия»	Цели устойчивого развития
Приоритетная функция	Компенсационная функция, связанная с возмещением ущерба природе и здоровью человека	Превентивная функция, связанная с предотвращением появления нового вреда окружающей среде
Нормативно-правовое регулирование	Национальные нормативно-правовые акты в области экологии, действующие на территории страны базирования предприятия	Международные стандарты и концепции в области реализации экологической ответственности при соблюдении национальных нормативно-правовых актов

Область сравнения	«Коричневая» экономика	«Зеленая» экономика
Стратегические цели	Цели развития «тысячелетия»	Цели устойчивого развития
Выбор новой технологии для внедрения на предприятии	Внедрение экономически целесообразных технологий	Внедрение «наилучших доступных технологий», целесообразных с позиций экономического и экологического эффекта одновременно
Отношение к экологическим рискам	Преимущественно пассивное управление экологическим риском после осуществления рискованного события, ориентация на покрытие нанесенного природе ущерба	Преимущественное активное управление экологическим риском с учетом влияния на ход протекания рискованного события, ориентация на минимизацию ущерба природе и восстановление природной среды
Составление экологической отчетности	Не практикуется, экологическая информация предоставляется в порядке исключения	Составляется в рамках нефинансовой отчетности предприятия, размещается на свободном доступе
Участие в рейтингах экологической ответственности	Составление общественного рейтинга экологической ответственности предприятий не практикуется	Добровольное регулярное участие в общественных рейтингах экологической ответственности предприятий с целью формирования положительного имиджа
Теоретическая основа развития	Теория экономического роста, ориентированная на потребности и возможности общественного воспроизводства	Теория устойчивого экономического развития, основанная на гармонизации потребностей и возможностей экосистемы планеты
Организация экологической ответственности	Закрепление функции по реализации корпоративной экологической ответственности за отдельными подразделениями или сотрудниками аппарата управления предприятием	Вовлечение всех подразделений, отделов и сотрудников предприятия, участвующих в процессе реализации экологической ответственности бизнеса; координация совместной экологической деятельности
Субординация с общей системой менеджмента предприятия	Экологическая ответственность бизнеса существует как номинальный или автономный управленческий процесс	Экологическая ответственность бизнеса интегрирована в общую систему менеджмента предприятия
Критерии оценки эффективности бизнеса	Критерии экономической эффективности бизнеса	Критерии общественной эффективности бизнеса в сочетании с критериями экономической эффективности
Сфера реализации экологической ответственности	Технологический процесс	Все бизнес-процессы предприятия

Область сравнения	«Коричневая» экономика	«Зеленая» экономика
Стратегические цели	Цели развития «тысячелетия»	Цели устойчивого развития
Связь с общественностью	Не поддерживается	Реализуется обратная связь с общественностью, учитываются требования общественных организаций к деятельности предприятия
Результат реализации экологической ответственности	Обеспечение эффективного природопользования	Обеспечение эффективного сбережения природных ресурсов и восстановления природной среды

Источник: составлено автором на основе анализа источников [4; 5; 8; 10; 14; 19].

эффективной корпоративной экологической политики исходя из необходимости обеспечения требований международных стандартов ISO серии 14 000 «Экологический менеджмент»¹, совместных экологических требований общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям², более активной реализации проектов и инициатив «зеленой» экономики (рис. 2).

В рамках концепта «зеленой» экономики к основным мерам по совершенствованию экологической ответственности нефтегазовых предприятий в России можно отнести:

- изучение и внедрение лучшего мирового и отечественного опыта в области корпоративной экологической ответственности бизнеса;
- разработка мер по снижению выбросов парникового газа в атмосферу;
- разработка мер по снижению негативного воздействия на водные ресурсы;
- разработка корпоративных программ рекультивации земель, спасения животных и птиц, возрождения малочисленных и коренных народов на территориях ведения бизнеса;
- повышение осведомленности общественности по вопросам предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных происшествий;
- увеличение количества отечественных нефтегазовых предприятий на территории зарубежных стран;
- обеспечение восстановления ресурсной базы нефтегазовой промышленности;
- повышение уровня экологической безопасности нефтегазового бизнеса;
- внедрение принципов «Бережливого производства» на всех стадиях производства и транспортировки нефти и газа;
- обучение персонала нефтегазовых предприятий методам работы в условиях «зеленой» экономики;
- применение инновационных цифровых технологий Индустрии 4.0 в процессах, обеспечивающих взаимодействие нефтегазового бизнеса с окружающей природной средой;
- оснащение персонала современными цифровыми устройствами для более раннего выявления и предотвращения неблагоприятного воздействия бизнеса на окружающую среду;

¹ The ISO 14001-2015 // International Organization for Standardization (ISO): official site [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/iso:std:iso:14001:ed-3:v1:en> (дата обращения: 26.04.2019).

² Совместные экологические требования общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям [Электронный ресурс]. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/4ac/oil_demands.pdf (дата обращения: 21.04.2019).

Рис. 2. Ключевые цели повышения корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий Российской Федерации

Fig. 2. The key objectives of improving corporate environmental responsibility of oil and gas enterprises of the Russian Federation

Источник: составлено автором.

- повышение ответственности персонала нефтегазовых компаний за соблюдение требований экологических стандартов;
- увеличение объема социального инвестирования, связанного с реализацией проектов по охране и восстановлению природной среды;
- повышение вовлеченности персонала в процессы разработки инновационной, социальной, экологической политики нефтегазовых предприятий;
- развитие отношений со стейкхолдерами для участия в совместных экологических проектах;
- пропаганда концепции «зеленой» экономики и социально ответственного отношения к окружающей природной среде;
- ориентация на решение экологических проблем территории, где базируется нефтегазовый бизнес;

- ориентация на выпуск экологически чистой продукции;
- развитие государственно-частного партнерства в сфере природоохранной деятельности.

В силу существенного влияния нефтегазовой промышленности на показатели развития общественного прогресса, повышение экологической ответственности за результаты предпринимательской деятельности даже на отдельных предприятиях влияет на уровень «экологизации» производства и потребления в отраслях, регионах, национальной и мировой экономике. Высокий уровень корпоративной экологической ответственности может рассматриваться как дополнительное конкурентное преимущество, гарантирующее нефтегазовым компаниям укрепление позиций на конкурентных рынках.

Однако наряду с положительным эффектом от роста экологической ответственности бизнеса возможно появление определенных сложностей. Они связаны с тем, что процедура разработки и реализации мер по повышению экологической ответственности предприятия становится более сложной, разносторонней и трудоемкой. От специалистов управленческих и производственных подразделений потребуются более высокий уровень квалификации, более глубокие знания о методах и инструментах реализации корпоративной экологической ответственности в условиях перехода к «зеленой» экономике, о технологиях координации деятельности с другими сотрудниками, о способах взаимодействия со стейкхолдерами. Для решения проблемы дефицита знаний персонала нефтегазовых компаний целесообразно организовывать специализированное обучение в области промышленной безопасности и охраны окружающей среды, а также внедрять персональную ответственность работников за соблюдение требований экологических стандартов и реализацию природоохранных мероприятий.

Выводы

Результаты выполненного исследования позволяют оценить текущий уровень экологической ответственности нефтегазовых предприятий России как преимущественно удовлетворительный с наличием нескольких проблемных зон, которые требуют целенаправленного корректирующего управленческого воздействия. На основании проведенного анализа были сформулированы три актуальных тенденции развития корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в Российской Федерации.

1. Разработка и реализация более результативных мер по сокращению выбросов парникового газа.
2. Осуществление более действенных мероприятий по снижению вредного воздействия на водные ресурсы.
3. Разработка более эффективной экологической политики.

Также в ходе исследования были определены характерные особенности и принципы реализации экологической ответственности нефтегазовых предприятий в условиях переориентации системы общественного воспроизводства на принципы «зеленой» экономики.

На сегодняшний день практически все нефтегазовые компании России имеют сертифицированные системы экологического менеджмента, интегрированную в систему общего менеджмента, и позиционируют себя как экологически ответственные предприятия. Освоение модели экологической ответственности, характерной для условий перехода к «зеленой» экономике, происходит сравнительно быстрыми темпами. Вместе с тем уровень развития корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий в России пока еще нельзя оценить как высокий и в полной мере соответствующий принципам «зеленой» экономики. Существующая

практика экологической ответственности российского нефтегазового бизнеса нуждается в совершенствовании.

Нефтегазовым предприятиям необходимо реализовать комплекс мер, направленных на обеспечение более полного соответствия практики экологической ответственности требованиям международных экологических стандартов, совместным экологическим требованиям общественных природоохранных организаций, а также приоритетным проектам и инициативам концепта «зеленой» экономики. Повышение экологической ответственности нефтегазовых предприятий должно стать основой принятия решений, гарантирующих соблюдение долгосрочного баланса между экологической целостностью общества и экономической эффективностью бизнеса.

Литература

1. *Благов Ю. Е.* Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции : монография. СПб. : Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2010.
2. *Беляева И. Ю., Эскиндарова М. А.* Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект : монография. М. : КНОРУС, 2008.
3. *Гаевская М. В.* Экологическая ответственность бизнеса и экологические рейтинги. Экологическая эффективность производства : монография. Минск : Бизнесофсет, 2008.
4. *Дементьева А. Г.* Модель корпоративного управления в условиях глобализации : монография. М. : Издательство МГИМО, 2011.
5. *Иванова Н. И., Левченко Л. В.* «Зеленая» экономика: сущность, принципы и перспективы // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». 2017. № 2 (58). С. 19–28.
6. *Копытова Е. Д.* К вопросу о социально-экологической ответственности бизнеса // Вопросы территориального развития. 2017. № 4 (39). С. 1–10.
7. *Косякова И. В.* Моделирование экологически безопасной производственно-хозяйственной деятельности предприятия : монография. Самара : Изд-во СГТУ, 2004.
8. *Лесковская Е. А., Григорьева К. А.* Формирование «зеленой» экономики и устойчивого развития отрасли и регионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2018. № 12 (1). С. 15–22.
9. *Музалевская А. А., Синельникова В. Н., Забелина А. А.* Экологический менеджмент как императив конкурентоспособности хозяйствующего субъекта в современных условиях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3–4. С. 616–619.
10. *Перфильев С. В., Соломатов А. П.* Ключевые аспекты консолидации в мировой нефтеперерабатывающей промышленности на современном этапе [Электронный ресурс] // Интернет журнал Науковедение. 2016. № 8 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/klyuchevye-aspekty-konsolidatsii-v-mirovoy-neftepererabatyvayushchey-promyshlennosti-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 15.03.2019).
11. *Симонова Л. М., Аникеева О. П., Бердина Л. А.* Модели корпоративной социальной ответственности // Всероссийский журнал научных публикаций. 2013. № 5. С. 28–30.
12. *Auld G., Bernstein S., Cashore B.* The new corporate social responsibility // Annual Review Environmental Resource. 2008. N 10. P. 413–435.
13. *Bossink B.* Eco-innovation and Sustainability Management. Routledge, 2013.
14. *Carroll A. B., Shabana K. M.* The business case for corporate social responsibility: a review of concepts, research and practice // International Journal of Management Reviews. 2010. Vol. 12. N 1. P. 85–105.
15. *Dignam A., Galanis M.* The globalization of corporate governance. UK : Ashgate Publishing Farnham, 2015.
16. *Frini A., Ben Amor S.* MUPOM: A multi-criteria multi-period outranking method for decision-making in sustainable development context // Environmental Impact Assessment Review. 2019. N 76. P. 10–25.
17. *Hymel M. L.* Globalization, Environmental Justice and Sustainable Development: The Case of Oil. Arizona : The University of Arizona James E. Rogers College of Law, 2006.
18. *Marshall R. S., Brown R. S.* The Strategy of Sustainability. A System Perspective on Environmental Initiative // California Management Review. 2003. Vol. 46, N 1. P. 101–126.

19. *Motala D., Bystryakov A. Y., Pizengolts V. M.* Level of specialization and management methods in small and medium enterprises of the gas industry // *Management and production engineering review*. 2018. Vol. 9. N 2. P. 80–87.
20. *Uskova T. V.* On the Is. of Econome Ecologization // *Academic Journal of Poyang Lake*. 2016. Vol. 3. N 42. P. 109–112.

Об авторе:

Александрова Татьяна Васильевна, доцент кафедры менеджмента Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Российская Федерация), кандидат экономических наук; atvpsu@yandex.ru

References

1. Blagov Yu. E. Corporate social responsibility: the evolution of concept. Saint-Petersburg : The higher school of management, 2010. (In rus)
2. Belyaeva I. Yu., Eskindarova M. A. Corporate social responsibility: managerial aspect. M. : KNORUS, 2008. (In rus)
3. Gaevskaya M. V. Business ecological responsibility and ecological ratings. Ecological efficiency of production. Minsk : Business offset, 2008. (In rus)
4. Dementieva A. G. Corporate management model in globalization conditions. M. : MGIMO University Press, 2011. (In rus)
5. Ivanova N. L., Levchenko L. V. «Green» economy: the essence, principles and perspectives // *Bulletin of the University of Omsk. Series «Economics»* [Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Ekonomika»]. 2017. N 2 (58). P. 19–28. (In rus)
6. Kopytova E. D. To the issue of the business social-ecological responsibility // *Territorial development issues* [Voprosy territorial'nogo razvitiya]. 2017. N 4 (39). P. 1–10. (In rus)
7. Kosyakova I. V. Modeling of ecologically safe economic activity of the enterprise. Samara : Samara State Technical University, 2004. (In rus)
8. Leskovskaya E. A., Grigirieva K. A. Forming green economy and sustainable development in the industry and region // *Bulletin of the South Ural State University. Series “Economics and management”* [Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment»]. 2018. N 12 (1). P. 15–22. (In rus)
9. Musalevskaya A. A., Sinelnikova V. N., Zabelina A. A. Ecological management as a competitive imperative of a business entity in modern conditions // *International journal of fundamental and applied research* [Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij]. 2016. N 3–4. P. 616–619. (In rus)
10. Perfilyev, S.V., Solomatov A.P. Key consolidation aspects in the world oil-refining industry at the current stage // *The Internet Journal of science of science* [Internet zhurnal Naukovedenie]. 2016. N 8 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/klyuchevye-aspekty-konsolidatsii-v-mirovoy-neftepererabatyvayushey-promyshlennosti-na-sovremennom-etape> (date of access: 15.03.2019). (In rus)
11. Simonova L. M., Anikeeva O. P., Berdina L. A. Corporate social responsibility models // *All-Russia journal of scientific papers* [Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij]. 2013. N 5. C. 28–30. (In rus)
12. Auld G., Bernstein S., Cashore B. The new corporate social responsibility // *Annual Review Environmental Resource*. 2008. N 10. P. 413–435.
13. Bossink B. *Eco-innovation and Sustainability Management*. Routledge, 2013.
14. Carroll A. B., Shabana K. M. The business case for corporate social responsibility: a review of concepts, research and practice // *International Journal of Management Reviews*. 2010. Vol. 12, № 1. P. 85–105.
15. Dignam A., Galanis M. *The globalization of corporate governance*. UK: Ashgate Publishing Farnham, 2015.
16. Frini A., Ben Amor S. MUPOM: A multi-criteria multi-period outranking method for decision-making in sustainable development context // *Environmental Impact Assessment Review*. 2019. №76. P. 10–25.
17. Hymel M. L. *Globalization, Environmental Justice and Sustainable Development: The Case of Oil*. Arizona: The University of Arizona James E. Rogers College of Law, 2006.
18. Marshall R. S., Brown R. S. *The Strategy of Sustainability. A System Perspective on Environmental Initiative* // *California Management Review*. 2003. Vol. 46. N 1. P. 101–126.

19. Motala D., Bystryakov A.Y., Pizengolts V.M. Level of specialization and management methods in small and medium enterprises of the gas industry // Management and production engineering review. 2018. Vol. 9. N 2. P. 80–87.
20. Uskova T.V. On the Is. of Econome Ecologization // Academic Journal of Poyang Lake. 2016. Vol. 3, N 42. P. 109–112.

About the author:

Tatyana V. Aleksandrova, Associate Professor of Chair of Management of Perm State National Research University (Perm, Russian Federation), PhD in Economics; atvpsu@yandex.ru

Перспективы развития нефтегазового сектора экономики Чукотского автономного округа

Казанин А. Г.

ОАО «Морская арктическая геологоразведочная экспедиция», Московский филиал, Москва, Российская Федерация; a.kazanin@mage.ru

РЕФЕРАТ

Хотя добывающая промышленность является основным драйвером развития экономики Чукотского АО, на первых ролях здесь выступает добыча цветных металлов (золота, меди), важное место отводится добыче угля. Добыче газа в действующей Стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года отводится маргинальная роль, а о добыче нефти и вовсе умалчивается. Между тем, регион начинает уделять больше внимания развитию этих отраслей. В статье анализируются положения Стратегии относительно нефтегазовой отрасли Чукотского АО; выявлены серьезные недостатки модели, которые не позволили в полной мере оценить потенциал отрасли. Представлены предложения по корректированию Стратегии с учетом задач и приоритетов федеральной энергетической политики.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, нефтегазовый сектор, Берингово море, арктический континентальный шельф, шельфовые месторождения углеводородов

Для цитирования: Казанин А. Г. Перспективы развития нефтегазового сектора экономики Чукотского автономного округа // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 71–74.

Prospects for the Development of the Oil and Gas Sector of the Economy of the Chukotka Autonomous Area

Alexey G. Kazanin

Moscow branch of the JSC Marine Arctic Geological Expedition, Moscow, Russian Federation; a.kazanin@mage.ru

ABSTRACT

Although the mining industry is the main driver of economic development in the Chukotka Autonomous Area, non-ferrous metals (gold, copper) are playing the leading roles here, coal mining plays an important role. Gas production in the current strategy of socio-economic development of the Chukotka Autonomous Area until 2030 is given a marginal role, and oil production is completely silent. Meanwhile, the region is beginning to pay more attention to the development of these areas. The article analyzes the strategy view on the oil and gas industry of the Chukotka Autonomous Area; identified serious shortcomings of the model, which did not allow to fully assess the potential of the industry. Proposals are presented for adjusting the Strategy to the objectives and priorities of the federal energy policy.

Keywords: Chukotka Autonomous Area, oil and gas sector, oil production, gas production, Bering Sea, Arctic continental shelf, offshore hydrocarbon fields

For citing: Kazanin A.G. Prospects for the Development of the Oil and Gas Sector of the Economy of the Chukotka Autonomous Area // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 71–74.

Первая Стратегия развития Чукотского автономного округа до 2020 года была принята в 2006 г. и предусматривала три основных сценария развития округа — форсированное развитие, основанное на добыче полезных ископаемых (в первую очередь, драгоценных металлов); умеренный сценарий, подразумевавший, по сути, инерционное развитие; превращение территории Чукотки в национальный парк.

Однако уже в первой половине 2010-х гг. стало очевидным несоответствие этой стратегии новым вызовам и приоритетам развития России в целом. Для разработки новой стратегии правительство Чукотского АО обратилось в российскую компанию SBS Consulting, которая, проанализировав текущую модель развития, перспективы и ограничения роста экономики региона, предложила новую модель развития. Она была основана на «диверсификации промышленности региона: развитии цветной металлургии и угольной промышленности; снятии важнейших ограничений: высокой стоимости электроэнергии и чрезмерных транспортных затрат»¹ и легла в основу Стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года, принятой правительством региона в 2014 г.²

На территории Чукотского полуострова находятся Анадырский и Хатырский нефтегазоносные бассейны, охватывающие не только сушу, но и континентальный шельф Берингова моря. На Анадырском шельфе пробурена всего одна глубоководная скважина [1, с. 56]. Эксплуатируется также Западно-Озерное газовое месторождение, которое обеспечивает внутренние потребности округа; добыча нефти на этом месторождении не производится, добыча газа на момент написания Стратегии составляла около 27 млн куб. м в год³, и с тех пор колеблется приблизительно вокруг того же уровня (в 2017 г. в Чукотском АО было добыто немногим более 30 млн куб. м газа)⁴. Потенциал увеличения добычи нефти и газа на Чукотке связан с возможностями освоения шельфа, общий объем углеводородных ресурсов которого оценивается приблизительно в 10 млрд т у.т. (тонн условного топлива)⁵.

Однако развитие нефтегазовой промышленности не рассматривается в Стратегии в ряду приоритетных направлений развития округа — напротив, приоритеты связаны с разработкой Байимской рудной зоны и Беринговского угольного бассейна; иными словами, ставка сделана в первую очередь на добычу угля, равно как и цветных металлов, в первую очередь золота и меди. Это связано с тем, что «разработка нефтегазовых месторождений представляется пока маловероятной в силу высоких затрат на добычу, обусловленных характером месторождений округа. Основные предполагаемые ресурсы нефти и газа расположены на шельфе Чукотского моря. Существующие технологии и ледовая обстановка не позволяют начать разработку этого шельфа в ближайшее время, что позволит сохранить благоприятную экологическую ситуацию шельфовой зоны»⁶.

Нам вопрос развития нефтегазовой отрасли на Чукотке представляется недостаточно глубоко проработанным в Стратегии. К 2030 г. добыча газа, согласно прогнозам, выполненным на основе модели, разработанной SBS Consulting, составит 27 млн м³ в год, т. е. фактически останется на неизменном уровне по сравнению

¹ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа [Электронный ресурс] // SBS. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/cases/strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-chukotskogo-avtonomnogo-okruga/> (дата обращения: 24.01.2019).

² Правительство Чукотского автономного округа. Распоряжение от 16 июля 2014 года № 290-рп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy24.ru/87/documents> (дата обращения: 24.01.2019).

³ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. С. 8.

⁴ Добыча газа на Чукотке в 2017 году выросла на 16% [Электронный ресурс] // EastRussia. Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/news/dobycha-gaza-na-chukotke-v-2017-godu-vyrosla-na-16> (дата обращения: 16.01.2018).

⁵ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. С. 8.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. С. 12.

с уровнем 2014 г.¹. В таблице с расчетами динамики выручки региона по отраслям указано, что добыча газа будет приносить Чукотскому АО 100 млн руб. в год в 2014–2025 гг., а в период 2026–2030 гг. эта сумма составит 200 млн руб. ежегодно. При этом в таблице с расчетами динамики валовой добавленной стоимости по отраслям представлены данные, несколько противоречащие прогнозу выручки — валовая добавленная стоимость отрасли газодобычи в период 2014–2030 гг. оценивается в 100 млн руб. ежегодно, и никакого роста в период 2026–2030 гг. не предполагается². И наконец, наибольшие сомнения вызывает прогноз динамики занятости, согласно которому каждый год в течение периода 2014–2030 гг. в добыче газа на Чукотке будет стабильно занято 30 человек (самый низкий показатель из всех учтенных в Стратегии отраслей)³.

Все вышеперечисленное заставляет выделить ряд недостатков экономической модели, заложенной в основу Стратегии, применительно именно к развитию добычи углеводородов в Чукотском АО. По всей видимости, реального моделирования развития данной области осуществлено не было, так как она была сочтена второстепенной на текущем этапе развития региона (место моделирования заняла механическая экстраполяция даже не текущей динамики, а текущих — на момент разработки Стратегии — значений показателей развития газодобычи, что является крайне ненадежной основой для построения стратегии экономического развития региона в целом и нефтегазовой отрасли в частности — ведь, по сути, «прогнозные» цифры ничем не обоснованы). Сейчас добыча газа действительно играет относительно небольшую роль в экономике Чукотки, однако эта ситуация может измениться. Само руководство округа явно проявляет интерес к развитию отрасли и привлечению в нее инвесторов — на Восточном экономическом форуме 2017 г. правительство Чукотского АО представило инвестиционный потенциал нефтегазовой отрасли в регионе; был представлен ряд инвестиционных проектов, которые могут быть осуществлены на базе уже разрабатываемого Западно-Озерского газового месторождения (объем запасов более 4,4 млрд куб. м) и Верхне-Телекайского нефтяного месторождения (объем запасов 2,8 млн т нефти, 2 млрд куб. м газа и 100 тыс. куб. м газоконденсата), где еще предстоит провести геолого-разведочные работы и обустройство месторождения, прежде чем приступить к добыче⁴.

Еще сильнее ситуация может преобразиться при изменении конъюнктуры на мировом рынке углеводородов (особенно по мере того, как конкуренция со стороны «сланцевых» нефтегазовых проектов будет ослабевать по мере исчерпания сланцевых месторождений, а также в целом исчерпания легкодоступных запасов углеводородов и перехода к разработке более труднодоступных месторождений, которая неминуемо будет иметь более высокую себестоимость, что, вполне вероятно, запустит новый цикл повышения цен на углеводороды на мировом рынке). При существенном росте цен на углеводороды добыча газа на шельфе Берингова моря имеет шансы стать рентабельной [1] — однако в Стратегию не заложено никаких разведочных работ, которые бы позволили лучше понять объем и распределение запасов, структуру месторождений и, в особенности, оценить объем технических извлекаемых запасов.

¹ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. С. 22.

² Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. С. 32–33.

³ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года. С. 36.

⁴ Чукотка представит на ВЭФ проекты добычи нефти и газа [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4528881> (дата обращения: 02.03.2019).

Это представляется серьезным упущением, особенно в свете того, что получение детального представления об объемах и структуре углеводородных запасов арктического континентального шельфа России является одним из приоритетов федеральной энергетической политики — так, в проекте новой Энергетической стратегии России на период до 2035 г. ставится задача «поисковых, геологоразведочных и других работ по освоению нефтегазового потенциала арктического шельфа, трудноизвлекаемых запасов и нетрадиционных видов углеводородного сырья»¹.

Впрочем, следует отметить, что в действующей Энергетической стратегии России Чукотка рассматривается лишь как поставщик угля, но не углеводородов², а основной акцент в развитии нефтегазовой отрасли сделан на другие регионы, в основном Восточной Сибири и Дальнего Востока — что же до исследования арктического шельфа, то здесь внимание сконцентрировано на акваториях Баренцева, Карского и Печорского морей (что, по всей видимости, обусловлено большей доступностью и более высокой степенью разведанности данных участков шельфа по сравнению с шельфом Берингова моря — действительно, на Приразломном месторождении на шельфе Печорского моря уже ведется добыча, в то время как на Анадырском шельфе Берингова моря речь пока идет лишь о бурении единичных скважин).

Тем не менее, полное отсутствие внимания к развитию геологоразведки залежей углеводородов на шельфе Берингова моря в Стратегии развития Чукотского АО представляется стратегическим просчетом, который должен быть скорректирован. Представляется также целесообразным, как мы упоминали выше, оценить объем технических извлекаемых запасов углеводородов — этот показатель имеет ключевое значение для понимания реального потенциала арктического шельфа для развития энергетической политики не только Чукотского АО, но и Российской Федерации в целом.

Литература

1. Савицкий А. В., Грецкая Е. В., Рыбак-Франко Ю. В., Соловьев А. В. Перспективы геологоразведочных работ в глубоководных осадочных бассейнах Берингова моря и Тихого океана // Геология нефти и газа. 2016. № 5. С. 56–64.

Об авторе:

Казанин Алексей Геннадьевич, директор Московского филиала ОАО «Морская арктическая геологоразведочная экспедиция» (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук; a.kazanin@mage.ru

References

1. Savitskii A. V., Gretskaia E. V., Rybak-Franko Iu.V., Soloviev A. V. Geological Exploration Prospects For Abyssal Sedimentary Basins In the Bering Sea and the Pacific Ocean // Oil and gas geology [Geologiya nefi i gaza]. 2016. N 5. P. 56–64. (In rus)

About the author:

Alexey G. Kazanin, Director of the Moscow branch of JSC Marine Arctic Geological Expedition (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Science; a.kazanin@mage.ru

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. Проект [Электронный ресурс]. С. 41–43. URL: <https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/1920/69055> (дата обращения: 02.03.2019).

² Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 02.03.2019).

Роль психодиагностики в управленческом общении при подготовке специалистов в области права

Сидоренко С. А.

Волховский филиал Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Lanusha@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье автором раскрываются приоритетные направления личностно-ориентированного подхода в управленческой психологии в области общения и конфликтологии. Акцентируется внимание на психодиагностике студентов юридических специальностей с целью определения оптимальной стратегии общения с молодым поколением.

Ключевые слова: темперамент, характер, личностная направленность, акцентуация характера

Для цитирования: Сидоренко С. А. Роль психодиагностики в управленческом общении при подготовке специалистов в области права // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 75–85.

The Role of Psychodiagnostics in Management Communication in the Training of Specialists in the Field of Law

Svetlana A. Sidorenko

Volkhov branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; Lanusha@mail.ru

ABSTRACT

In the article the author reveals the priority directions of personality-oriented approach in management psychology in the field of communication and conflictology. Attention is focused on the psychodiagnostics of students of legal specialties in order to determine the optimal strategy of communication with the younger generation.

Keywords: temperament, character, locus control, accentuation of personality traits

For citing: Sidorenko S. A. The Role of Psychodiagnostics in Management Communication in the Training of Specialists in the Field of Law // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 75–85.

Общение — универсальный способ познания других людей, их внутреннего мира. Благодаря деловому общению работник приобретает свой неповторимый набор личностно-деловых качеств. Управление общением — особый вид общения, при котором решаются определенные специфические задачи. В каждой профессиональной деятельности общение и управление им как процессом является очень важным компонентом, и подготовка к нему обязательна при обучении в вузах. Нами на протяжении 10 лет проводилась психологическая диагностика студентов-юристов при поступлении в вузы, готовящие специалистов в области гражданского и уголовного права.

От рождения человек обладает определенными, присущими только ему психологическими свойствами. В своих взаимосвязях эти индивидуальные свойства образуют типы темперамента. Слово «темперамент» имеет латинское происхождение, обозначающее соразмерность, соотношение частей. В настоящее время понятие «темперамент» значит «совокупность динамических особенностей психических

процессов и поведения личности». Темперамент является биологическим фундаментом личности, т. е. основан на свойствах нервной деятельности, связан со строением тела человека, с обменом веществ в организме. Эти свойства являются наследственными и плохо поддаются изменениям. Своеобразие комбинаций этих свойств образуют специфические типы высшей нервной деятельности. Наиболее часто встречаются четыре типа (рис. 1):

1. *Меланхолик* («черная желчь») — слабый тип; человек, отличающийся сравнительно малым разнообразием эмоциональных переживаний, но большой силой и длительностью их; он откликается далеко не на все, но когда откликается, то сильно переживает. Тормозной тип ВНД.
2. *Холерик* («желчь») — сильный неуравновешенный тип; человек быстрый, иногда даже порывистый, с сильными, быстро загорающимися чувствами, ярко отражающимися в речи, мимике, жестах; нередко вспыльчивый, склонный к бурным эмоциональным вспышкам. Возбудимый тип ВНД.
3. *Сангвиник* («кровь») — сильный уравновешенный подвижный тип; человек быстрый, подвижный, дающий эмоциональный отклик на все впечатления; чувства его непосредственно отражаются во внешнем поведении, но они не сильны и легко сменяются. Лабильный тип ВНД.
4. *Флегматик* («лимфа») — сильный уравновешенный инертный тип; человек медлительный, уравновешенный и спокойный, которого нелегко эмоционально задеть и невозможно вывести из себя; чувства его почти никак не проявляются вовне. Инертный тип ВНД [3].

Таким образом, в ходе исследования нами выяснено, что молодое поколение будущих юристов по темпераменту активно на 96,75%, при этом сильную позицию могут занимать 97,77%.

Методика изучения личностной направленности английского психолога Г.-Ю. Айзенка разработана на основе анализа материалов обследования 700 солдат-невротиков [2]. С помощью данной методики строится модель экстравертированности и нейротизма.

Экстравертированность представляет собой своего рода характеристику индивидуально-психологических различий человека, крайние полюса которой соответствуют направленности личности либо на мир внешних объектов (экстраверсия), либо на явления его субъективного мира (интроверсия).

Нейротизм — это понятие, которое характеризуется эмоциональной неустойчивостью, тревогой, волнением, плохим самочувствием, вегетативными расстройствами. Данный фактор также полярен: эмоциональная устойчивость присуща сангвиникам и флегматикам, а неустойчивость — холерикам и меланхоликам.

Экстраверты — люди, ориентированные на окружающий мир, непосредственные, активные, открытые в эмоциональных проявлениях, любящие движение и риск. Для них характерна импульсивность, гибкость поведения, общительность и социальная адаптированность.

Интроверты — люди, для которых наибольший интерес представляют явления собственного внутреннего мира, для них свои теории и оценки реальности важнее, чем сама реальность. Они склонны к размышлениям, самоанализу, необщительны и замкнуты, испытывают затруднения в социальной адаптации и часто социально пассивны.

Человек со смешанным типом ориентации называется амбиверт. Ему свойственны как черты интроверта, так и экстраверта. Наиболее показательными типами амбивертированности являются люди с сенсорно-экстравертным и эмпатийно-интровертным психотипом.

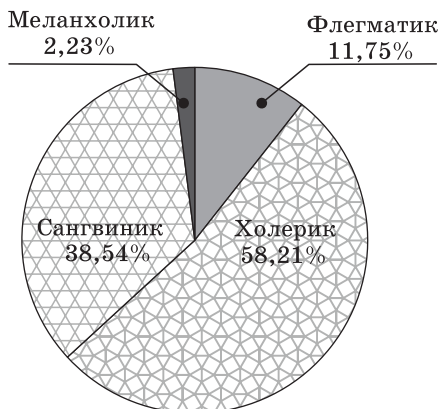

Рис. 1. Диагностика типов темпераментов
Fig 1. Diagnostic research of temperamental types

Юнговская типология — глобальная характеристика данных типов темперамента, за основу деления которой взята основная действующая функция (мышление, ощущение, чувство, интуиция), преобладающая в личности [21].

Результаты психодиагностики по данному показателю можно наблюдать на рис. 2.

Значит, в силу определенных сложившихся социальных условий распределение locus контроля молодого поколения выглядит следующим образом: экстраверсия проявляется у 87,5% студентов, при этом надо учитывать, что при проявлении амбиверсии (9,1%) есть скрытые экстраверты. А чистая классическая интроверсия присутствует только у 3,4%.

Знание характера конкретного человека позволяет с наибольшей вероятностью предвидеть его поведение. Характер как внешнее выражение темперамента складывается из набора определенных волевых, деловых и коммуникативных черт. Основанием для классификации характера, по мнению академика А. В. Петровского, может служить отношение человека к окружающему миру, другим людям, к самому себе, к делу и к вещам, поэтому выделяется 3 основные группы характеров (рис. 3):

- «мыслитель», для которого характерны постоянные размышления о жизни, науке, искусстве. Он любит разнообразные логические задачи, сосредоточен на своих внутренних рассуждениях;
- «собеседник», ориентированный на общение, установление контактов. Он любит компании, умеет шутить над собой и другими;
- «практик», который терпеть не может незавершенных дел, волокиты и рассуждений. Ему нравятся четко поставленные задачи, требующие решительных действий. Он без труда выступает в больших аудиториях, может быть хорошим организатором [13].

Следовательно, при определении типа характера по определяющему виду деятельности общение предпочитает большинство будущих юристов (83,27%), а непосредственную физическую практическую деятельность (21,29%). Умственный труд в приоритете у 41,44%, т. е. предпочтение более-менее легкого труда без особых физических и умственных затрат превалирует.

При определении типа характера определяется также общий стиль жизнедеятельности личности, обобщенный способ поведения в социально значимых ситуациях (рис. 4):

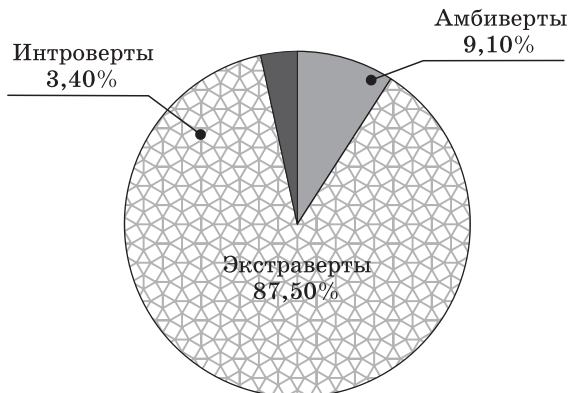

Рис. 2. Диагностика индивидуальной направленности личности
Fig 2. Diagnostic research of locus control

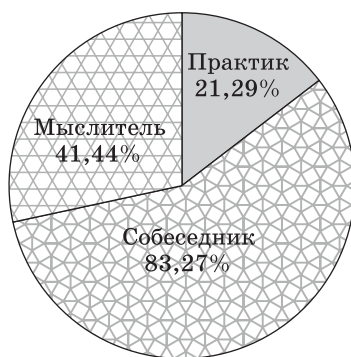

Рис. 3. Диагностика типов характера по А. В. Петровскому
Fig. 3. Diagnostic research of characteric types by A. Petrovsky

- Гармонически целостный тип, отличающийся устойчивостью отношений и высокой приспособляемостью к окружающей среде. У него отсутствуют внутриличностные конфликты. Он общительный, волевой, принципиальный человек. Тип волевого борца за свои идеалы и принципы.
- Тип внутренне конфликтный, но внешне согласованный со средой, отличается противоречивостью между внутренними побуждениями и внешним поведением, которое, согласуясь с требованиями среды, осуществляется с большим напряжением. Он склонен к импульсивным действиям. Это тип отрешенного от повседневной борьбы мудрого созерцателя.
- Конфликтный тип с пониженной адаптацией отличается конфликтностью между эмоциональными побуждениями и социальными обязанностями, импульсивностью, преобладанием отрицательных эмоций, неразвитостью коммуникативных свойств, недостаточной структурированностью самосознания. Психика не обременена большим опытом. Основной механизм жизнедеятельности — удовольствие. Трудные ситуации воспринимаются остро и прикрываются бессознательной психологической псевдозащитой (капризы, упрямство, уход в мир грез).

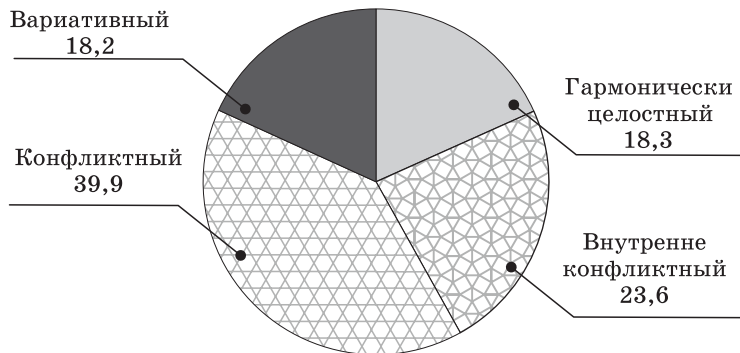

Рис. 4. Диагностика стиля жизнедеятельности личности
Fig. 4. Diagnostic research of manner vital activity

- Вариативный тип, внешне приспособляющийся к среде в результате неустойчивости позиций, беспринципности, свидетельствует о низком уровне развития личности. Приспособление — общий способ адаптации [9].

По данным рис. 4 мы видим, что наиболее предпочитаемым способом адаптироваться в окружающей среде является конфликт или противостояние с обществом (39,9%), а следовательно, и вызывание агрессии как прямой, так и косвенной (23,6%), вербальным или невербальным способом. При этом потенциально способными на проявление конфликтного поведения могут быть 41,8%.

Американский философ и психоаналитик Э. Фромм сделал свою классификацию социальных характеров, так называемые «садисты», «мазохисты», «конформисты», «неудачники» и «отшельники». Он подчеркивал роль социальных, политических, экономических, религиозных и антропосоциологических факторов в формировании характера.

- Продуктивный тип — психически идеально здоровый тип характеризуется честностью перед самим собой и во взаимоотношениях с другими, независимостью в суждениях и поступках, любовью к животным, продуктивным творческим мышлением. Люди занимаются общественно полезной деятельностью.
- Рецептивный тип характеризуется доверчивостью, пассивностью, чувствительностью, сентиментальностью. Мир — источник приятных ощущений. Он хочет, чтобы его любили. Идеалист, витающий в облаках, ничего не делающий без посторонней помощи и поддержки, легковверен.
- Эксплуатационный тип с сильным характером, уверенный в себе, с чувством достоинства, поведение агрессивное. Настойчиво добивается того, чего хочет. Неэмоциональный мир дан для действий, а люди — для выполнения требований. Все вокруг — средство для достижения цели.
- Накапливающий тип хочет иметь все и как можно больше. За свое держатся зубами, избегают рисков и сомнительных действий. Он характеризуется консерватизмом, сдержанностью, предусмотрительностью, спокойствием и терпимостью к чужим мнениям. Он надежен, не склонен к новому, подозрителен и упрям, живет прошлым.
- Рыночный тип — типичный продукт современного общества, характеризуется направленностью на внешние атрибуты жизни. Личность — товар; цель — продать себя как личность. Большое внимание уделяют внешнему виду как «упаковке». Они заинтересованы в нужных людях, готовы стать внешне любящими [18].

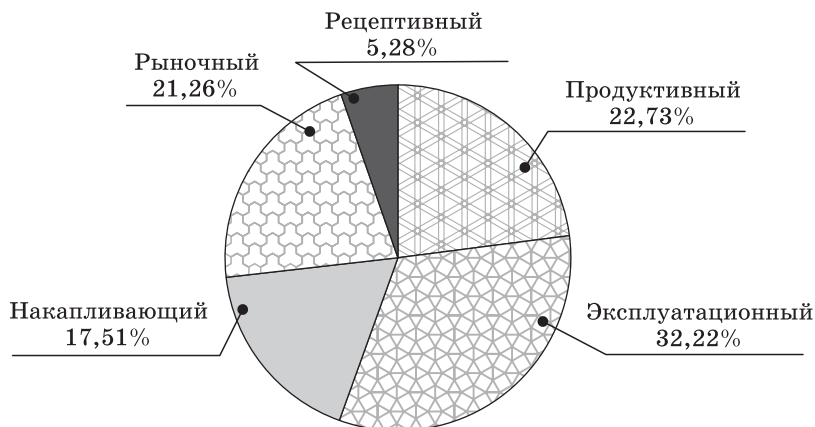

Рис. 5. Диагностика стиля жизнедеятельности личности
Fig. 5. Diagnostic research of manner vital activity

Исходя из данных, приведенных на рис. 5, наблюдается проявление формирования социальных моделей использования окружения в различных целях (71,1%): будь то прямая непосредственная эксплуатация в большинстве случаев (32,33%), использование временное с расчетом на неопределенное будущее (21,26%), или определенное использование (коллекционирование) с расчетом на далекое будущее (17,51%).

Г.-У. Олпорт выделил шесть типов ценностных ориентаций человека, которые составляют стержень человеческой личности. Они составляют философию жизни человека:

- Теоретический тип. Смысл жизни — постижение истины и ее поиск. К жизни относится очень рационально и критически.
- Экономический тип. Стиль преуспевающего бизнесмена. Главная ценность жизни — деньги.
- Эстетический тип. Ценит в жизни все возвышенное и прекрасное. Нарцисс, наслаждается влюбленностью.
- Социальный тип. Главное в жизни — любовь окружающих людей. Они тесно связаны с религиозными ценностями, но не фанатичны. Другие отношения для них не существуют.
- Политический тип характеризуется жаждой власти, славы, известности, влияния. Исходя из этого, выбирают себе профессию.
- Религиозный тип. Главная цель — служение Богу или высшему идеалу, в зависимости от того, как им понимаются «религиозные» идеи. Кумиром для него может стать и обожествляемый человек, его цели и ценности [11].

Следовательно, по данным рис. 6 основным типом социальной ценностной ориентации является власть и известность (47,98%), значит, и профессиональная деятельность связана с областями политики, права и массовых коммуникаций. Чуть «уступают» приверженцы экономического типа (34,72%), люди-«дельцы», которые будут решать вопросы с точки зрения определенной собственной выгоды и привлечения денежной массы. Любовь как ценность проявляют 50,34%, при этом себялюбие превалирует в 21,45% случаев, псевдолюбовь у 2,76%, а истинная непосредственная любовь к окружающим проявляется только в 26,13% случаев.

А. Адлер наибольшее значение в жизни уделял социальным условиям, для выделения которых использует два критерия: степень социального интереса и степень активности личности (рис. 7):

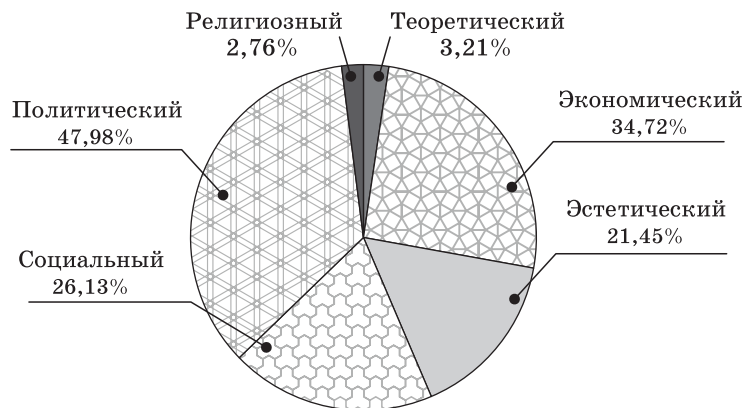

Рис. 6. Диагностика стиля жизнедеятельности личности
Fig. 6. Diagnostic research of manner vital activity

- Управляющий тип («крестный отец») характеризуется активной позицией по отношению к внешнему миру. Мир создан для извлечения из него максимальной пользы с наименьшими затратами.
- Берущий тип. Малоактивный человек с нехитрой социальной установкой: «бери от жизни все, что дается легко, что плохо лежит, что тебе пригодится. Действует в рамках закона. Ведет паразитический образ жизни, не причиняя вреда другим. Не имеет социального интереса. Внешний мир — «дойная корова».
- Избегающий тип. Главный мотив — как бы чего не вышло. Характеризуется малой активностью и отсутствием социального интереса, избегает принятия решений и разрешения проблем. Обычно «плывет по течению».
- Социально полезный тип. Человек с высоким социальным интересом проявляет истинную заботу об окружающих, заинтересован в общении, участвует в общественной работе. Сам решает свои проблемы, сознавая компетентность и свое место в жизни и обществе. Три его глобальные проблемы: работа, любовь и дружба. Готов внести вклад в «мирное сосуществование» [1].

Таким образом, тип социальной активности, проявляемый будущими юристами, в большей степени показывает стремление к власти (81,9%), при этом истинно заинтересованный тип в общении, ориентированный на людей, только 21,5%.

К. Хорни разделила всех людей по признаку взаимодействия друг с другом. Она выделила три вида ориентаций, каждая из которых представляет один из путей оптимизации межличностных отношений в достижении комфорта и безопасности (рис. 8):

- Уступчивый тип (ориентация на людей). Им руководит неосознанное убеждение, что если он уступит, то его не тронут. Для данного типа характерна зависимость и нерешительность. Избегают одиночества, прекрасные собеседники. За маской доброты скрывается враждебность, злость и нетерпимость. В обществе может держаться в тени.
- Обособленный тип (ориентация от людей). Девиз типа: «Мне все равно — лишь бы не трогали». Неэмоциональные, нечувствительные, холодные, сдержанные, беспристрастные люди. Для него характерно стремление к уединению, независимости, почти ничем не увлекается. В конце утрачивается чувство ответственности, привыкая к поверхностным наслаждениям.
- Враждебный тип (ориентация против людей). Он считает, что мир — агрессивная среда, люди по природе агрессивны и жизнь — это борьба за место под солнцем.

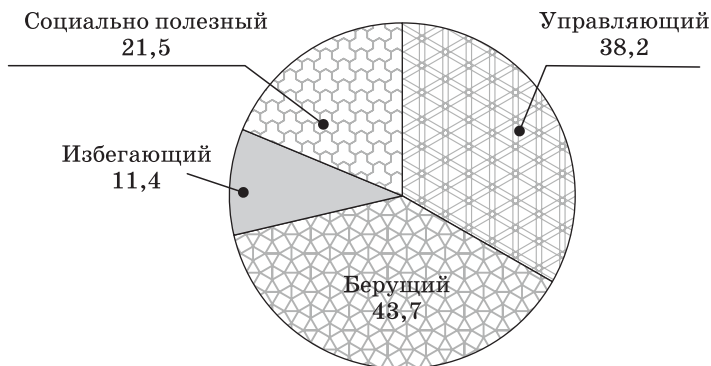

Рис. 7. Диагностика социальной активности по А. Адлеру
Fig. 7. Diagnostic research of social activity by A. Adler

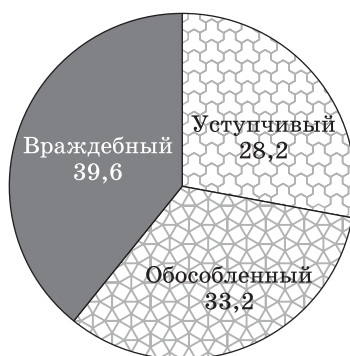

Рис. 8. Диагностика социальной активности по А. Адлеру
Fig. 8. Diagnostic research of social activity by A. Adler

Поведение направлено на обретение власти над другими, на повышение собственного престижа. Убеждение: «У меня есть власть — никто меня не тронет» [19].

По предыдущим исследовательским данным мы знаем, что данное поколение экстравертировано, т.е. имеет ориентацию на внешний мир. Но по данным, приведенным в рис. 8, отрицательная социальная ориентация молодых людей составляет 72,8%, при этом пассивная агрессия проявляется у 33,2%, а непосредственная агрессивность — у 39,6%.

Широко известна классификация акцентуации характера, разработанная немецким ученым К. Леонгардом, который выделил 14 типов акцентуации, т.е. чрезмерных усиления отдельных черт характера, при этом наблюдаются не выходящие за пределы нормы отклонения в психологии и поведении человека [15]. Типология основана на оценке стиля общения человека с окружающими людьми:

- застревающий (параноический) — умеренно общителен, склонен к нравоучениям, неразговорчив;
- возбудимый (эпилептоидный) — мало контактен в общении, замедленность реакций, угрюм, склонен к конфликтам, эмоционально зависим от обстоятельств;
- демонстративный (истерический) — истеричен, легко устанавливает контакты, стремление к лидерству, жаждет похвалы и власти, высоко приспособляем, склонен к интригам, провоцирует конфликты;

- педантичный (ананкастический) — мало конфликтен, бюрократ, излишне аккуратен и требователен к окружающим, охотно уступает лидерство;
- гипертимный (гипоманиакальный) — чрезмерно контактен, словоохотлив с выразительной мимикой и жестами, энергичен, деятелен, оптимистичен, инициативен, при этом легкомыслен и недостаточно серьезен;
- дистимный (субдепрессивный) — мало контактен, немногословен, часто пессимистически настроен, домосед, легко вступает в конфликты, имеет обостренное чувство справедливости, замедленен, индивидуалист;
- циклоидный (неустойчивый) — склонен к частым сменам настроения, манеры обращения с другими, общителен в зависимости от настроения;
- экзальтированный — очень контактен, словоохотлив, влюбчив, в споре не доходит до конфликта, привязчив и внимателен к друзьям, имеет хороший вкус, сострадателен, альтруист, паникер;
- тревожный (астеничный) — почти неконтактен, робок, не уверен в себе, дружелюбен, самокритичен, исполнительен, часто минорно настроен, выделяют две подгруппы: неврастеники (конституциональные) и психостеники (душевно-волевая слабость);
- эмотивный (сенситивный) — обидчив, неконфликтен, общается с узким кругом людей, которых понимает с полуслова, сострадателен, исполнительен, имеет обостренное чувство долга, слезлив;
- конформный — человек, который плывет по течению в своей среде, лишенный самостоятельности и индивидуальных черт, копирующий черты представителя своей среды; ломка стереотипов и лишение привычного состояния служит причиной реактивных состояний;
- шизоидный — человек, причудливый во всем, не похожий на окружающих, характеризующийся оторванностью от реального мира, флегматичным поведением, отсутствием единства внутреннего и внешнего мира; в его движениях отсутствуют плавность, манеры довольно вычурные;

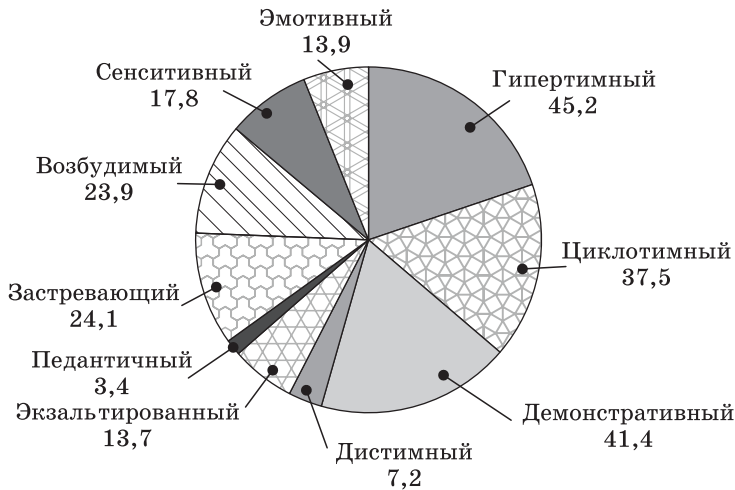

Рис. 9. Диагностика типов акцентуации характера
Fig. 9. Diagnostic research of accentuation of personality traits

- мечтательный — человек с завышенной самооценкой, недовольный своим местом в обществе и мечтающий занять более высокое положение, но не способный сделать этого;
- асоциальный тип — тип, характеризующийся полным отсутствием понимания моральных норм, социально-эмоциональной тупостью, духовной нищетой, грубостью и злостью; его основное желание — удовлетворение своих низменных инстинктов;
- «лоскутный» тип — смешанный тип акцентуации, подчиняющийся определенным закономерностям различных типов, каждый из которых усугубляет друг друга, может представлять собой пограничные состояния, которые требуют особого внимания.

В ходе работы со студентами юридических специальностей использовался опросник, составленный А. Е. Личко, в котором выведены 10 типов акцентуированных личностей [16]. Распределение наличия данных типов можно увидеть на рис. 9.

Следовательно, при распределении типов акцентуации характера подтверждается преобладание акцентов холерично-экстравертированной направленности, где основным типом является гипертимно-демонстративный (86,6%), гиперциклотимный (82,7%). При этом интровертированные типы, такие как дистимный (7,2%), педантично-застраивающий (27,5%) уходят на второй план. Как элемент эмоциональности проявляется в 69,3%, где агрессия является основной в 23,9%, а непосредственные внешние эмоции проявляются у 31,7%.

Подводя итог нашему психодиагностическому исследованию, можно составить следующий психологический портрет будущего молодого юриста: сангво-холерический тип темперамента со значительной экстраверсией, основанной на личных ощущениях, но с отрицательной социальной ориентацией. При этом это человек, который предпочитает общение как вид деятельности, ориентированное на себя с интересом в областях, связанных с властью, массовыми коммуникациями и успехом. Кроме того, предпочитается конфликтный стиль общения с использованием потенциала другого человека, не замечая личных интересов собеседника, но свои эмоции очень важны, хотя их можно и скрыть. Исходя из этого портрета и нужно строить стратегию и тактику управления общения с молодым поколением современного общества.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребенка. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2017.
2. Айзенк Г., Вильсон Г. Как измерить личность. Пер. с англ. М. : Когито-центр, 2000.
3. Батаршев А. В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. СПб. : Питер, 2007.
4. Вишнякова Н. Ф. Тренинговый практикум по конфликтологии. Мн., 1996.
5. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб. : Питер, 2001.
6. Коржова Е. Ю. Психология личности: Типология теоретических моделей. СПб., 2004.
7. Кузьмицкая Л. Ф., Сидоренко С. А. Применение метода близнецовости в юридической психологии // Современная преступность: состояние, проблемы, перспективы противодействия. Нальчик, 2010. Т. 2. С. 133–140.
8. Кукушин В. С. Психология делового общения. Ростов-н/Д : Март, 2003.
9. Маркова Г. Н. Справочник по конфликтологии, общению и менеджменту. СПб. : Альфа, 2000.
10. Норакидзе В. Г. Методы исследования характера личности / АН ГССР, Ин-т психологии. Тбилиси : Мецниереба, 1989.
11. Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева] ; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002.

12. Пелипенко И. С., Сидоренко С. А. Проблемы девиантного поведения несовершеннолетних преступников // Современное российское общество: актуальные проблемы борьбы с преступностью. Нальчик, 2009.
13. Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и топологии характеров. Самара : ИД БахраХ-М, 2009.
14. Ратанова Т. А., Шляхта Н. Ф. Методы изучения и психодиагностика личности: Уч. пос. М. : МПСИ : Флинта, 2000.
15. Сидоренко С. А. Личность в общении. Нальчик : НФ КУ МВД России, 2006.
16. Сидоренко С. А. Психология общения в юридической деятельности. Нальчик : НФ КУ МВД России, 2019.
17. Сидоренко С. А. Социально-психологические основы делового общения. Нальчик : НФ КУ МВД России, 2004.
18. Фромм Э. Психоанализ и этика / Сост. С. Я. Левит. М. : АСТ, 1998.
19. Хорни К. Самоанализ. М. : Академический проект, 2009.
20. Чуфаровский Ю. В. Психология общения в становлении и формировании личности. М. : Соц.-политич. мысль, 2004.
21. Юнг К. Г. Психологические типы. М. : Академический проект, 2019.

Об авторе:

Сидоренко Светлана Анатольевна, доцент Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат педагогических наук; Lanusha@mail.ru

References

1. Adler A. Individual psychology and child development. Moscow : Institute of General humanitarian studies, 2017. (In rus)
2. Eysenck H., Wilson G. How to measure personality. M., 2000. (In rus)
3. Batarshv A.V. Temperament and character: a Psychological diagnosis. St. Petersburg, 2007. (In rus)
4. Vishnyakova N.F. Training workshop on conflict. Minsk, 1996. (In rus)
5. Eliseev O.P. Workshop on the psychology of personality. St. Petersburg, 2001. (In rus)
6. Korzhova E.U. Psychology of personality: a Typology of theoretical models. St. Petersburg, 2004. (In rus)
7. Kuzmitskaya L.F., Sidorenko S.A. application of the method of Gemini in legal psychology // Modern crime: state, problems, prospects of counteraction. Nalchik, 2010 T. 2. P. 133–140. (In rus)
8. Kukushin V.S. Psychology of business communication. Rostov-on-Don, 2003. (In rus)
9. Markova G.N. Handbook of conflictology, communication and management. St. Petersburg, 2000. (In rus)
10. Norakidze V.G. Methods of research of character of a person / AS GSSR, Institute of psychology. Tbilisi, 1989. (In rus)
11. Allport G.W. Personality. N.Y., 1937. (In rus)
12. Pilipenko I.S., Sidorenko S.A. Problems of deviant behavior of juvenile criminals // Modern Russian society: actual problems of fight against crime. Nalchik, 2009. (In rus)
13. Raigorodskii D.Y. Psychology and psychoanalysis of nature. Anthology of psychology and character typology. Samara, 2009. (In rus)
14. Ratanova T.A., Gentry N.F. Methods of study and diagnostics of personality. Moscow, 2000. (In rus)
15. Sidorenko S.A. Personality in communication. Nalchik : NF GU MVD of Russia, 2006. (In rus)
16. Sidorenko S.A. Psychology of communication in legal activity. Nalchik : NF GU MVD of Russia, 2019. (In rus)
17. Sidorenko S.A. Social and psychological bases of business communication. Nalchik : NF GU MVD of Russia, 2004. (In rus)
18. Fromm E. Psychoanalysis and Religion. New Haven, CT, United States : Yale University Press. 2010. (In rus)
19. Horney K. Self-analysis. Norton, 1942. (In rus)

20. Chufarovskiy Y.V. the Psychology of communication in the formation and development of personality. M. : Soc.-polit. idea 2004. (In rus)
21. Jung C. G. Psychological Types. Princeton, New Jersey : Princeton University Press. 1971. (In rus)

About the author:

Svetlana A. Sidorenko, Associate Professor of Volkhov branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Pedagogic Sciences; Lanusha@mail.ru

Реальное качество жизни vs завышенные представления о собственной изысканной внешности*

Цацулин А. Н.^{1, *}, Цацулин Б. А.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vash_64@mail.ru

²Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Актуальность. Статья посвящена рассмотрению вопроса, казалось бы, чисто медико-философского характера, когда человек, под агрессивным воздействием и изощренным давлением средств массовой информации, выбирает такой паттерн своего пищевого поведения, который заметно отличается от общепринятого, называемого нормальным. Придерживаясь избранного способа пищевого поведения, потребитель доводит свой организм до известных степеней обессиливания, психического истязания и с диагнозом «нервная орторексия» превращается в пациента специализированных клиник реабилитации, становится подопечным узко ориентированных мозгоправов. Для любого организма последствие такого диагноза несут, как правило, разрушительный характер.

Цели работы. Авторы статьи пытаются исследовать генезис этой малоизученной проблемы и обнаружить какие-либо связи с уровнем и качеством жизни россиян последних лет, с качеством потребляемых пищевых продуктов и с общим психологическим состоянием социума в период его испытания избыточно долгим кризисом.

Методики и выборка. В качестве методов исследования были использованы диагностические пакеты, тестирование функционального состояния пациентов по схемам *Donini&Marsili*, ORTO-15 и клинические опросы их уже в качестве респондентов. Большая статистическая выборка онлайн-опроса представлена 612 респондентами разного пола и разных возрастных групп. Для оценки уровня жизни и заболеваемости нервной орторексией использованы статистические методы измерения связи Спирмена, Пирсона, структурных средних и пр.

Результаты. Обнаружено, что нервной орторексии присущ феномен *избегающего поведения*, входящего в группу неспецифических пищевых расстройств пациента.

Выводы. Полученные результаты ретроспективного периода подтверждают рабочую гипотезу о существовании статистически значимой связи между снижением уровня жизни городского населения Северо-Западного федерального округа и частотой заболевания нервной орторексией в разных ее проявлениях.

Ключевые слова: жизненные стандарты, уровень благосостояния, черта бедности, качество жизни, качество продуктов питания, нервная орторексия, расстройство пищевого поведения, обсессивно-компульсивное расстройство, черно-белое мышление

Для цитирования: Цацулин А.Н., Цацулин Б.А. Реальное качество жизни vs завышенные представления о собственной изысканной внешности // Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 70–84; № 9. С. 87–97.

Real Quality of Life vs Extended Representations of Your Own Clear Exterior

Alexander N. Tsatsulin^{a, *}, Boris A. Tsatsulin^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

^bNational Research University ITMO, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 70–84.

ABSTRACT

The relevance. The article is devoted to the consideration of a question that would seem to be of a purely medical and philosophical nature, when a person, under aggressive influence and sophisticated pressure of the media, chooses a pattern of his eating behavior that differs markedly from the generally accepted behavior, called normal. Adhering to the chosen method of eating behavior, the consumer brings his body to a certain degree of weakening, mental torture and with a diagnosis of "Nervous orthorexia" turns into a patient of specialized rehabilitation clinics, becomes the ward of narrowly oriented doctors for the treatment of white brain. For any organism, the consequences of such a diagnosis are usually destructive.

Objective. The authors of the article are trying to investigate the genesis of this little-studied problem and find any connection with the level and quality of life of Russians in recent years, with the quality of food consumed and with the general psychological state of society during its testing with an excessively long crisis.

Methods. Diagnostic packages, testing of the functional state of patients according to *Donini&Marsili*, ORTO-15 and their clinical surveys are already as respondents. A large statistical sample of the online survey is represented by 612 respondents of different sexes and different age groups. To assess the standard of living and morbidity by Nervous orthorexia, statistical methods were used to measure the relationship of Spearman, Pearson, structural averages, etc.

Results. Nervous orthorexia has been found to be characterized by the phenomenon of *avoidant behavior* that is included in the group of nonspecific eating disorders of the patient.

Conclusion. The results of the retrospective period confirm the working hypothesis about the existence of a statistically significant relationship between the decline in the standard of living of urban population in the Northwestern Federal District and the incidence of Nervous orthorexia in its various manifestations.

For citing: *Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A. Real Quality of Life vs Extended Representations of Your Own Clear Exterior // Administrative consulting. 2019. N 8. С. 70–84; N 9. P. 87–97.*

Keywords: standard of living, welfare level, poverty line, quality of life, food quality, Nervous orthorexia, eating disorder, obsessive personality type, black and white thinking

Наша наука должна быть математизированной хотя бы потому, что имеет дело с количествами.

У. С. Джевонс

Авторы статьи полагают, что человек зависим от запечатленных в авторитетных текстах «идеалов» — планов питания, рутинных подсчетов калорий и питательных элементов. По фотографиям в посвященных кулинарии интернет-блогах можно получить представление, как выглядит наполовину съеденная белковая бурда в контейнере с неременной и даже обязательной надписью «Это было так вкусно, что я не смогла удержаться и начала есть до того, как сфотографировала!».

Зачастую персоны с устойчивыми пищевыми расстройствами рассуждают примерно так: мы даже пробовали следовать таким режимам осознанного и интуитивного питания, в которых допустимо отступление от самостоятельных, и потому, нестрогих правил пищевого поведения, что принципиально невозможно в утвержденном строгом диетическом каноне питания (своеобразный пищевой идол). И воображение персон рисует умиротворяющую картинку, что «...вполне возможно всегда сидеть в идеальной медитативной тишине, в которой нас ничто не отвлекает, созерцая цвет отдельной карамельной стружки на верхушке капкейка» [12].

Однако, как представляется, со временем может развиваться и другая симптоматика, в том числе истончение костей (остеопения и остеопороз); хрупкость ногтей и волос; сухость и пожелтение кожи; рост волосяного покрова на теле; анемия легкой степени, мышечная слабость и даже дистрофия мышц; тяжелые запоры и проблемы с перистальтикой; низкое кровяное давление, снижение часто-

ты дыхания и пульса; понижение температуры тела, приводящее к тому, что человеку все время холодно; постоянная вялость в ощущениях.

Помимо этого, у больных нервной орторексией (НО) наблюдается также проявление так называемого *черно-белого мышления*. Это означает отказ от принятия правды реальной жизни, ее проявлений и действительных достижений мирового научного сообщества, ориентация и привязанность к построению конспирологических теорий заговора о мировом контроле за информационными потоками и СМИ о деятельности и результатах пищевой, перерабатывающей промышленности сельского хозяйства. На этом фоне само научное сообщество выставляется ангажированными организациями, работающими по заказу олигархов пищевкусового бизнеса. Именно при НО, по наблюдениям авторов статьи, пациенту присущ «жизнеутверждающий» стиль черно-белого мышления.

Склонные к беспокойству пациенты с диагностикой НО постоянно боятся, что ситуация вдруг станет еще более опасной. Любые риски для них невыносимы. В их сознании постоянно действуют канонические четыре правила тревоги [4]: распознай некую опасность; возводи ее в катастрофическую степень; старайся контролировать все обстоятельства, сопутствующие опасности; избегай дискомфорта. Когда же любой человек придерживается этих правил, страдает его способность сбалансированно, рационально и адекватно оценивать реальные угрозы и *возможные* риски.

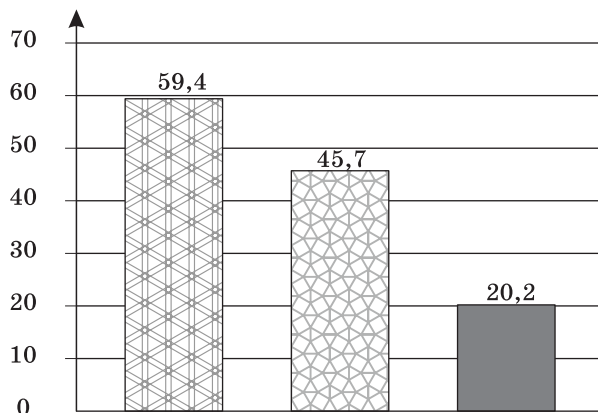
Природа тревожных расстройств разнообразна, и выделить из статистической картины составляющую, связанную главным образом с НО, представляет собой самостоятельную и достаточно сложную техническую задачу учета и анализа. Хотя пополнение отечественной информационной базы происходит непрерывно, и пример подобного обогащения статистики представлен в исследовании врачей-психиатров, а его частные результаты показаны на рис. 1.

Диетические режимы, ориентированные на стандартизированные убеждения раз-рекламированных в СМИ гастрономических гуру, пищевых мессий и рядовых индивидов перфекционистски обсессивного типа личности, обычно сопровождают протекание НО. Одновременно реализация этих режимов демонстрирует в базовом представлении фактологические / факторологические наборы симптомов и образно иллюстрирует расхожие мемы черно-белого мышления следующего формата:

- 1) все обработанные продукты являются достаточно вредными, а альтернативой этому служат сыроедение и потребление только необработанной пищи;
- 2) все пищевые жиры животного происхождения исключительно вредны и даже онкогенны, именно поэтому из рационов необходимо исключить все подобные пищевые жиры в полном перечне и их производные;
- 3) пищевые белки растительного происхождения приемлемы для диетического питания, а пищевые белки животного происхождения, соответственно, вредны, и их, разумеется, также необходимо исключить из диет.

Во многих случаях, например, при генерализованном тревожном расстройстве (ГТР) пациента не требуется назначать медикаменты. Здесь достаточно ограничиться беседой с наблюдающим врачом, в ходе которой дается четкое объяснение любым соматическим симптомам, связанным с тревогой. Например, следует объяснить, что учащенное сердцебиение — это результат преувеличенной, по сравнению с нормальной, реакцией на стрессовые события, а не какой-либо признак сердечного заболевания.

Необходимо помочь пациенту справиться или смириться с любой относящейся к его расстройству социально-экономической проблемой. Психологическая практика свидетельствует, что уже само наличие четкого, обнадеживающего плана лечения позволяет снизить тревогу пациента [3, с. 136–137]. Здесь пациента важно убедить в том, что его индивидуальный стиль поведения, т.е. когнитивная ори-

Процент от общего числа пациентов

- Жалобы на тревогу и/или тревожные переживания (любые)
- Тревожный синдром (хроническая тревога, в сочетании с ее вегетативными проявлениями и поведением избегания), в том числе в сочетании с другой клинически значимой психосоматикой
- Изолированный тревожный синдром

Рис. 1. Доля пациентов, имеющих тревогу в различных ее проявлениях

Fig. 1. Proportion of patients with anxiety in its various manifestations

Источник данных: результаты опроса врачей-психиатров РФ о терапии тревожных расстройств за 2016–2017 гг. (<https://teletype.in/@imatrip2/BjNwaGTWV> (дата обращения: 01.09.2019).

ентация на эксплицитные мотивы, предполагает видеть причины своего состояния как во внешней среде, так и в себе самом. Еще Д. С. Мак-Клеланд, обозначив первоначально эксплицитные мотивы термином *ценности*, позднее отказался от него в пользу другого, более прагматичного термина — *самостоятельно атрибутированные потребности* [11].

Обсуждение результатов

Обычно проблема качественной диагностики связана с высоким уровнем так называемой *коморбидности* расстройств пищевого поведения на фоне других психических и поведенческих нарушений. При этом под коморбидностью понимается сосуществование любых клинических сущностей и совместных проявлений симптоматики. Расстройства пищевого поведения редко встречаются без сопутствующих симптомов депрессии или тревоги. Как правило, нарушению пищевого поведения предшествуют вполне сочетаемые коморбидная соматическая и коморбидная неврологическая патологии [9].

Так, НО, по нашему мнению, всегда коморбидна, и ей обязательно сопутствует упомянутое так называемое *генерализованное тревожное расстройство* (ГТР), включающее набор проявлений и фобий: присутствие чрезмерного волнения по разнообразным, но подчас несущественным поводам, в том числе по поводу соблюдения своего пищевого режима; тщательный отбор конкретных продуктов питания и прочая симптоматика, показанная ниже [10]. Так, российские исследователи,

прицельно занимающиеся нервной анорексией, обнаружили наличие коморбидности почти в 100% зафиксированных случаев и установили существенные нарушения нормальной жизни заболевшего лица [1; 5]. Естественно предположить существенное присутствие коморбидности в предстоящей массовой диагностике НО отечественных пациентов.

Порядка 7% людей в какой-либо период своей жизни сталкиваются с проявлением ГТР, причем количество женщин, подверженных ГТР, в два раза выше [4, с. 191]. С точки зрения эволюционной психологии, получается, что склонность к тревоге имеет смысл, даже несмотря на то, что условия жизни существенно изменились со времен охотников-собирателей. Но почему же один индивид волнуется больше других? Почему некоторым из них так трудно самостоятельно правильно оценить риски событий? Ответить на эти вопросы пока невозможно. Зато известно, что существует некоторая генетическая предрасположенность к ГТР. Согласно одному исследованию, болезнь генетически обусловлена в 38% случаев [2]. Однако это вовсе не означает, что индивид обречен хронически обо всем волноваться, если у него выявлен этот самый «тревожный ген».

Укажем прочие признаки симптоматики НО, помогающие ее верной диагностике, помимо приведенных в табл. 1 первой части данной статьи: ежедневные много-часовые (обычно не менее трех часов) размышления о необходимости ведения здорового образа жизни; постоянный страх болезней; страх увеличения массы собственного тела; тщательное планирование завтрашнего меню; психологическая невозможность съесть то, что просто содержится в домашнем холодильнике; полный отказ от любимой, но *вредной* пищи в пользу нелюбимой, но *полезной*; невозможность есть вне пределов дома, так как не домашняя еда может не удовлетворять требованиям «здоровья»; полный отказ от употребления жиров и углеводов, иногда соли; постоянное изучение физиологических процессов питания по доступным литературным источникам; стремление каждый день сбрасывать в тренажерном зале все больше и больше калорий; ежедневный подсчет съеденных калорий; самовнушение типа — раз съел (условно) одно пирожное, теперь придется заниматься на тренажерах в два раза больше обычных норм.

Концепты диетических теорий сгенерировали ряд фобий, которые многие индивидуумы сразу взяли на свое вооружение, превратив их в своеобразные ритуализированные, почти религиозные, культы «здорового и правильного питания», синонимически и на слух совпадающие с понятием *здорового образа жизни*, который естественным образом способствует повышению качества этой самой жизни. Остается только ответить на четыре волнующих всех потребителей популярных вопроса.

1. Правда ли, что термическая обработка сырых продуктов питания изначально вредна?

Несмотря на то, что в сырых продуктах больше витаминов, минеральных веществ и растительных соединений, биодоступность некоторых нутриентов повышается при термообработке. Ликопин — каротиноид, придающий помидорам их красный цвет, абсорбируется в три-четыре раза лучше после приготовления. Томатный соус, томатная паста, суп с помидорами и даже томатный кетчуп обеспечивают организм ликопином значительно лучше, нежели сырые помидоры. Кале (разновидность капусты) хороший источник β-каротина, а также жирорастворимых витаминов группы А и К, и все эти нутриенты более доступны для организма после приготовления кале по сравнению с сырой заготовкой. Лютеин, содержащийся в моркови, — соединение, обеспечивающее здоровье глаз и хорошее зрение, лучше абсорбируется из вареной моркови.

Жирорастворимые соединения, такие как витамины А, D, Е и К, и антиоксидантные соединения, называемые каротиноидами, становятся более доступными в процессе термической или иной обработки. Так, в отчете «Journal of Agriculture and

Food Chemistry»¹ сообщается, что морковь, цукини и брокколи лучше варить, чем пропаривать, жарить или подавать сырыми. Но имеется стойкое авторское ощущение (Ц.А.иЦ.Б.), что наиболее разрушительным методом приготовления для питательных веществ является обжарка овощей.

Как отмечается в исследованиях Bouzari (2014)², свежемороженые овощи и фрукты сохраняют *большое количество* витаминов в течение 90 дней после криогенной обработки. Однако полагаем, «большое количество» является весьма приблизительной оценкой. Результаты недавнего исследования 2016 г., проведенного Дирком М. Холстегем и Дайан Мари Барретт, дали более точную количественную характеристику потерь питательных веществ в процессе заморозки и последующего хранения в некоторых фруктах и овощах, что нашло отражение на рис. 2.

Указанные специалисты оценили показатели аскорбиновой кислоты (витамин С), рибофлавина (витамин В2), альфа-токоферола (витамин Е) и бета-каротина в кукурузе, моркови, брокколи, шпинате, горошке, зеленой фасоли, клубнике и чернике. Как видно на столбиковых диаграммах рис. 2, потери витамина С минимальны по сравнению со свежими продуктами, в которых витамин С теряется после нескольких дней хранения. В случае же зеленого горошка уровень аскорбиновой кислоты (витамина С) и альфа-токоферола (витамина Е) даже увеличился в период хранения.

В свою очередь, термообработка также улучшает усвоение белков мяса и рыбы, и стоит согласиться с тем, что мясо и рыба пахнут, но на вкус гораздо лучше по-

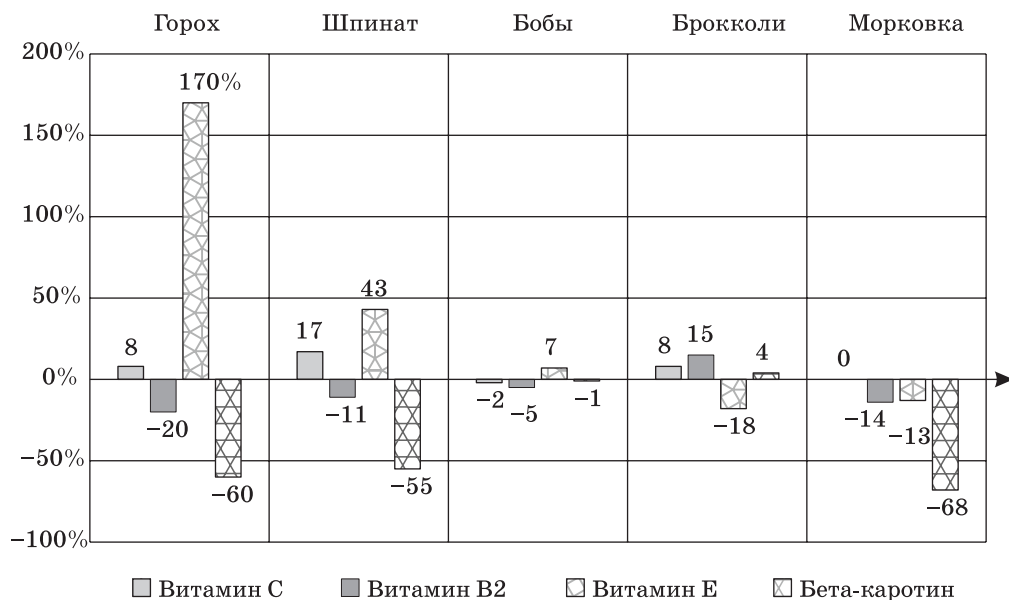

Рис. 2. Изменения содержания витаминов в отдельных овощах и фруктах после заморозки и хранения в стандартные сроки

Fig. 2. Changes in vitamin content in selected vegetables and fruits after freezing and storage in standard terms

¹ [Электронный ресурс]. <http://pubs.acs.org/doi/abs/10.1021/jf072304b> (дата обращения: 01.09.2019).

² [Электронный ресурс]. <https://cmtscience.ru/article/zamorozhennyye-frukty-i-ovoshhi-otlichnye-istochniki-vitaminov-s-e-i> (дата обращения: 30.08.2019).

сле приготовления, чем в сыром виде. Наконец, кулинарная обработка помогает уничтожать вредные микроорганизмы, которые, как правило, скрываются в продуктах питания по разным причинам — плохое хранение, скверная логистика и перевозка продуктов в неудовлетворительных условиях и пр.

Конечно, можно наслаждаться и сырыми продуктами как способом реализации части плана здорового питания, но следует помнить, что у кулинарного приготовления еды имеются свои преимущества. А также следует вспомнить о двух чрезвычайно тревожных случаях последнего времени. Массовые заболевания детей в детских садах дизентерией (127 зафиксированных случаев)¹ после употребления термически плохо обработанного «творожка» («запеканка» запекается при температуре не менее 120°C) в г. Москва. По факту халатности уже возбуждено уголовное дело.

И крайне серьезные очаговые поражения легких, печени, селезенки и головного мозга (изолированные или в различных комбинациях) у 26 пострадавших курсантов, а также офицеров, преподавателей и одного работника кухни Суворовского училища в Ульяновской области². Возбудитель заболевания эхинококкоза — ленточный червь — мог попасть в организмы пострадавших предположительно через загрязненное мясо и антисанитарную кухню. Проверке на заболевания в настоящее время подвергаются более 800 человек из числа сотрудников училища. Также возбуждено уголовное дело.

2. Всегда ли вредны обработанные продукты питания?

Следует также разобраться с активно навязываемым мнением, что все обработанные продукты являются «плохими» и вредными. Если потребитель считает, что все обработанные продукты плохие, то он должен, соответственно, отставить в сторону свой утренний кофе, чай или миндальное молоко, а также протеин и прочее, поскольку все эти продукты подверглись обработке. Когда же речь заходит об обработанных продуктах, большинство потребителей представляют себе продукты с чрезмерным добавлением сахаров, жиров и натрия, наряду с несколькими полезными для здоровья нутриентами. Эти виды упакованных продуктов не являются здоровыми, но обработанные продукты не все такие плохие, как можно себе представить.

Недавние исследования Американского института по исследованию пищевых продуктов (США) показывают, что новые методы обработки увеличивают абсорбцию полезных веществ из растительных продуктов, что может быть использовано в лекарственных целях³. Таким образом, вместо того, чтобы относить огульно все обработанные продукты к «плохим», их необходимо разделять на продукты, которые обеспечивают организм питательными веществами, безвредными для здоровья, и те, что содержат избыточные количества сахаров, транс-жиров и прочего вредного.

3. Всегда ли полезны для здоровья натуральные продукты?

Слово «натуральные» вызывает в воображении картину свежесобранной черники или свежесожатого сока апельсина. Приходится сожалеть, что термин «натуральные» — это маркетинговый прием, а не определение какого-либо Департамента властных структур по контролю за качеством пищевых продуктов, лекарственных средств и др. Отдельные производители намеренно используют подчас вымышленную *натуральность* экономического блага, чтобы потребитель уверовал в высокую полезность для здоровья даже той еды, что обладает и излишней калорийностью за счет разных добавок, и повышенным содержанием транс-жиров или сахаридов.

¹ [Электронный ресурс]. <https://echo.msk.ru/sounds/2371789.html> (дата обращения: 16.02.2019).

² [Электронный ресурс]. <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/02/04/148930-u-26-kursantov-ulyanovskogo-suvorovskogo-uchilisha-obnaruzhili-lentochnyh-chervey> (дата обращения: 17.04.2019).

³ Hill A. (16 August 2009). "Healthy food obsession sparks rise in new eating disorder". The Guardian. London. Retrieved 16 October 2010.

Например, некоторые конфеты продаются как натуральные, потому что в них содержится нектар агавы или мед. Но для организма сахар — это все равно сахар, независимо от источника его происхождения, так что это не делает «натуральные» конфеты полезнее для здоровья. Многие закуски тоже преподносятся как натуральные. Картофельные чипсы с оставленной кожурой после приготовления не становятся от этого полезнее для здоровья, чем другие чипсы. Таким образом, следует экономить деньги семейного бюджета на упакованных продуктах, разрекламированных как «натуральные», а вместо этого обращаться к действительно натуральным продуктам, фруктам, овощам и орехам (по ценам, пока еще вписывающимся в средние потребительские бюджеты).

Правда, средние ориентиры бюджетной обеспеченности российских семей довольно динамично меняются. Так, по официальным данным Росстата, около 13,5 млн россиян проживают ниже принятой в РФ *черты бедности* по последней методологии расчетов, т. е. имеют доход ниже установленного прожиточного минимума. Руководитель же Счетной палаты РФ А. Л. Кудрин был более щедрым и на СПб МЭФ-2019 заявил о более 19 млн российских бедняках¹. И, наконец, по данным последних масштабных исследований Высшей школы экономики, была обнародована, вместо среднемесячного уровня душевого дохода, столь нелюбимая Росстатом *медианная* (она же *медианальная*) его характеристика на начало июня 2019 г. в размере 15 800 руб.

Это означает, что половина населения официально живет ниже этого уровня, а другая половина, тоже официально, проживает, соответственно, выше сакральной черты около 16 тыс. руб. Но эти же исследования ВШЭ уточняют, что треть российского населения живет на доходы, которые составляют $\frac{3}{4}$ или меньше от означенного медианного дохода². Хорошо ли живут обе половины россиян? Об этом должны судить узкие специалисты в области уровня и качества жизни. Но особый интерес представляет виртуозный комментарий пресс-секретаря президента России Д. С. Пескова по результатам обсуждения все более обостряющейся проблемы россиян-бедняков на ежегодной прямой линии 20.06.2019. Успешный медийный чиновник бодро сообщил, что «Просто слегка повысилась доля тех, чьи доходы несколько снизились»³.

4. Нужно ли полностью отказываться от потребления сахара?

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в настоящее время рекомендует сократить потребление сахара с 10% до 5% от общей калорийности. Это эквивалентно потреблению 5 чайных ложек или 25 г столового сахара в день. Естественный сахар, который содержится в молоке и фруктах, сочетается с другими нутриентами, поэтому беспокойство о нескольких граммах из молока или свежих фруктов беспочвенно.

В 2015 г., реагируя на дискуссии в научных статьях, где термин *orthorexia* относят к лицам, которые просто следуют не связанным с основной теорией здорового питания принципам, С. Братман (*Bratman S.*) указал: «В теории могут быть концепции и принципы обычные или не обычные, экстремальные или слабые, неразумные и совершенно дурацкие, но, независимо от теоретических деталей, последователям любых теорий совершенно необязательно иметь *orthorexia*. Но обнаруживается только тогда, когда расстройство пищевого поведения развивается вокруг диетической теории»⁴.

¹ Из выступления А. Л. Кудрина 6 июня 2019 г. на сессии СПб МЭФ [Электронный ресурс]. <https://akudrin.ru/news/aleksey-kudrin-na-s-ezde-rspp-rost-ekonomiki-klyuchevaya-zadacha-dlyadostizheniya-natstseley> (дата обращения: 19.06.2019).

² [Электронный ресурс]. <https://echo.msk.ru/sounds/2447083.html> (дата обращения: 19.06.2019).

³ [Электронный ресурс]. <https://iz.ru/891422/2019-06-21/peskov-prokommentiroval-priamuii-linii-s-putinyum> (дата обращения: 23.06.2019).

⁴ [Электронный ресурс]. <http://alyonastavrova.ru/menses-present-are-you-really-sick/> (дата обращения: 12.02.2019).

В другой статье из журнального источника, датированного 2016 г., американский исследователь уточняет и редактирует самого себя, что, мол, за редким исключением, наиболее распространенным в мире теориям здорового питания смело следует большинство верных приверженцев доказательной медицины, Однако, отмечает исследователь, «...для некоторых индивидуумов, попытка пойти по пути жестких ограничительных диет в поисках крепкого или даже выдающегося здоровья рано или поздно перерастает в пищевой перфекционизм» [8]. Ясно, что во многом психоаналитики и психиатры должны в повседневной практике принимать на себя исполнение не вполне свойственных этим специальностям функций социальной проктологии.

Заключение

Как представляется авторам данной статьи, работа с иррациональными установками индивидуума, его стойкими убеждениями, которые реально существуют в настоящем времени и неизменно приводят к эмоциональным нарушениям в будущем, является не самым простым типом терапии из области психоанализа. Но в любом случае здесь могут присутствовать и творчески использоваться провокационные элементы. Во многом такая терапия весьма схожа с когнитивно-бихевиоральной и рационально-эмоциональной видами существующей терапии.

Не исключена с помощью тех же СМИ и профессиональная разъяснительная работа по разнообразным продуктам питания. Благодаря такой таргетированной информации, многие из таких продуктов, как яйца, орехи, авокадо, были впоследствии возвращены в гастрономическое поле правильного питания с учетом их установленной истинной калорийности и нормированной полезности. Но одновременно они считаются сопутствующим ущербом в крестовых походах диетологов разных мастей и носителей разных теорий с единой, консолидированной целью урезать калории любой ценой, не задумываясь о полезности продукта вовсе.

При этом такие элементы традиционного здорового питания, как клетчатка, витамины, минералы, жирные кислоты, белок и пр., были принесены в жертву непосредственно на своеобразном, сакральном для диетической апологии алтаре (основной сводный регистр) в виде *Главной книги* прихода-расхода потребленных и потраченных килокалорий в суточном, недельном и т. п. рационе, т.е. своеобразного безостановочного кухонного учета с электронными весами.

Целью диет-апологетов с бухгалтерским уклоном стало не наслаждение здоровой едой, а депривация, постоянное проявление силы воли и сознательное ограничение в пище, где главным инструментом измерения индивидуального наслаждения служат клизмы. Последние занимают достойное место в аппаратном наборе средств в довольно дорогих швейцарских клиниках, куда приезжают пациенты со всех концов света по программам оздоравливающего туризма с единственной целью — оставить, как им представляется, «лишние» килограммы своего тела за границей.

Ограничения и счетный контроль, по существу, сложились в стройную схему *ортодоксии голода*, никогда не прекращающуюся аскезу и самозаявленный долговременный пост. Красочная картина обогащается живописными мазками самобичевания, вынужденного представительства в режиме non-stop с тем, чтобы постоянно и публично подтверждать свою полную готовность изменить конфигурацию собственного, неприемлемого для наступившей эпохи тела в разных, подчас изощренных и по-своему инновационных пищевых практиках.

Расплата за такой условно «подвижнический» образ существования, поскольку полноценной жизнью это назвать крайне затруднительно, наступит неизбежно — вопрос лишь во времени. Особо тяжело предсказуемое и неминуемое наказание сказывается на девочках-подростках, женщинах молодого и цветущего возрастов

в самых разнообразных формах и клинических проявлениях, начиная с исчезновения, полного прекращения месячных, абсолютной утраты навсегда фертильности и удивительно полного набора сопутствующих хронических заболеваний¹. А это уже экзистенциальный вызов обществу.

Перечисленное становится не просто гендерной проблемой страны, проблемой системы нашего ослабевшего здравоохранения и удручающего состояния отечественной демографии, но и перерастает в острую социально-экономическую проблему государства. А именно, в устойчивый рост инвалидизации населения страны [6] при повсеместном отсутствии необходимых отечественных лекарственных средств должного качества из Перечня ЖНМЛП (Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения на 2018 г.) [7]. Все поименованные в представленной статье проблемы подлежат самостоятельному, неторопливому и, главное, тщательному изучению специалистами разного научного профиля в ходе, как представляется, масштабных фундаментальных и прикладных исследований.

Литература

1. *Артемьева М.С., Васильев Н.Г.* Коморбидность нервной анорексии // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке» (Серия «Медицина»). 2012. Т. 14 (1). С. 90–92.
2. *Браун Т.А., О’Лири Трейси А., Барлоу Д.Х.* Генерализованное тревожное расстройство. Глава 4 // Клиническое руководство по психическим расстройствам / под ред. Д.Х. Барлоу. 3-е изд. СПб. : Питер, 2008. 912 с.: ил. С. 236–311.
3. *Гельдер М., Гэт Д., Мейо Р.* Оксфордское руководство по психиатрии: пер. с англ. Киев : Сфера, 1999. Т. 1. 300 с.
4. *Лихи Р.Л.* Свобода от тревоги. Справься с тревогой, пока она не расправилась с тобой / Пер. с англ. А. Соломиной. СПб. : Питер, 2017. 368 с.: ил. (Серия «Сам себе психолог».
5. *Попов Ю.В., Пичиков А.А., Скрипченко П.А. и др.* Роль перфекционизма в формировании особенностей восприятия временной перспективы и образа собственного тела у девушек с нервной анорексией // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2016. № 4. С. 73–79.
6. *Цацулин А.Н., Цацулин Б.А.* Нервная орторексия — психическая болезнь XXI века или нарастающее стремление повысить качество собственной жизни? Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Качество жизни» // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2019. Т. 10, выпуск 2 (39).
7. *Цацулин А.Н., Цацулин Б.А.* Об одном аспекте финансово-экономических проблем предпринимательства в фармацевтической отрасли // Сб. научных трудов I Международной научно-практической конференции «Стратегии развития предпринимательства в современных условиях» 26–27 января 2017 г. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. 322 с. С. 254–258.
8. *Dunn T.M & Bratman S.* 2016. On orthorexia nervosa: A review of the literature and proposed diagnostic criteria. *Eating Behaviors*, 21. P. 11–17.
9. *Kessler Ronald C. et al.* “Lifetime Prevalence and Age-of-Onset Distributions of DSM-IV Disorders in the National Comorbidity Survey Replication”, *Archives of General Psychiatry* 62 (2005). 593 p.
10. *Koerner N. and Dugas Michel J.* “A Cognitive Model of Generalized Anxiety Disorder: The Role of Intolerance of Uncertainty”, in *Worry and its Psychological Disorders: Theory, Assessment*, ed. Graham C. L. Davey, and Adrian Wells (Hoboken, NJ: Wiley, 2006). P. 201–216.
11. *McClelland D.C., Koestner R., Weinberger J.* How Do Self-Attributed and Implicit Motives Differ? // *Psychological Review*, 1989. Vol. 96, № 4.
12. RealEating: как люди на самом деле едят? / Публикация от 25.06.2016 // <http://alyonastavrova.ru/realeating/> (дата обращения: 02.07.2019).

¹ Считаете себя недостаточно больной, потому что не потеряли месячные? Прочитайте это (полный перевод) // Сайт [Alyonastavrova.ru](http://alyonastavrova.ru) [Электронный ресурс]. URL: <http://alyonastavrova.ru/menses-present-are-you-really-sick/> (дата обращения: 12.06.2019).

Об авторах:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; vash_64@mail.ru; tsatsulin-an@ranepa.ru

Цацулин Борис Александрович, магистрант направления подготовки «Научная коммуникация» Национального исследовательского университета ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация); tsatsan@yandex.ru; сайт: <http://cmtscience>

References

1. Artemieva M. S., Vasilyev N. G. Comorbidity of nervous anorexia // Journal of Scientific Articles "Health and Education in the 21st Century" (Series: Medicine) [Zhurnal nauchnykh statei «Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke» (Seriya meditsina)]. 2012. Vol. 14 (1). P. 90–92. (In rus)
2. Brown T. A., O'Leary Tracy A., Barlow D. H. Generalized Anxiety Disorder. Chapter 4 // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorder / ed. D. H. Barlow. 3rd ed. SPb. : Piter, 2008. 912 p. P. 236–311. (In rus)
3. Gelder M., Gath D., Mayou R. Oxford Textbook of Psychiatry: translation from English. Kiev : Sphere, 1999. Vol. 1. 300 p. (In rus)
4. Leahy R. L. Anxiety free. Unravel Your Fears Before They Unravel You / translation from English of A. Solomina. SPb. : Piter, 2017. 368 p. (Series "Self Psychologist.") (In rus)
5. Popov Yu. V., Pichikov A. A., Skipchenko P. A. etc. The Role of Perfectionism in Forming Features of Time Perspective Perception and Self-Body Image in Girls with Nervous Anorexia // Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V. M. Behterev [Obzrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva]. 2016. N 4. P. 73–79. (In rus)
6. Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A. Nervous orthorexia — a mental illness of the XXI century or an increasing desire to improve the quality of own life? Compilation of materials of the International Scientific and Practical Conference "Quality of Life" // Scientific works of the NWIM of RANEPА [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2019. Vol. 10, Issue 2 (39). (In rus)
7. Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A. On one aspect of financial and economic problems of entrepreneurship in the pharmaceutical industry // Collection of the Scientific works of the 1st International Scientific and Practical Conference "Strategies for the Development of Entrepreneurship in Modern Conditions" on January 26–27, 2017. SPb. : Publication of the SPbSEU, 2017. 322 p. P. 254–258. (In rus)
8. Dunn T. M. & Bratman S. 2016. On orthorexia nervosa: A review of the literature and proposed diagnostic criteria. Eating Behaviors, 21. P. 11–17.
9. Kessler Ronald C. et al. "Lifetime Prevalence and Age-of-Onset Distributions of DSM-IV Disorders in the National Comorbidity Survey Replication", Archives of General Psychiatry 62 (2005). 593 p.
10. Koerner N. and Dugas Michel J. "A Cognitive Model of Generalized Anxiety Disorder: The Role of Intolerance of Uncertainty", in Worry and its Psychological Disorders: Theory, Assessment, ed. Graham C. L. Davey, and Adrian Wells (Hoboken, NJ: Wiley, 2006). P. 201–216.
11. McClelland D. C., Koestner R., Weinberger J. How Do Self-Attributed and Implicit Motives Differ? // Psychological Review, 1989. Vol. 96, N 4.
12. RealEating: how do people actually eat? / Publication dated 06.25.2016 // <http://alyonastavrova.ru/realeating/> (date of retrieval: 02.07.2019). (In rus)

About the authors:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; vash_64@mail.ru; tsatsulin-an@ranepa.ru

Boris A. Tsatsulin, Undergraduate of the "Scientific Communication" training area of the National Research University ITMO (St. Petersburg, Russian Federation); tsatsan@yandex.ru; site: <http://cmtscience>

Технологические общества как основания для социально-политических изменений в философском дискурсе

Фурман Ф. П.

Санкт-Петербург, Российская Федерация; furman-feliks@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье автор рассматривает современные подходы к развитию информационно-коммуникационных технологий. По мнению автора, общий уровень их использования способен привести к появлению инновационных инструментов гражданского влияния — цифровой активности, связанной с уровнем гражданской готовности сетевого окружения и правильно подобранного цифрового инструментария: используемых социальных сервисов, технологий продвижения и национальной идеи в практике ее реализации современного общества. Значимым показателем общей готовности сетевого окружения к существенно значимым изменениям в условиях глобализации и увеличения роли национальной самобытности автор отмечает наличие сетевых структур разработчиков и степени их включенности в сети повышенной гражданской активности, что может способствовать системности значимых социально-политических изменений.

Ключевые слова: цифровая активизация, online-пространство, технологические сообщества, социальные изменения, теплица социальных технологий, геополитика, национальная идентичность, национальная идея, социальное пространство, философия мнений

Для цитирования: Фурман Ф. П. Технологические общества как основания для социально-политических изменений в философском дискурсе // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 99–106.

Technological Societies as a Basis for Socio-Political Changes in Philosophical Discourse

Feliks P. Furman

Saint-Petersburg, Russian Federation; furman-feliks@yandex.ru

ABSTRACT

Modern approaches to the development of information and communication technologies, the General level of their use can lead to the emergence of innovative tools of civil influence — digital activity associated with the level of civic readiness of the network environment and properly selected digital tools: used social services, promotion technologies and national ideas in the practice of its implementation of modern society.. A significant indicator of the overall readiness of the network environment for significant changes in the conditions of globalization and the increasing role of national identity is the presence of network structures of developers and the degree of their involvement in the network of increased civic activity, which can contribute to the system of significant socio-political changes.

Keywords: digital activation, online space, technology community, social change, social technology greenhouse, geopolitics, national identity, national idea, social space, philosophy opinions

For citing: Furman F.P. Technological Societies as a Basis for Socio-Political Changes in Philosophical Discourse // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 99–106.

Социальная реальность при развитии общества потребления при активном развитии информационно-коммуникационных технологий имеет в своей основе сетевой ха-

ракти, посредством использования которого возможно осуществление плавного перехода от информационного общества к сетевому.

В эпоху развития сетевого общества рассмотрение социальной реальности и социальных потребностей, связанных с этим развитием, — одно из наиболее актуальных направлений социально-философских изысканий.

Социальное пространство развивающегося сетевого общества характеризуется определенной степенью дуализма: с одной стороны, социальное пространство представляет собой пространство места, а с другой стороны, оно является пространством потока. При массовой цифровизации могут быть применимыми идеи глобальных научных революций, которые были выдвинуты В. С. Степиным [2].

Нельзя не согласиться с В. С. Степиным, который определил некие переломные моменты в науке, при которых основания одной науки начинают постепенно и достаточно активно изменять основания другой. При этом происходит радикальная перестройка общей картины восприятия мира, а также конкретной научной дисциплины, ее основополагающих идеалов, представленных норм, а также значимых философских оснований и существенных для развития общества типов научной рациональности — классической, неклассической и постнеклассической [2].

Изучение и использование основ научной рациональности и цифровизации общества постепенно приводит к проявлению новых форм оформления социальных отношений и социальных взаимодействий, которые в значительной степени могут ускорять социальное время. Различные виды новых коммуникаций в совокупности со значимыми институциональными изменениями, которые позволяют употребление данных коммуникаций, постепенно приводят к изменениям в различных сферах, в том числе к существенно значимым гражданским изменениям [4].

Философия представляет собой познание человеком своей сущности во всех ее проявлениях, а также исходя из потребностей времени. Исторически человек осуществляет осмысление своего бытия средствами метафизического размышления, что находит свое проявление в философии.

Философия способствует развитию двойной рефлексии: «снимает» рефлексиию человека, а также является осознанием того, что действительность должна быть дана в неких продвижениях сознания человека.

Собственно, рефлексивный (аналитический) характер философского знания представляет собой значимую черту развития философской мысли. Использование цифровых технологий, при правильном их применении, позволяет философии активизировать возможности и знания человека для продвижения и развития общества в целом [1].

Классический подход можно охарактеризовать общим, традиционным пониманием имеющихся идеалов объяснения и описания. Важно отметить, что объективность объяснения и описания может быть достигнута только при тех условиях, при которых в цепочке осуществляемой деятельности посредством реализации конструктора «субъект — средства (операции) — изучаемый объект» суть объяснения может и должна быть сосредоточена только на объекте. В данной ситуации все, что относится к субъектам, к различным операциям и средствам, необходимо подвергать существенным изменениям [1].

Проявление неклассического подхода должно быть эксплицировано на связях между имеющимися знаниями о характере используемых средств, операций относительно осуществляемой деятельности, а также имеющимися знаниями об искомом объекте изучения.

При этом осуществляемый процесс описания и объяснения должен включать в себя основополагающий принцип относительности объекта к средствам наблюдения связи.

А вот уже применение постнеклассического подхода расширяет основное поле для рефлексии над активной деятельностью, учитывая при этом всю полноту соотношенности получаемых знаний об объекте не только с особенностями средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами.

Используемая в философии структурная схема «классика — неклассика — постнеклассика» достаточно конструктивна и может найти применение наряду с куновской теорией научных революций, которая применима к переменам, имеющим меньший масштаб. Данные философские проявления напрямую касаются не только развития научной мысли, но и активизацию технической сферы деятельности человека и общества в целом [3].

В. Е. Лепским было достаточно удачно применен указанный подход к стратегиям и способам ведения информационных войн, что также имеет под собой некую философскую основу. Информационная война представляет собой коммуникативную технологию по актуализации воздействия на массовое сознание [2].

Цифровая активность напрямую должна быть связанной с использованием открытых баз данных, продвижением и развитием online-пространства, а также социальных сетей и значимых сетевых сообществ, которые базируются на таких платформах, к которым необходимо отнести Facebook, Twitter, ВКонтакте [1].

Представленные ресурсы должны быть активным образом задействованы для осуществления вариантов мгновенной коммуникации и представления массивной локальной информации для более широкой общественности посредством использования так называемых блогволн.

Сетевизация общества — необратимая глобальная тенденция, наблюдающаяся повсеместно и заключающаяся в непрерывном распространении форм организации жизни, получившем мощное ускорение благодаря появлению высоких технологий и социальной коммуникации.

Компьютерные сети, являясь продуктом как социальных, так и технологических трансформаций, дают исследователям возможность осмыслить общественно-политические сдвиги, внесенные новой цифровой эпохой. Одним из продуктивных путей такого осмысления социальной реальности является практикуемый социологами сетевой подход.

Электронные сети, хотя и обладают рядом характеристик медийных цифровых структур, не тождественны им. Тем не менее при известных функциональных различиях онлайн-сети (виртуальные средства межличностного и группового общения) и социальные медиа (виртуальные средства производства и распространения информации) могут рассматриваться в едином комплексе, поскольку и те и другие служат целям социальной коммуникации. К их числу относятся помимо социальных сетей интернета в узкотехническом понимании разнообразные формы виртуальной сетевой коммуникации: блог-службы, форумы, мессенджеры, новостные сайты, социальные каталоги и библиотеки, службы обмена данными (медиахостинги), многопользовательские сетевые игры и другие социальные интернет-сервисы. Общими для них признаками являются базирование на технологических платформах Web 2.0, интерактивность и возможность создания информационного контента компьютерными пользователями-непрофессионалами.

К настоящему времени электронные (цифровые) социальные сети заняли прочное место в повседневной жизни российского общества. Доля интернет-пользователей в России в 2018 г. достигла 80% населения.

Основными «полями» генезиса цифровой активизации являются используемые гражданские приложения, различные социальные платформы, а также технологические конструкты, которые необходимы для развития и продвижения.

Важно обратить внимание на то, что любые цифровые практики потенциально запускаются как возможные конструктивные, так и деструктивные механизмы.

Наиболее популярны в нашей стране соцсети ВКонтакте (28%), Одноклассники (19%) и Instagram (14%). Далее с заметным отрывом следуют социальные сервисы Google+ (7%), сети Facebook и Мой мир (по 4%), а также Twitter и LiveJournal (по 1%). К числу наиболее посещаемых интернет-ресурсов относится также YouTube — глобальный видеохостинг с функциями социальной сети. Кроме того, россияне регулярно пользуются услугами мобильных мессенджеров. Однако если о возрастной и гендерной принадлежности российских сетевых пользователей данные наличествуют, то их социальный состав и иные релевантные с точки зрения социологического анализа характеристики в должной мере не обследованы. Сегодня масштабы сетевой вовлеченности россиян столь значительны, что делают ее фактором общественной жизни, который трудно игнорировать.

Социально-технологические трансформации, выражающиеся в повсеместном распространении компьютерных сетей, оказывают непосредственное влияние на сферу политических отношений. В силу этого виртуальное социальное пространство сегодня рассматривается не просто как коммуникативная среда, но и как пространство реализации публичной политики. Возникают и получают развитие новые, онлайн-формы политического дискурса и механизмы взаимосвязи власти и общества. Становление сетевого общества порождает надежды на качественный скачок в демократическом развитии, на широкие возможности цифровой демократии, и эти надежды отчасти подкреплены реальными инновационными изменениями в публично-политической сфере. Тем не менее пристальный взгляд на специфику политической жизни в цифровых социальных сетях наводит на определенные размышления.

Развитие в сети интернет целого ряда различных социальных платформ, к которым можно отнести Facebook, Twitter и ВКонтакте, является не столько определенным толчком к развитию, формированию и совершенствованию сетевого общества, сколько оказывает воздействие на формирование и распространение нового типа online-приложений, к которым можно отнести Civic app (гражданские приложения), имеющие в своей основе наличие самостоятельных решений гражданским обществом целого ряда имеющих значимых проблем [1].

Сетевая деятельность не требует от ее акторов формального подключения к институтам традиционной политики, а издержки сетевого политического участия сведены к минимуму. Виртуальный «кликерный» активизм предполагает приложение самых незначительных усилий — порой достаточно отнести к числу понравившихся текстовое сообщение, изображение или медиафайл, обладающие признаками политического контента. Хотя в современной политической социологии не сложилось единого мнения, считать ли подобные действия формой политического участия, тем не менее, признается, что активистская парадигма становится одной из наиболее распространенных примет цифровой политической эпохи.

Civic app представляет собой прикладное программное обеспечение, деятельность которого в интерактивной среде направлена на активизацию пользователей online-пространства с целью их участия в конструктивном общественном развитии и совершенствовании общественной среды.

Разработка подобного рода приложений необходима для максимального повышения уровня общественного блага, а также гражданской активности.

Также это связано с увеличением социального капитала, посредством осуществления деятельности в системе online, в том числе посредством использования мобильных приложений (Mobile app) [1].

Некоммерческие общественные организации (НКО), различные общественные национальные организации, целый ряд государственных организаций имеют свою практическую заинтересованность в разработке гражданских приложений, приглашая аутсорсинг специалистов из IT-сферы, создавая при этом некие значимые для

развития цифрового общества гибридные формы взаимодействия и инновационную деятельность, направленную на всестороннее развитие общества.

Отслеживая историю развития гражданских приложений, можно обратить внимание на то, как на первом этапе запрос на данные приложения был сформирован от НКО или государственного сектора к IT-сфере.

С течением времени ряд используемых гражданских приложений был трансформирован в Civic technology, а в IT-сфере активно осуществлялось формирование целого технологического сообщества, выступающего с инициативами разработки гражданских приложений и осуществляющими их техническую разработку. Совмещение функций приводит к осуществлению гибридного взаимодействия.

Философский подход к развитию гражданского технологического сообщества делится на две значимые области применения. К ним можно отнести открытые проекты (Open Government), осуществление которых направлено на определенные изменения по направлению сверху вниз, при достаточной прозрачности действий, осуществляемых государственными структурами. Открытые проекты предусматривают доступ к имеющимся данным, а также к различным государственным услугам в электронном виде.

Также имеются проекты, функционирование которых может быть осуществлено по принципу P2P. Подобного вида проекты называются Community Action. Они направлены на значимые изменения по принципу движения снизу вверх. В основе данных проектов осуществление обмена информацией, а также финансирование и сотрудничество от пользователя к пользователю [1].

Представленные сетевые структуры, которые имеются у разработчиков гражданских приложений, представляют собой показатели готовности к значимым изменениям.

Одним из выводов о воздействии интернет-коммуникаций на политическое поведение граждан является отрицание активизирующей и социализирующей роли социальных сетей в социально-политической активности.

Проблема, которая является насущной для глобального гражданского технологического общества, связана с согласованностью деятельности гражданских активистов и представителей технологического и технического обеспечения проекта, т.е. специалистами IT-сектора. Коллаборация в их деятельности может способствовать максимально быстрому решению ими значимых социальных проблем. В настоящее время, к большому сожалению, площадки для мозговых штурмов и объединения мнений отсутствуют [4].

С целью устранения существенно значимых барьеров между современными технологиями и некоммерческими организациями важную роль играет создание и последующее развитие системы гражданской активности, наличие посредничества, которое может нести некую ответственность за создание общего пространства для коммуникативного взаимодействия.

Большое значение при этом имеет также необходимость в грамотной формулировке задач и средств решения данных задач и реализации поставленных целей посредством учета специфики профессионального подтекста участвующих в процессе активизации деятельности структурных элементов.

Для реализации социальных инициатив разрабатываются различные веб-сервисы (мобильные приложения, сайты, веб-приложения, инфографика) для решения социально значимых задач. Результатом совместной деятельности для гражданских активистов и IT-специалистов становится не создание прототипа будущего приложения, а разработка и запуск уже готового к запуску минимального жизнеспособного продукта, так называемой тестовой модели приложения [3].

Следует обратить внимание на то, что для повышения общей эффективности работы социальных проектов и гражданских инициатив важным является внедрение

государственных программ, необходимых для развития гражданских технологических сообществ.

Следовательно, цифровизация современного общества направлена на развитие гражданских инициатив и социальных проектов, философская значимость осуществления которых связана с формированием теоретических основ национальной идеи, а также практикой ее реализации.

На основании чего деятельность конкретного социального проекта должна быть направлена на проведение максимально широкого спектра образовательных мероприятий для IT-экспертов и общественно активных граждан.

Целью активизации процессов по цифровизации современного гражданского общества является необходимость выявления проблем общественной значимости, которые возможно решать при помощи применения информационных технологий.

Используя компьютерные цифровые технологии, современный человек не только осуществляет создание предметного мира, но также создает объекты для другой (мультимедийной) природы. Данные объекты достаточно качественно, хорошо и быстро могут быть подвержены трансформации, достаточно легко управляются.

Для современных поколений культурный феномен представляет собой реальность, которая служит дополнительной частью ощущаемого предметного мира. При этом реальный мир виртуальным миром не вытесняется, он преобразуется посредством использования взаимосвязей с миром объектов.

Таким образом, необходимо осуществление полного спектра различных информационных кампаний, которые занимаются освещением развития гражданских веб-приложений на территории Российской Федерации в условиях глобализационных изменений развития современного общества.

Важно способствовать расширению уровня профессиональных компетенций специалистов — разработчиков через программы обучения сотрудников некоммерческих организаций и представителей инициативных групп при помощи овладения новых технологий. Большое значение приобретает развитие диалога между IT-специалистами и гражданскими активистами на основе организации четкого взаимодействия в профессиональной области.

Выводы

Рассматривая развитие современного общества, социология проявляет весьма активное стремление к проблемной и концептуальной экспансии в область смежных с ней дисциплин, в том числе политической науки, антропологии, этики и даже эстетики. В то же время значительное внимание уделяется и осмыслению теоретического наследия классиков социологической мысли.

Сетевое развитие качественно меняет характер вызовов, с которыми общество может столкнуться в ближайшее время. Его логика ставит под вопрос институциональное доминирование и незаменимость государства, предлагая альтернативные формы социального и политического управления — многоуровневые и мультицентричные системы, основанные на сетевом принципе принятия решений, краудсорсинговых технологиях и технологиях типа блокчейн.

В России традиционные СМИ, прежде всего федеральные телеканалы, продолжают сохранять преобладающее влияние на электорат, а российская медиаповестка практически монополично контролируется государством. В декабре 2018 г. телевизионные каналы служили основным источником информации для 91% россиян, интернетом для этих целей пользовалось в два раза меньше граждан (46%). Наибольшую зависимость от телевидения демонстрируют люди старших поколений, тогда как в молодежной среде его позиции все более активно теснятся онлайн-новыми информационными ресурсами.

Учитывая важность и гипотетичность суждения, что виртуальные социальные сети — не только источник мотивации к политическому участию, но и площадки для определенных видов коммерческого участия, мы попытались выяснить место подобной пользователей «Сети».

На основании вышеизложенного возможно сделать предположение о том, что активное формирование и развитие гражданского технологического сообщества в настоящее время имеет начальную стадию своего развития, при этом основные потребности гражданского общества в свете осуществляемых глобализационных изменений получили свои первоначальные очертания.

Можно констатировать: анализ политических аспектов сетевизации заставляет переосмыслить подходы к вопросу о роли техносциальных трансформаций в развитии российского общества. Социальные сети являются мощным инструментом воздействия граждан на политическую власть, но в то же время очевидно, что они служат благодатной средой для массовой обработки общественного сознания и широкомасштабных политических манипуляций. Виртуальное сетевое пространство предполагает разнообразные формы политического участия, но оно же воспроизводит старые и порождает новые виды общественного неравенства и выступает проводником для реализации политического влияния и противоборствующих политических интересов.

При этом еще недостаточно сформированными являются различные знаковые коммуникационные процессы между заказчиком и исполнителем, в особенности с IT-структурами российского происхождения, которые способствовали бы быстрой реакции на вносимые общественные изменения и реализацию основных потребностей гражданского общества.

На социальное киберпространство проецируется весь комплекс общественно-политических конфликтов и противоречий современной российской действительности. Участвуя в публичной политике, сети виртуальной коммуникации начинают выполнять политическую функцию и, по сути, становятся политическими сетями. Политическое измерение сетевого развития многопланово и не дает оснований для однозначных прогнозов, будь то эйфория в связи с ожидаемым расцветом цифровой демократии или апокалиптические образы будущего как царства тотального цифрового контроля. И в этом смысле оно заслуживает пристального внимания представителей научного сообщества и политической экспертизы.

Литература

1. *Гнедаш А. А., Рябченко Н. А.* Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 40–54.
2. *Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации* : монография / науч. ред. И. И. Кальной, А. В. Горбань. Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2011. 648 с.
3. *Гражданское общество: идея, наследие социализма и современная украинская реальность* : коллект. монография / науч. ред. И. Ф. Кононов. Луганск — Женева — Цюрих : Альма-матер, 2012. 284 с.
4. *Гражданское общество: истоки и современность* : коллект. монография / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 492 с.
5. *Шоркин А. Д.* Гражданское общество как особый вид обществ // Гражданское общество: истоки и современность: коллект. монография / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. СПб. : Юридический центр Пресс, 2016. С. 339–348.

Об авторе:

Фурман Феликс Павлович, доктор философских наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); furman-feliks@yandex.ru

References

1. Gnedash A. A., Ryabchenko N. A. Constructive and destructive socio-political practices in today Russia online-space: fail, case, mechanics // Person. Community. Management [Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie]. 2014. N 2. P. 40–54. (In rus)
2. Civil society in the era of total globalization: monograph / scientific ed. I. I. Kalnoy, A. V. Gorban. Simferopol : IT ARIAL, 2011. 648 p. (In rus)
3. Civil society: idea, legacy of socialism and modern Ukrainian reality: collective monograph / scientific ed. I. F. Kononov. Lugansk — Geneva — Zurich : Alma mater, 2012. 284 p. (In rus)
4. Civil society: origins and modernity: collective monograph / scientific ed. I. I. Kalnoy, I. N. Lopushanskiy. SPb. : Law Center Press, 2006. 492 p. (In rus)
5. Shorkin A. D. Civil society as a special kind of societies // Civil society: origins and modernity: Collective monograph / scientific. ed. I. I. Kalnoy, I. N. Lopushanskiy. SPb. : Law Center Press, 2016. P. 339–348. (In rus)

About the author:

Feliks P. Furman, Doctor of Science (Philosophy), Saint-Petersburg, Russian Federation; furman-feliks@yandex.ru

Характерные риски сделки слияния и поглощения*

Вселенская И. В.

Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация; ingachka28@mail.ru

РЕФЕРАТ

В настоящее время российский рынок слияний и поглощений (M&A) развивается быстрыми темпами, что обуславливает актуальность изучения, анализа, оценки и управления рисками, характерными для всех этапов сделок M&A.

Цель исследования. На основе анализа исследований в области классификации рисков сделок M&A выявить характерные риски на каждом этапе сделки слияния и поглощения. Задачи. Выполнить анализ рисков сделок M&A и предложить их классификацию. Оценить уровень значимости каждого из выявленных рисков с использованием современных методик оценки значимости рисков сделок слияния и поглощения.

Результаты. На основании анализа сделан вывод о практической значимости составления рейтинга рисков сделок слияния и поглощения по уровню их значимости для эффективного и качественного управления ими в процессе реализации сделок слияния и поглощения.

Ключевые слова: слияния и поглощения, этапы сделки слияния и поглощения, риски сделки слияния и поглощения, классификация рисков, оценка значимости рисков

Для цитирования: *Вселенская И. В.* Характерные риски сделки слияния и поглощения // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 106–120.

Typical Risks of a Merger and Acquisition Transaction

Inga V. Vselenskaya

Southwest State University, Kursk, Russian Federation; ingachka28@mail.ru

ABSTRACT

At present, the Russian market of Merger and Acquisition (M&A) is developing rapidly, which makes it relevant to study, analyze, assess and manage the risks characteristic of all stages of M&A transactions.

Purpose of the study. Based on an analysis of studies of classification M&A transaction risks, identify specific risks at each stage of a merger and acquisition transaction.

Tasks. Perform risk analysis of M&A transactions and propose their classification. Assess the level of significance of each of the identified risks using modern methods of assessing the significance of risks of merger and acquisition transactions.

Results. Based on the analysis, it was concluded that it is practical to compile a risk rating of merger and acquisition transactions by the level of their importance for effective and qualitative management in the process of implementation of merger and acquisition transactions.

Keywords: mergers and acquisitions, stages of merger and acquisitions transaction, risks of merger and acquisitions transaction, risk classification, assessment of risk significance

For citing: *Vselenskaya I. V.* Typical Risks of a Merger and Acquisition Transaction // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 106–120.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-50020.

Введение

Слияния и поглощения являются одним из наиболее эффективных инструментов реализации стратегии развития компании. В российской экономике в последнее время как количество сделок, так и их средняя стоимость возрастают. Причинами этого являются позитивные внешние эффекты от проведения сделок слияния и поглощения: сокращение издержек, освоение новых рынков сбыта, внедрение инновационных технологий, рост конкурентоспособности и финансовой устойчивости объединенной компании.

Несмотря на положительные внешние эффекты от реализации сделки, нередко данный процесс сопровождается недостижением поставленных целей и задач. На основании анализа исследований, посвященных выявлению причин неудач сделок M&A, можно прийти к выводу, что центральной проблемой является рискованный характер сделки M&A. Наличие большого числа рисков, характерных для процесса M&A, недостаточная разработанность проблемы управления ими, необходимость расставления приоритетов при управлении отдельными рисками на каждом из этапов обуславливает актуальность разработки классификации характерных рисков сделки слияния и поглощения в зависимости от этапов сделки, расположенных в порядке убывания их уровня значимости [5].

Краткий обзор теоретических подходов и методов исследования

Различным аспектам проблемы классификации рисков сделок M&A посвящены работы таких исследователей, как Sui Y., Dumitrescu-Peculea A., Warter I., Warter L., Анисимовец В. А., Рамиева Л. В., Жданов А. Ю., Киселев К. М., Файзуллин Р. А., Чеховская И. А., Чувелева Е. А. и др. Методологическое обеспечение оценки рисков сделок M&A изучают Skitsko V.I., Вердиев Д. О., Согрина Н. С., Ярин Д. Н. и др. Обзор классификаций рисков сделок M&A позволяет сделать вывод, что чаще всего основанием для классификации служат этапы сделки, что обосновывает актуальность разработки авторской классификации характерных рисков именно по этапам сделки.

На этапе определения стратегии развития компании и выбора сделки M&A как инструмента реализации стратегии наиболее часто встречаемым риском является стратегический риск. Так, Л. В. Рамиева под стратегическим риском понимает риск неверного выбора стратегии развития компании. В. А. Анисимовец на этапе принятия решения о проведении сделки выделяет риск неверного формирования стратегии. Д. О. Вердиев в контексте стратегического риска отмечает риск несоответствия стратегии M&A общей стратегии компании. Е. А. Чувелева акцентирует внимание на экономическом характере стратегического риска, выделяя риск неверного выбора способа развития компании и формы интеграции.

Этап анализа внешней среды компании и анализа кандидатов для сделки M&A характеризуется, по мнению Е. А. Чувелевой, экономическими рисками внешней среды (рисками недостижения положительного эффекта от совершения сделки как следствие влияния неблагоприятных изменений в экономике), политическими рисками внешней среды (рисками неблагоприятных изменений в законодательстве), а также рисками неправильного отбора кандидатов на сделку. Д. О. Вердиев в качестве внешних рисков выделяет риск неотражения изменений на рынке и изменений в законодательстве на стратегии M&A, а также риск неполноты списка критериев для кандидатов. Современные исследования подтверждают значимость правовых рисков внешней среды [8], рисков внешних факторов, законодательных и макроэкономических рисков [9].

Выбор компании-цели в качестве наиболее значимых рисков сопровождается рисками неверного выбора компании-цели и рисками несовместимости компаний. Так, Л. В. Рамиева отмечает значимость риска неверного выбора объекта сделки и риска несовместимости брендов участников сделки. Д. О. Вердиев, а позже I. Warter, выделяет риск значительных культурных различий между компаниями [14]. В рамках данного этапа также реализуется риск несовместимости корпоративных культур объединяющихся компаний, обнаружения технологической несовместимости или сложной совместимости информационных систем [10].

На этапе комплексного анализа компании-цели чаще всего авторы выделяют риск некачественного изучения характеристик бизнеса компании-цели, в результате чего, по мнению Е. А. Чувелевой, могут реализоваться риски обнаружения у компании-цели внебалансовых обязательств, фактов неисполнения или ненадлежащего исполнения налоговых обязательств, дополнительные долговые обязательства, а также риск невозможности установить эффективный контакт с менеджментом компании-цели. Д. О. Вердиев выделяет риск неизвестных нарушений требований законодательства, а также риск различий в стандартах финансовой отчетности.

Этап прогнозирования результатов сделки M&A сопровождается риском переоценки потенциальных выгод от сделки, который Л. В. Рамиева называет предпринимательским. Е. А. Чувелева на данном этапе дополняет риски неверной оценкой будущего синергетического эффекта от сделки, риском переоценки будущей экономики затрат объединенной компании, риском недооценки дополнительных инвестиций, необходимых для сделки.

На этапе разработки структуры сделки M&A ключевыми рисками являются риски финансирования и недоговоренности относительно параметров сделки между компаниями. Чаще всего авторами под рисками финансирования понимаются риски, связанные с различными видами финансирования сделки [13], в том числе риски недостаточности денежных средств для обслуживания долга при использовании заемного финансирования [10]. И. А. Чеховская на данном этапе выделяет риск недоговоренности относительно параметров сделки между компаниями.

Определение цены сделки M&A сопровождается финансовыми рисками. И. А. Чеховская и Y. Sui акцентируют внимание на рисках неверного ценообразования. В. А. Анисимовец под финансовым риском на данном этапе подразумевает риск административных просчетов. Разновидностями финансовых рисков на данном этапе можно считать риск неверной оценки цены покупки компании-цели, риск переоценки размера премии, выплачиваемой при совершении сделки, риск переоценки инвестиционного потенциала компании-инициатора сделки, риск неверной оценки затрат на совершение сделки [10].

При заключении сделки M&A и юридическом оформлении документов наиболее вероятно реализация политического риска противодействия органов власти совершению сделки, риска возникновения конфликтов между акционерами компаний, риска потери ключевых сотрудников компании-цели, не согласных со сделкой [Там же].

Этап проведения интеграционных процедур часто включает в себя риски разрыва взаимоотношений с контрагентами: клиентами и поставщиками, недооценки сложности построения эффективной системы корпоративного управления в объединенной компании, снижения производительности труда работников компании-цели, падение рабочей дисциплины, торможения процесса интеграции и неисполнения ее плана [10], риски, связанные с нехваткой ресурсов на проведение сделки [1], риски недостижения целей интеграции вследствие зависимости компании-цели от крупных клиентов [6], риски наличия дублирующих контрактов с поставщиками [2].

Оценка эффективности сделки M&A как этап после непосредственного проведения интеграционных процедур сопровождается, в первую очередь, рисками неэффективной интеграции. Так, под рисками неэффективной интеграции Л. В. Рамиева понимает риск неэффективного осуществления слияния после совершения сделки, риск появления прямых конкурентов в лице прежних собственников, риск невыполнения бизнес-плана компанией-приобретателем, риск сокращения денежных потоков в результате изменения плана развития компании, риск неспособности увеличить эффективность управления активами объединенной компании, риск возникновения отрицательного эффекта от масштаба. Е. А. Чувелева, в свою очередь, дополняет данные риски риском возникновения технологических изменений в отрасли, риском снижения рыночной стоимости объединенной компании, риском недостижения целей интеграции.

Результаты и их обсуждение

Проведенный нами обзор исследований позволяет составить наиболее общую классификацию рисков, которые характеризуют все этапы осуществления сделки слияния и поглощения.

Для целенаправленного, максимально эффективного управления рисками необходимо проранжировать выявленные риски в рамках каждого этапа по уровню значимости. В целях составления рейтинга рисков сделок слияния и поглощения предлагается рассчитать интегрированную оценку значимости для каждого риска, основываясь на методиках оценки значимости риска V. I. Skitsko, Д. О. Вердиева, Д. Н. Ярина, Н. С Согриной [3; 4]. Выбор конкретных методик для оценки значимости рисков обусловлен их эффективностью и широтой распространения и применения в практической деятельности. Расчет интегрированной оценки будет осуществляться по формуле:

$$\text{интегрированная оценка значимости} = (r_1 + r_2 + r_3 + r_4)/4,$$

где r_1 — место в рейтинге по методике V. I. Skitsko; r_2 — место в рейтинге по методике Д. О. Вердиева, r_3 — место в рейтинге по методике Д. Н. Ярина, r_4 — место в рейтинге по методике Н. С Согриной.

Веса методик принимаются равными, в качестве метода для расчета берется среднее арифметическое. Результаты оценки представлены в табл. 1. Расположение рисков сделки слияния и поглощения в порядке убывания уровня их значимости позволяет наглядно представить все риски с целью эффективного управления ими (табл. 2).

Заключение

Разработка собственной классификации характерных рисков сделки слияния и поглощения имеет как теоретическую значимость, так и практическую ценность, поскольку четкая классификация рисков в зависимости от этапов сделки M&A служит механизмом распределения зон ответственности между менеджментом компании. Кроме того, проранжированная классификация рисков сделки M&A позволяет сократить время, издержки, повышает профессиональность риск-менеджмента, усиливает его ответственность, позволяет разработать план мероприятий с целью снижения рассмотренных рисков с учетом их приоритетности. Одним из наиболее важных преимуществ построенной проранжированной классификации характерных рисков является то, что она служит теоретически обоснованной основой для разработки единой комплексной методики управления рисками сделок M&A.

Оценка значимости рисков
Table 1. Assessment of the significance

Этап и риски	Методика V.I. Skitsko [12]	Методика Д. О. Вердиева [2]
Определение стратегии развития компании. Выбор сделки M&A как инструмента реализа		
Риск неверного формирования стратегии	Средний (3)	Низкая (4)
Риск неверного выбора стратегии развития компании	Высокий (2)	Очень высокая (1)
Риск несоответствия стратегии M&A общей стратегии компании	Очень высокий (1)	Высокая (2)
Риск неверного выбора формы интеграции	Низкий (4)	Средняя (3)
Анализ внешней среды компании. Анализ кандидатов для сделки M&A		
Риск неблагоприятных изменений в экономике	Высокий (2)	Высокая (2)
Риск неблагоприятных изменений в законодательстве	Средний (3)	Средняя (3)
Риск неотражения изменений на рынке на стратегии M&A	Средний (3)	Высокая (2)
Риск неотражения изменений в законодательстве на стратегии M&A	Очень низкий (5)	Очень низкая (5)
Риск неверного отбора кандидатов на сделку	Очень высокий (1)	Очень высокая (1)
Риск неполноты списка критериев для кандидатов	Низкий (4)	Низкая (4)
Выбор компании-цели		
Риск неверного выбора компании-цели	Очень высокий (1)	Очень высокая (1)
Риск несовместимости брендов компаний	Средний (3)	Низкая (4)
Риск культурных различий компаний	Высокий (2)	Средняя (3)
Риск несовместимости корпоративных культур компаний	Очень высокий (1)	Высокая (2)
Риск технологической несовместимости информационных систем компаний	Очень низкий (4)	Средняя (3)
Комплексный анализ компании-цели (процедура Due Diligence)		
Риск некачественного изучения характеристик бизнеса компании-цели	Очень высокий (1)	Высокая (2)

сделок слияния и поглощения
of risks of mergers and acquisitions

Методика Д. Н. Ярина [11]	Методика Н. С. Согриной [7]	Интегрированная оценка значимости
ции стратегии		
Несущественный риск (4)	Высокий (2)	3,25 (3)
Значительная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1,25 (1)
Неопределенность проявления риска (2)	Средний (3)	2 (2)
Нереализуемость риска (3)	Низкий (4)	3,5 (4)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Весьма высокий (1)	1,75 (2)
Неопределенность проявления риска (3)	Средний (3)	3 (4)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Высокий (2)	2,25 (3)
Нереализуемость риска (4)	Низкий (4)	4,5 (6)
Полная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1 (1)
Неопределенность проявления риска (3)	Средний (3)	3,5 (5)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Высокий (2)	1,5 (2)
Несущественный риск (5)	Низкий (4)	4 (5)
Неопределенность проявления риска (3)	Высокий (2)	2,5 (3)
Полная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1,25 (1)
Нереализуемость риска (4)	Средний (3)	3,5 (4)
Полная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1,25 (1)

Этап и риски	Методика V.I. Skitsko [12]	Методика Д.О. Вердиева [2]
Риск обнаружения у компании-цели обязательств	Средний (3)	Средняя (3)
Риск невозможности установить эффективный контакт с менеджментом компании-цели	Высокий (2)	Очень высокая (1)
Риск неизвестных нарушений требований законодательства	Низкий (4)	Средняя (3)
Риск различий в стандартах финансовой отчетности	Очень низкий (5)	Низкая (4)
Прогнозирование результатов сделки M&A		
Риск переоценки потенциальных выгод от сделки	Высокий (2)	Очень высокая (1)
Риск неверной оценки будущего синергетического эффекта от сделки	Очень высокий (1)	Высокая (2)
Риск переоценки будущей экономии затрат объединенной компании	Очень низкий (4)	Средняя (3)
Риск недооценки дополнительных инвестиций, необходимых для сделки	Низкий (3)	Низкая (4)
Разработка структуры сделки M&A		
Риски финансирования, связанные с различными видами финансирования сделки	Высокий (2)	Средняя (2)
Риск недостаточности денежных средств для обслуживания долга при использовании заемного финансирования	Низкий (3)	Низкая (3)
Риск недоговоренности относительно параметров сделки между компаниями	Очень высокий (1)	Высокая (1)
Определение цены сделки M&A		
Риск административных просчетов	Средний (3)	Средняя (3)
Риск неверного ценообразования	Очень высокий (1)	Высокая (2)
Риск переоценки размера премии, выплачиваемой при совершении сделки	Низкий (4)	Средняя (3)
Риск переоценки инвестиционного потенциала компании-инициатора сделки	Очень низкий (5)	Низкая (4)

Методика Д.Н. Ярина [11]	Методика Н.С. Согриной [7]	Интегрированная оценка значимости
Неопределенность проявления риска (2)	Средний (3)	2,75 (3)
Полная вероятность проявления риска (1)	Высокий (2)	1,5 (2)
Нереализуемость риска (3)	Низкий (4)	3,5 (4)
Несущественный риск (4)	Средний (3)	4 (5)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Высокий (2)	1,75 (2)
Полная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1,25 (1)
Нереализуемость риска (4)	Средний (3)	3,5 (4)
Неопределенность проявления риска (3)	Средний (3)	3,25 (3)
Неопределенность проявления риска (2)	Низкий (3)	2,25 (2)
Несущественный риск (3)	Средний (2)	2,75 (3)
Значительная вероятность проявления риска (1)	Высокий (1)	1 (1)
Неопределенность проявления риска (3)	Высокий (2)	2,75 (3)
Полная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1,25 (1)
Несущественный риск (5)	Низкий (4)	4 (4)
Нереализуемость риска (4)	Низкий (4)	4,25 (5)

Этап и риски	Методика V.I. Skitsko [12]	Методика Д.О. Вердиева [2]
Риск неверной оценки затрат на совершение сделки	Высокий (2)	Очень высокая (1)
Заключение сделки М&А. Юриди		
Риск противодействия органов власти совершению сделки	Высокий (2)	Средняя (3)
Риск возникновения конфликтов между акционерами компаний	Очень высокий (1)	Очень высокая (1)
Риск потери ключевых сотрудников компании-цели, не согласных со сделкой	Средний (3)	Высокая (2)
Интеграционные процедуры		
Риск разрыва взаимоотношений с контрагентами: клиентами и поставщиками	Высокий (2)	Средняя (3)
Риск недооценки сложности построения эффективной системы корпоративного управления в объединенной компании	Средний (3)	Средняя (3)
Риск снижения производительности труда работников компании-цели, падение рабочей дисциплины	Высокий (2)	Высокая (2)
Риск торможения процесса интеграции и неисполнения ее плана	Очень высокий (1)	Высокая (2)
Риск, связанный с нехваткой ресурсов на проведение сделки	Очень высокий (1)	Очень высокая (1)
Риск недостижения целей интеграции вследствие зависимости компании-цели от крупных клиентов	Очень низкий (5)	Низкая (4)
Риски наличия дублирующих контрактов с поставщиками	Низкий (4)	Низкая (4)
Оценка эффективности сделки М&А		
Риск неэффективного осуществления слияния после совершения сделки	Очень высокий (1)	Очень высокая (1)
Риск появления прямых конкурентов в лице прежних собственников	Низкий (4)	Средняя (3)
Риск невыполнения бизнес-плана компанией-приобретателем	Средний (3)	Высокая (2)
Риск сокращения денежных потоков в результате изменения плана развития компании	Средний (3)	Средняя (3)

Методика Д. Н. Ярина [11]	Методика Н. С. Согриной [7]	Интегрированная оценка значимости
Значительная вероятность проявления риска (2)	Весьма высокий (1)	1,5 (2)
ческое оформление документов		
Неопределенность проявления риска (2)	Весьма высокий (1)	2 (2)
Значительная вероятность проявления риска (1)	Высокий (2)	1,25 (1)
Нереализуемость риска (3)	Средний (3)	2,75 (3)
Неопределенность проявления риска (3)	Средний (3)	2,75 (4)
Неопределенность проявления риска (3)	Средний (3)	3 (5)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Высокий (2)	2 (3)
Полная вероятность проявления риска (1)	Высокий (2)	1,5 (2)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Весьма высокий (1)	1,25 (1)
Нереализуемость риска (4)	Средний (3)	4 (6)
Несущественный риск (5)	Низкий (4)	4,25 (7)
Полная вероятность проявления риска (1)	Высокий (2)	1,25 (2)
Неопределенность проявления риска (3)	Средний (3)	3,25 (7)
Нереализуемость риска (4)	Средний (3)	3 (6)
Нереализуемость риска (4)	Низкий (4)	3,5 (8)

Этап и риски	Методика V.I. Skitsko [12]	Методика Д.О. Вердиева [2]
Риск неспособности увеличить эффективность управления активами объединенной компании	Высокий (2)	Очень высокая (1)
Риск возникновения отрицательного эффекта от масштаба	Средний (3)	Низкая (4)
Риск возникновения технологических изменений в отрасли	Очень низкий (5)	Очень низкая (5)
Риск снижения рыночной стоимости объединенной компании	Очень высокий (1)	Высокая (2)
Риск недостижения целей интеграции	Очень высокий (1)	Очень высокая (1)

Примечание. Значения в ячейках без скобок характеризуют расчетное значение уровня. Одинаковые расчетные значения — одинаковые места в рейтинге. По методике V.I. Skitsko, лов — очень высокий риск. По методике Д.О. Вердиева выделяются очень высокая, высоко-несущественный риск, нереализуемость риска, неопределенность проявления риска, значи-Н.С. Согриной: низкий, средний, высокий и весьма высокий риск.

Таблица 2

**Рейтинг рисков сделки слияния и поглощения по уровню значимости
в рамках каждого этапа**

Table 2. Risk of merger and acquisition transaction rating by level
of significance within each stage

Этап	Риски
Определение стратегии развития компании. Выбор сделки М&А как инструмента реализации стратегии	Риск неверного выбора стратегии развития компании
	Риск несоответствия стратегии М&А общей стратегии компании
	Риск неверного формирования стратегии
	Риск неверного выбора формы интеграции
Анализ внешней среды компании. Анализ кандидатов для сделки М&А.	Риск неверного отбора кандидатов на сделку
	Риск неблагоприятных изменений в экономике
	Риск неотражения изменений на рынке на стратегии М&А
	Риск неблагоприятных изменений в законодательстве
	Риск неполноты списка критериев для кандидатов
	Риск неотражения изменений в законодательстве на стратегии М&А
Выбор компании-цели	Риск несовместимости корпоративных культур компаний
	Риск неверного выбора компании-цели
	Риск культурных различий компаний

Методика Д. Н. Ярина [11]	Методика Н. С. Согриной [7]	Интегрированная оценка значимости
Значительная вероятность проявления риска (2)	Весьма высокий (1)	1,5 (3)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Высокий (2)	2,75 (5)
Несущественный риск (5)	Низкий (4)	4,75 (9)
Значительная вероятность проявления риска (2)	Высокий (2)	1,75 (4)
Полная вероятность проявления риска (1)	Весьма высокий (1)	1 (1)

значимости по методике, а в скобках — место в рейтинге по соответствующей методике. 1 балл — очень низкий, 2 балла — низкий, 3 балла — средний, 4 балла — высокий, 5 балла — средняя, низкая, очень низкая значимость риска. По методике Д. Н. Ярина выделяются: значительная вероятность проявления риска, полная вероятность проявления риска. По методике

Продолжение табл. 2

Этап	Риски
	Риск технологической несовместимости информационных систем компаний
	Риск несовместимости брендов компаний
Комплексный анализ компании-цели (процедура Due Diligence)	Риск некачественного изучения характеристик бизнеса компании-цели
	Риск невозможности установить эффективный контакт с менеджментом компании-цели
	Риск обнаружения у компании-цели обязательств
	Риск неизвестных нарушений требований законодательства
	Риск различий в стандартах финансовой отчетности
Прогнозирование результатов сделки М&А	Риск неверной оценки будущего синергетического эффекта от сделки
	Риск переоценки потенциальных выгод от сделки
	Риск недооценки дополнительных инвестиций, необходимых для сделки
	Риск переоценки будущей экономии затрат объединенной компании
Разработка структуры сделки М&А	Риск недоговоренности относительно параметров сделки между компаниями
	Риски финансирования, связанные с различными видами финансирования сделки

Этап	Риски
	Риск недостаточности денежных средств для обслуживания долга при использовании заемного финансирования
Определение цены сделки М&А	Риск неверного ценообразования
	Риск неверной оценки затрат на совершение сделки
	Риск административных просчетов
	Риск переоценки размера премии, выплачиваемой при совершении сделки
	Риск переоценки инвестиционного потенциала компании-инициатора сделки
Заключение сделки М&А. Юридическое оформление документов	Риск возникновения конфликтов между акционерами компаний
	Риск противодействия органов власти совершению сделки
	Риск потери ключевых сотрудников компании-цели, не согласных со сделкой
Интеграционные процедуры	Риск, связанный с нехваткой ресурсов на проведение сделки
	Риск торможения процесса интеграции и неисполнения ее плана
	Риск снижения производительности труда работников компании-цели, падение рабочей дисциплины
	Риск разрыва взаимоотношений с контрагентами: клиентами и поставщиками
	Риск недооценки сложности построения эффективной системы корпоративного управления в объединенной компании
	Риск недостижения целей интеграции вследствие зависимости компании-цели от крупных клиентов
	Риски наличия дублирующих контрактов с поставщиками
Оценка эффективности сделки М&А	Риск недостижения целей интеграции
	Риск неэффективного осуществления слияния после совершения сделки
	Риск неспособности увеличить эффективность управления активами объединенной компании
	Риск снижения рыночной стоимости объединенной компании
	Риск возникновения отрицательного эффекта от масштаба
	Риск невыполнения бизнес-плана компанией-приобретателем
	Риск появления прямых конкурентов в лице прежних собственников
	Риск сокращения денежных потоков в результате изменения плана развития компании
	Риск возникновения технологических изменений в отрасли

Литература

1. *Анисимовец В. А.* Риски в сделках по слиянию и поглощению // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 465–467.
2. *Вердиев Д. О.* Управление рисками в сделках слияний и поглощений // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 42 (3). С. 232–238.
3. *Вертакова Ю. В., Облаухова И. В.* Сравнительный анализ подходов к оценке уровня значимости рисков при реализации сделок слияния и поглощения: преимущества, недостатки и пути совершенствования // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2017. № 5. С. 28–35.
4. *Облаухова И. В.* Алгоритм формирования и реализации сделки слияния и поглощения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 177–183.
5. *Облаухова И. В.* Идентификация и классификация рисков при реализации сделок слияния и поглощения // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых (22–23 марта 2018 года). В 3-х т. Т. 1. Курск : Университетская книга, 2018. С. 133–139.
6. *Рамиева Л. В., Жданов А. Ю., Киселев К. М.* Стратегические и предпринимательские риски в условиях реорганизации компании путем слияния (поглощения) // Символ науки. 2016. № 4. С. 179–182.
7. *Согрина Н. С.* Методика оценки риска недружественного поглощения (рейдерства) в трансформируемой экономике // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2010. № 5 (186). С. 166–172.
8. *Файзуллин Р. А.* Правовые и договорные риски в сделках слияния и поглощения // Вестник Финансового университета. 2016. № 5. С. 141–148.
9. *Чеховская И. А., Зенин А. В.* Классификация и анализ рисков в условиях формирования и эффективного функционирования стратегических альянсов // Известия ВолгГТУ. Сер. «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». Вып. 19. 2014. № 11 (138). С. 58–63.
10. *Чувелева Е. А.* Классификация рисков корпоративных слияний и поглощений в нефинансовом секторе экономики // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 4 (21). С. 36–51.
11. *Ярин Д. Н.* Методы управления рисками, возникающими при формировании интегрированных структур // Вестник УГАТУ. 2013. № 2 (55). С. 189–193.
12. *Skitsko V. I., Huzenko O. Yu.* Risks of Mergers and Acquisitions Processes // Business Inform. 2017. N 6. P. 260–267.
13. *Sui Y., Dumitresc-Peculea A.* Financial risk identification and control of cross-border merger and acquisition enterprises // Audit financiar. 2016. N 12 (144). P. 1368–1377.
14. *Warter I., Warter L.* Cultural due diligence in M&A. Importance of soft risks factors // Annals of Spiru Haret University. Economic Series. 2017. N 2. P. 38–61.

Об авторе:

Вселенская Инга Вячеславовна, аспирант Юго-Западного государственного университета (Курск, Российская Федерация); ingachka28@mail.ru

References

1. Anishimovets V.A. Risks in merger and acquisition transactions // Young scientist [Molodoi uchenyi]. 2016. N 9 (113). P. 465–467. (In rus)
2. Verdiev D.O. Risk management in mergers and acquisitions // Journal of MGIMO-University [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2015. N 42 (3). P. 232–238. (In rus)
3. Vertakova Yu. V., Oblaukhova I. V. Comparative analysis of approaches to assessing the level of risk importance in the implementation of merger and acquisition deals: advantages, disadvantages and ways of improvement // Journal of SRSTU (SPI) [Vestnik YuRGU (NPI)]. 2017. N 5. P. 28–35. (In rus)
4. Oblaukhova I.V. Algorithm of formation and implementation of the deal of merger and absorption // News of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2018. V. 8, N 1 (26). P. 177–183. (In rus)

5. Oblaukhova I.V. Identification and Classification of Risks in the Implementation of Merger and Absorption Deals // Youth and Science: a Step to Success: Collection of Scientific Articles of the 2nd All-Russian Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists (March 22–23, 2018), in 3 volumes. Volume 1. Kursk : University Book, 2018. P. 133–139. (In rus)
6. Ramieva L.V., Zhdanov A.Yu., Kiselev K.M. Strategic and entrepreneurial risks in the context of reorganization of the company through merger (acquisitions) // Symbol of science [Simvol nauki]. 2016. N 4. P. 179–182. (In rus)
7. Sogrina N.S. Methodology of assessment of risk of unfriendly absorption (raiding) in the transformed economy // Journal of Chelyabinsk State University. Economy [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika]. 2010. N 5 (186). P. 166–172. (In rus)
8. Fayzullin R.A. Legal and Contractual Risks in Merger and Acquisition Transactions // Journal of Finance University [Vestnik Finansovogo universiteta]. 2016. N 5. P. 141–148. (In rus)
9. Chekhovskaya I.A., Zenin A.V. Classification and risk analysis in conditions of formation and effective functioning of strategic alliances // News of Volga STU. Series “Topical problems of reforming the Russian economy (theory, practice, perspective)” [Izvestiya VolgGTU. Ser. «Aktual’nye problemy reformirovaniya rossiiskoi ekonomiki (teoriya, praktika, perspektiva)»]. Issue. 19. 2014. N 11 (138). P. 58–63. (In rus)
10. Chuveleva E.A. Classification of risks of corporate mergers and acquisitions in the non-financial sector of the economy // Journal of the International Institute of Economics and Law [Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava]. 2015. N 4 (21). P. 36–51. (In rus)
11. Yarin D.N. Methods of managing risks arising in the formation of integrated structures // USATU Journal [Vestnik UGATU]. 2013. N 2 (55). P. 189–193. (In rus)
12. Skitsko V.I., Huzenko O.Yu. Risks of Mergers and Acquisitions Processes // Business Inform. 2017. N 6. P. 260–267.
13. Sui Y., Dumitresc-Peculea A. Financial risk identification and control of cross-border merger and acquisition enterprises // Audit financiar. 2016. N 12 (144). P. 1368–1377.
14. Warter I., Warter L. Cultural due diligence in M&A. Importance of soft risks factors // Annals of Spiru Haret University. Economic Series. 2017. N 2. P. 38–61.

About the author:

Inga V. Vselenskaya, Graduate student of the Southwest State University (Kursk, Russian Federation); ingachka28@mail.ru

Тенденции влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в регионах

Казанцев Д. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dmi2716@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является выявление особенностей влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в регионе на примере СЗФО. При проведении исследования использованы разнообразные методы научного познания экономических и социальных процессов, среди которых: системный, группировки, теоретического обобщения, метод научной абстракции, сравнительный анализ. Констатировано, что существующий уровень социально-экономического развития СЗФО требует поиска эффективных путей системного решения имеющихся в регионе проблем, направленных на реализацию проектов для развития экономической и социальной сферы региона. Показано, что банковские институты, кроме собственно финансово-кредитных функций, выполняют уникальные системообразующие функции деятельности всех субъектов экономических и социальных отношений по получению банковских услуг. В статье также продемонстрирована значительная экономическая и социальная роль банковских учреждений в развитии СЗФО. Сделан вывод о том, что банковский капитал должен способствовать развитию производства, сельского хозяйства и малого предпринимательства, содействовать увеличению занятости и повышению доходов населения. Как показало исследование, уровень межрегиональной дифференциации в Северо-Западном федеральном округе довольно значителен, что является неблагоприятным фактором и не способствует интенсивному развитию региона. Поэтому был сформулирован ряд предложений, реализация которых могла бы содействовать более эффективному воздействию на сложившуюся ситуацию, а именно: банковское финансирование должно более активно направляться в менее развитые регионы округа, причем приоритет должен быть предоставлен высокотехнологичным и инновационным отраслям, что будет способствовать росту конкурентоспособности территорий округа; необходимо активизировать государственные закупки с привлечением банковского капитала для поддержки экономики менее развитых регионов округа; следует улучшить взаимодействие региональных органов государственного управления в СЗФО с банковскими организациями. Также банкам Северо-Западного федерального округа следует сделать акцент на поддержке малого и среднего бизнеса, который имеет значительный потенциал для развития в этом регионе. Подчеркнуто, что такой подход позволит реализовать не только экономическую, но и социальную роль банков, а также улучшит показатели социально-экономического развития как всего округа, так и отдельных его территорий.

Ключевые слова: региональные банки, банковский капитал, инвестирование, кредитование, занятость, малый и средний бизнес

Для цитирования: Казанцев Д. А. Тенденции влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в регионах // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 121–131.

Trends in Banking Activities Influence on the Formation of Points of Socio-Economic Growth in the Regions

Dmitry A. Kazantsev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; dmi2716@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to identify the characteristics of the impact of banking activities on the formation of points of socio-economic growth in the region on the example of the North-West Federal District. The study used a variety of methods of scientific knowledge of economic and social processes, including: systemic, grouping, theoretical generalization, the method of scientific abstraction, comparative analysis. It was stated that the current level of socio-economic development of the North-West Federal District requires finding effective ways to systematically solve the problems existing in the region, aimed at implementing projects for the development of the economic and social sphere of the region. It is shown that banking institutions, in addition to the financial and credit functions proper perform unique system-forming functions of the activities of all subjects of economic and social relations in obtaining banking services. The article demonstrates the significant economic and social role of banking institutions in the development of the North-West Federal District. It was concluded that banking capital should contribute to the development of production, agriculture and small business, to promote employment and increase incomes of the population. The study showed that the level of interregional differentiation in the North-West Federal District is quite significant, which is an unfavorable factor and does not contribute to the intensive development of the region. Therefore, a number of proposals were formulated, the implementation of which could contribute to a more effective impact on the current situation: namely, bank financing should be more actively directed to less developed regions of the district, and priority should be given to high-tech and innovative industries that will enhance the competitiveness of the district; it is necessary to intensify government procurement with the involvement of bank capital to support the economy of less developed regions of the district; the interaction of regional governments in the North-West Federal District with banking organizations should be improved. Also, banks in the Northwestern Federal District should focus on supporting small and medium-sized businesses, which have significant potential for development in this region. It was emphasized that such an approach would allow for the realization of not only the economic but also the social role of banks, as well as improves the indicators of socio-economic development both of the entire district and of its individual territories.

Keywords: regional banks, bank capital, investment, lending, employment, small and medium business

For citing: Kazantsev D. A. Trends in Banking Activities Influence on the Formation of Points of Socio-Economic Growth in the Regions // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 121–131.

Введение

Вопросы исследования роли банковской системы в социально-экономическом развитии региона являются весьма актуальными в современной экономике. Влияние банков в этом процессе определяется, прежде всего, инвестиционной составляющей, благодаря которой улучшаются финансовые условия для функционирования субъектов хозяйствования, наращивания добавленной стоимости, увеличения прибыли предприятий и доходов населения. Также одной из важных функций банковского сектора является инвестирование капитала на нужды региональной экономики с целью получения прибыли. Для региона важно вложение средств в прибыльные экономические и социально значимые проекты, благодаря чему происходит формирование точек социально-экономического роста.

Таким образом, роль банковских структур в развитии региона весьма значительна. И не столько территориальная организация банковской системы, сколько территориальное размещение головных офисов банков играет значительную роль в этом процессе. При этом в выигрышной ситуации находятся регионы размещения головных офисов банков, куда осуществляется отток капитала из других регионов. Такая ситуация вызывает региональные асимметрии и усиливает идею целесообразности наличия развитых региональных банковских структур.

Вопросами исследования роли банковской системы в развитии экономической и социальной сферы регионов занимались ряд отечественных и зарубежных ученых

(В. В. Софронова [12], И. Ю. Леухин [7], А. Marisa [25], А. Belke [16; 17], А. Glosch [20], S. Jha [24], С. Bernini [18], U. Haskamp [22]). Так, М. Gjelsvik указал на важность эффективного выполнения банками возложенных на них задач в регионе, от чего зависит результативность взаимодействия банковского сектора и региональной экономики [21]. А. С. Чеснокова, И. В. Молодан рассматривали региональную банковскую систему как совокупность региональных банковских учреждений и структурных подразделений банков других регионов и ее влияние на социальную составляющую развития [14]. Также исследованиями в области влияния банковского сектора на развитие экономики региона занимались такие ученые, как Г. Г. Арунянц [4], Д. А. Рабаданова [10], Б. Н. Яхьяева [15] и др.

Вместе с тем вопросы влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) не нашли отражения в доступных на сегодняшний день научных публикациях, что подтверждает необходимость научных поисков в данном направлении.

Целью статьи является выявление тенденций влияния банковской деятельности на формирование точек социально-экономического роста в регионе (на примере Северо-Западного федерального округа).

Теоретические основы исследования

Теоретической основой исследования стали научные труды отечественных и зарубежных ученых в области финансовой и банковской деятельности, ее влияния на экономические и социальные показатели территорий. Правовое поле исследования составили действующие законодательные документы и нормативные документы банка России. При проведении исследования был использован широкий спектр методов научного познания, среди которых: системный, группировки, теоретического обобщения, метод научной абстракции, сравнительный анализ.

Результаты

Под «точками роста» в экономике и социальной сфере следует понимать направления деятельности, в которых существует нелинейная зависимость между действиями и социально-экономическими результатами, или нелинейное увеличение эффективности. При этом достигается эффект резонанса, благодаря которому происходит интенсификация улучшения социально-экономических показателей в регионе.

В условиях ограниченности собственных средств у субъектов хозяйствования, населения и органов государственного управления Северо-Западного федерального округа (СЗФО) возникает необходимость осуществления финансирования за счет ссудного капитала при содействии банковских учреждений региона. При этом возникает вопрос преобразования банковской системы СЗФО в эффективную систему аккумулирования сбережений и направления их в перспективные сектора экономики и социальной сферы. В указанном процессе определяющим является участие региональных отделений банков через механизмы кредитования в определении и реализации социальных региональных программ, строительстве и работе транспортной инфраструктуры, активизации кредитования населения региона. От коллективных усилий местных властей и руководителей, учредителей и владельцев банков зависят результаты реализации программ развития, рост экономического потенциала СЗФО, возрождение и обеспечение дальнейшего устойчивого развития его промышленности, сельского хозяйства, торговли. Для достижения этих целей региональная банковская система, как совокупность региональных банковских учреждений и структурных подразделений банков других регионов, должна быть не только экономически, но и общественно эффективной, выполнять социальную роль.

По словам Л. А. Агузаровой, А. Т. Ачеевой, региональная банковская система является неотъемлемой составляющей хозяйственного и социального комплексов региона и тесно связана с их развитием [2, с. 11]. Это подтверждается мнением А. М. Ажлуни, А. Н. Петровой о важности эффективного выполнения банками возложенных на них задач в регионе, от чего зависит результативность взаимодействия банковского сектора и региональной экономики в условиях санкций [3, с. 7]. Ведь банковские институты, кроме собственно финансово-кредитных функций, выполняют уникальные системообразующие функции деятельности всех субъектов экономических и социальных отношений по получению банковских услуг. А устойчивость, стабильность, надежность банков зависит от системной организации отношений всех участников этой деятельности. Банковская система является институциональным механизмом, который осуществляет прямые связи по всем звеньям социальных и экономических отношений, и по каждому конкретному их проявлению. Эти исходные позиции определяют общую логику формирования системы взаимодействия банковского сектора и социально-экономической сферы региона.

С целью исследования роли банковского сектора в стимулировании развития экономики и социальной сферы региона следует систематизировать функции банковской системы, реализация которых позволит определить ее влияние на регион. К таким функциям относятся депозитная функция, кредитная функция, расчетно-кассовая функция [5, с. 18–19]. Первые две функции можно объединить в перераспределительную функцию, поскольку банки осуществляют перераспределение средств, временно высвобождаемых в процессе кругооборота капитала у юридических и физических лиц, органов государственного управления в пользу заемщиков, каковыми являются те же юридические, физические лица и государственные органы, нуждающиеся в дополнительных средствах.

Оплата за предоставленные и полученные займы средства формируется на рыночных принципах свободного ценообразования, которые определяются под влиянием фундаментальных факторов — спроса и предложения на рынке капитала. При этом банки, как коммерческие структуры, получают прибыль от посреднических операций в виде разницы в процентах между кредитными и депозитными ставками [6, с. 373]. В результате перераспределительных процессов происходит свободное перемещение финансового капитала между секторами экономики, субъектами хозяйствования, населением и возникает стимул к интенсификации развития экономической и социальной сферы региона на микро-, мезо- и макроуровнях.

Непосредственно депозитная функция предусматривает привлечение временно свободного денежного капитала на условиях платности и срочности от клиентов банка. Депозитная функция является важной функцией банковской системы, поскольку от ее эффективности зависит размер предоставления возможных займов заемщикам в регионе. Кредитная функция банка предусматривает поиск юридических и физических лиц, у которых имеется потребность в дополнительных привлеченных средствах. Кредитная функция является активной функцией банков, приносит им прибыль и улучшает ресурсное обеспечение региональной социально-экономической системы. Для социально-экономического развития региона посредническая функция банков является важной также с точки зрения уменьшения уровня риска потери капитала для своих владельцев. Гарантии, предоставляемые банками по получению клиентами своих капиталов, снижают риски и тем самым создают почву социальной защищенности в регионе размещения банковского учреждения.

Расчетно-кассовая функция коммерческих банков занимает значительную долю операционного времени банковских работников и, в отличие от перераспределительных депозитной и кредитной функций, заключается в техническом обеспечении проведения денежных расчетов. Для региональной экономики расчетно-кассовая функция важна, поскольку по своей сути является социально направленной. Со-

гласно мнению А. И. Серебренниковой, Ю. В. Куваевой, А. В. Микрюкова, социальная функция банковских учреждений должна проявляться не только в качественном предоставлении банковских услуг, но и в содействии социальной стабильности населения, в частности, собственных работников, обеспечения развития малого и среднего бизнеса, природоохранной деятельности, что имеет прямое влияние на социально-экономическое развитие региона расположения банковского учреждения [11, с. 1576–1577].

Территориальная организация банковской системы в любой стране определяется комплексом факторов, которые на нее влияют. К таким факторам, в первую очередь, следует отнести демографические, обуславливающие количество банковских учреждений на определенной территории с целью обеспечения доступности предоставления банковских услуг населению. Кроме демографических факторов на территориальное размещение и концентрацию банковских учреждений влияет уровень развития предпринимательства в регионе, поскольку потребностями бизнеса определяется спектр перераспределительных и расчетно-кассовых услуг банковских учреждений. Помимо приведенных факторов, территориальную организацию банковской системы определяют географическое расположение региона, покупательная способность населения и другие факторы, однако основными все же являются демографические факторы и уровень развития экономики и предпринимательства [8].

В результате воздействия указанных факторов в регионах России наблюдается неравномерное размещение банковских структур. Так, в высокоразвитых регионах, крупных промышленных центрах наблюдается высокая концентрация банковских учреждений, что обуславливает значительную конкуренцию между ними. В менее развитых регионах наблюдается противоположная ситуация, где рынок финансовых услуг более монополизирован и формируется меньшим количеством банков (см. табл).

Как следует из таблицы, в СЗФО по состоянию на 1 мая 2019 г. присутствовали 42 кредитные организации, причем у 7 банков в анализируемом регионе был головной офис. По количеству кредитных организаций Северо-Западный федеральный округ уступает Центральному и Приволжскому федеральным округам. То есть СЗФО находится в тройке региональных лидеров по этому показателю.

Следует заметить, что проблема концентрации капиталов банков в отдельных регионах, которая сдерживает развитие других территорий, присуща и зарубежным странам с высоким уровнем развития [1; 13]. Для решения этих проблем правительства зарубежных стран осуществляли реструктуризацию банковской системы и содействовали созданию региональных банков. Функциями таких банков в разных странах мира являются: аккумулярование финансовых ресурсов для региона, обслуживание местного населения, предоставление кредитов, привлечение депозитов, обслуживание региональных бюджетов, т. е. содействие социально-экономическому развитию региона.

Важность банковской системы в рассматриваемом процессе обусловлена, прежде всего, природой экономических законов. Вследствие банковского кредитования происходит переток капитала между отраслями в рамках экономической системы. Конечным результатом этого процесса является выравнивание нормы прибыли на вложенный капитал в различных отраслях экономики и перенаправление финансовых ресурсов между отдельными регионами. При этом банковский капитал должен способствовать как развитию производства в регионе, так и повышению эффективности деятельности отдельного хозяйствующего субъекта — заемщика.

Развитие экономической и социальной сферы региона с позиции возможностей финансово-кредитных учреждений в значительной степени зависит от их инвестиционной активности, в частности по проектам, направленным на обеспечение дея-

**Количество действующих кредитных организаций (КО) и их филиалов
в территориальном разрезе по состоянию на 01.05.2019**

Table. The number of existing credit institutions and their branches in the territorial context
as of 01.05.2019

Наименование региона	Количество КО в регионе	Количество филиалов в регионе		
		Всего	КО, головная организация которых находится в данном регионе	КО, головная организация которых находится в другом регионе
Российская Федерация	469	683	—	—
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	263	129	18	111
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	42	97	7	90
Республика Карелия	1	2	0	2
Республика Коми	1	4	2	2
Архангельская обл.	0	3	0	3
в том числе: Ненецкий АО	0	0	0	0
Архангельская обл.	0	3	0	3
Вологодская обл.	3	2	0	2
Калининградская обл.	1	9	0	9
Ленинградская обл.	1	2	0	2
Мурманская обл.	2	2	0	2
Новгородская обл.	2	3	0	3
Псковская обл.	2	4	0	4
Санкт-Петербург	29	66	5	61
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	24	74	2	72
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	11	36	1	35
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	63	106	2	104
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	23	106	42	64
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	28	84	5	79
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ	15	51	0	51

Источник: Количество действующих кредитных организаций и их филиалов в территориальном разрезе на 01.05.2019 // Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/bank_system/int_div_010519.xlsx (дата обращения: 27.05.2019).

тельности реального сектора экономики регионов. При этом важным является сотрудничество региональных органов власти с банковскими структурами, расположенными на территории региона, в частности путем разработки совместных программ развития региона, реализации инфраструктурных и социальных проектов, объединения финансовых возможностей для решения насущных региональных проблем.

Финансовую поддержку региональных проектов банковские структуры могут осуществлять путем: предоставления кредитов (в том числе льготных) местным органам управления; обеспечения софинансирования региональных проектов; предоставления средств на основе благотворительности, меценатства; организации создания и предоставления займа для реализации совместного инфраструктурного объекта и т. п. Кроме того, банки могут предоставлять консалтинговые услуги юридическим и физическим лицам региона по вопросам выгодных условий реализации проектов и капитализации активов.

П. А. Острожкова при исследовании особенностей развития регионального рынка банковских продуктов доказывает важность предложения адекватных, экономически обоснованных и новых выгодных банковских продуктов, адаптированных под специфику экономики регионов, что позволит создать более благоприятные условия для сотрудничества с клиентами. При этом автор подчеркивает необходимость использования индивидуального подхода к каждому региону при концептуальной разработке банковского продукта, используя потенциальные возможности и учитывая перспективные направления развития региона [9].

Тенденцией развития экономики в Северо-Западном федеральном округе является усиление позиций крупнейших компаний. Их наличие и успешная деятельность в регионе во многом определяют перспективы социально-экономического развития в округе. При этом ситуация неоднородна в субъектах федерации, которые входят в СЗФО. Самая значительная концентрация крупного бизнеса имеется в Санкт-Петербурге. При этом малый и средний бизнес округа имеет значительный потенциал для развития.

Доля Северо-Западного федерального округа в производстве сельскохозяйственной продукции страны невелика, что объясняется специфическими природно-климатическими условиями региона. СЗФО имеет значительный транспортный потенциал — на его территории расположены международные транспортные коридоры Россия-СНГ и Россия-ЕС, крупные автомобильные, железнодорожные, воздушные, морские, речные логистические узлы.

В целом, уровень межрегиональной дифференциации в Северо-Западном федеральном округе довольно значителен, что является неблагоприятным фактором и не способствует интенсивному развитию региона. Поэтому можно выделить ряд предложений, которые способны более эффективно воздействовать на сложившуюся ситуацию:

- банковское финансирование должно более активно направляться в менее развитые регионы округа, причем приоритет должен быть предоставлен высокотехнологичным и инновационным отраслям, что будет способствовать росту конкурентоспособности территорий округа;
- активно должны осуществляться государственные закупки с привлечением банковского капитала для поддержки экономики менее развитых регионов округа, которые имеют, в частности, недостаток спроса на их продукцию;
- региональные власти должны активно взаимодействовать с банковскими организациями в процессе реализации региональной политики и политики выравнивания, что будет обеспечивать рост эффективности реализуемых мер и интенсификацию развития.

Также банкам Северо-Западного федерального округа следует сделать акцент на поддержке малого и среднего бизнеса, имеющего значительный потенциал для

развития в этом регионе. Такой подход позволит реализовать не только экономическую, но и социальную роль банков, а также улучшит показатели социально-экономического развития как всего округа, так и отдельных его территорий.

Как считает Franz Flögel, для того чтобы малый и средний бизнес смог выполнять свои социально-экономические функции, совершенствовать деятельность, способствовать развитию технологического и инновационного процессов, возникает потребность в его финансировании [19]. Банки, действуя на конкретных территориях, поддерживают малый и средний бизнес путем создания специальных кредитных программ, в процессе развития которых сформировалась целая отрасль финансовых услуг для малых предпринимателей, в частности, микрокредитования [23]. Специфическими чертами подобных программ стали повышение уровня жизни; распространение индивидуального кредитования; формирование целевой аудитории клиентов, которые уже имеют собственный успешный бизнес и стремятся его развивать, при этом не требуют стартового капитала. Что касается СЗФО, банкам следует уделять больше внимания вопросам предоставления микрокредитов для начала нового дела, что также возможно при поддержке государства и региональных органов государственного управления.

Вместе с тем банковская сфера в России сегодня натолкнулась на совокупность проблем разной природы. К основным проблемам финансово-кредитных учреждений, в первую очередь, следует отнести сокращение их числа, слабые показатели прибыли, а также периодическую волатильность валютных курсов. Нестабильность курсов валют на фоне снижения доверия населения региона к банковской системе негативно влияет на привлечение банковских депозитов, инвестиции и величину процентных ставок, что в целом негативно влияет на социально-экономическое развитие региона.

Другой важной проблемой, которая отразилась на деятельности банковских структур, является недостаточно динамичный рост доходов населения. Отсутствует устойчивая тенденция к наращиванию расходов домохозяйств, что свидетельствует о недостаточном улучшении уровня жизни населения региона. Стагнация покупательной способности вызывает сокращение депозитных вкладов населения, что опять же ограничивает кредитный потенциал банковских учреждений и возможности улучшения качества активов региональной экономики.

Обсуждение

Банковские институты, кроме собственно финансово-кредитных функций, выполняют уникальные системообразующие функции деятельности всех субъектов экономических и социальных отношений по получению банковских услуг. В статье продемонстрирована значительная экономическая и социальная роль банковских учреждений в развитии СЗФО. При этом банковский капитал должен способствовать развитию производства, сельского хозяйства и малого предпринимательства, содействовать увеличению занятости и повышению доходов населения. Также в результате мы пришли к выводу, что развитие экономической и социальной сферы региона с позиции возможностей финансово-кредитных учреждений в значительной степени зависит от их инвестиционной активности, в частности по проектам, направленным на обеспечение деятельности реального сектора экономики СЗФО.

Выводы

Существующий уровень социально-экономического развития СЗФО требует поиска эффективных путей системного решения имеющихся в регионе проблем, направленных на реализацию проектов для развития экономической и социальной сферы региона.

Банки выполняют одну из определяющих ролей в реализации функций развития региона, являясь основным каналом передачи капитала от владельцев к инвесторам, обеспечивая сбалансированность между спросом и предложением денежных активов. Как показало исследование, уровень межрегиональной дифференциации в Северо-Западном федеральном округе довольно значителен, что является неблагоприятным фактором и не способствует интенсивному развитию региона. Поэтому был сформулирован ряд предложений, реализация которых могла бы содействовать более эффективному воздействию на сложившуюся ситуацию, а именно: банковское финансирование должно более активно направляться в менее развитые регионы округа, причем приоритет должен быть предоставлен высокотехнологичным и инновационным отраслям, что будет способствовать росту конкурентоспособности территорий округа; необходимо активизировать государственные закупки с привлечением банковского капитала для поддержки экономики менее развитых регионов округа, которые имеют, в частности, недостаток спроса на их продукцию; следует улучшить взаимодействие региональных органов государственного управления в СЗФО с банковскими организациями. Также банкам Северо-Западного федерального округа следует сделать акцент на поддержке малого и среднего бизнеса, который имеет значительный потенциал для развития в этом регионе. Такой подход позволит реализовать не только экономическую, но и социальную роль банков, а также улучшит показатели социально-экономического развития как всего округа, так и отдельных его территорий.

Данная статья не исчерпывает всех аспектов рассматриваемой проблемы. Необходимо дальнейший научный поиск действенных путей решения проблем банковского сектора региона, как важной институции обеспечения эффективного развития его экономической и социальной сферы.

Литература

1. Авис О. У. Современные проблемы функционирования региональных банков: российский и зарубежный опыт их решения // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 4 (52). С. 8.
2. Агузарова Л. А., Ачеева А. Т. Региональная банковская система: структура и оценка ее роли в экономике субъекта Российской Федерации : монография. Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2018.
3. Ажлуни А. М., Петрова А. Н. Управление социально-экономическим развитием региона на основе эффективной региональной банковской системы в условиях санкций // Банковский сектор: состояние, тенденции и перспективы развития : мат-лы международной научно-практической конференции. Орел : Орловский гос. аграрный ун-т им. Н. В. Парахина, 2018. С. 5–12.
4. Арунянц Г. Г. Региональная банковская система как функциональная подсистема рыночного хозяйства и фактор развития реального сектора экономики региона // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 3. С. 7–15.
5. Кодзоев З. Б. Классификация банковской инфраструктуры // Финансы и кредит. 2015. № 34 (658). С. 16–25.
6. Курбатская К. Г., Отвагина Л. Н. Депозитно-кредитная политика банковского сектора // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 8А. С. 370–376.
7. Леухин И. Ю. Инновационный подход в развитии банковской системы регионов как фактор экономического роста // Теория. Практика. Инновации. 2018. № 4 (28). С. 236–240.
8. Нихтий Е. О., Шалова В. А. Тенденции развития региональных банков в Российской Федерации // Экономика и социум. 2018. № 1 (44). С. 582–587.
9. Острожкова П. А. Особенности развития регионального рынка банковских продуктов // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 4. С. 55–59.
10. Рабаданова Д. А. Взаимодействие банковского и реального секторов экономики региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3. № 10. С. 77–81.
11. Серебренникова А. И., Куваева Ю. В., Микрюков А. В. К вопросу понимания социальных функций банков // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 11 (58). С. 1575–1577.

12. Софронова В. В. Роль банковской системы в кредитовании экономики региона // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 5 (773). С. 1031–1045.
13. Тарханова Е. А., Бабурина Н. А., Чередов К. А. Особенности и тенденции регионального развития коммерческих банков России и других стран // Экономика. Бизнес. Банки. 2017. № 3 (20). С. 11–20.
14. Чеснокова А. С., Молодан И. В. Социальная ответственность региональных банков // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. 2014. № 5. С. 492–495.
15. Яхьяева Б. Н., Казимагомедова З. А. Банковский сектор и экономика региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 5. С. 41–45.
16. Belke A. Bank Efficiency and Regional Growth in Europe: New Evidence from Micro-Data (November 21, 2016) // ECB Working Paper. N 1983.
17. Belke A., Haskamp U., Setzer R. Regional bank efficiency and its effect on regional growth in 'normal' and 'bad' times // ROME Discussion Paper Series. N 15–07, Research On Money in the Economy (ROME), 2015.
18. Bernini C., Brighi P. Bank branches expansion, efficiency and local economic growth // Regional Studies, 2018, vol. 52, Is. 10, P. 1332–1345.
19. Flögel F. Distance and Modern Banks' Lending to SMEs: Ethnographic Insights from a Comparison of Regional and Large Banks in Germany // Journal of Economic Geography. Vol. 18. Is. 1, Jan. 2018. P. 35–57.
20. Ghosh A. Do bank failures still matter in affecting regional economic activity? // Journal of Economics and Business. Vol. 90, March-April 2017. P. 1–16.
21. Gjelsvik M. Economic Transformations of Regions: The Role of Banks // Vol. 26. Is. 1 (Special Is.: Managing the Banking System). January, 2017. P. 35–51.
22. Haskamp U. Regional Bank Efficiency and its Effect on Regional Growth in Normal and Bad Times [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/112824> (дата обращения: 25.05.2019).
23. Iftekhar H., Jackowicz K., Jagiełło R., Kowalewski O. et al. Is There Anything Special About Local Banks As SME Lenders? Evidence From Bank Corrective Programs (2018) // IÉSEG Working Paper Series 2018-ACF-06 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3224587> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3224587> (дата обращения: 22.05.2019).
24. Jha S. S. Regional rural bank: an important mechanism for the financial inclusion // International Journal of Advance and Innovative Research. Vol. 5, Is. 4 (XIV): October — December, 2018. P. 159–165.
25. Marisa A., Shabri Abd., Majid M., Taufiq C. Dawood How important are the Government Expenditure and Bank Lending in Promoting Regional Economic Growth? // East African Scholars Journal of Economics, Business and Management. Vol. 2. Is. 3. March, 2019. P. 117–123.

Об авторе:

Казанцев Дмитрий Александрович, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), dmi2716@mail.ru

References

1. Avis O. U. Modern problems of functioning of regional banks: Russian and foreign experience of their solution // Regional economy and management: electronic scientific journal [Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal]. 2017. N 4 (52). P. 8. (In rus)
2. Aguzarova L. A., Acheeva A. T. Regional banking system: structure and assessment of its role in the economy of the subject of the Russian Federation: monograph. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 2018. 154 p. (In rus)
3. Azhluni A. M., Petrova A. N. Management of social and economic development of the region on the basis of an effective regional banking system under sanctions // Banking sector: state, trends and prospects of development: results of an international scientific and practical conference. Orel: Orel State Agrarian University named after N. V. Parakhin, 2018. P. 5–12. (In rus)
4. Arunyantz G. G. Regional banking system as a functional subsystem of the market economy and a factor of development of the real sector of the economy of the region // Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskoe yavleniya i protsessy]. 2017. V 12. N 3. P. 7–15. (In rus)
5. Kodzoev Z. B. Classification of banking infrastructure // Finance and credit [Finansy i kredit]. 2015. N 34 (658). P. 16–25. (In rus)

6. Kurbatskaya K. G., Otvagina L. N. Deposit and credit policy of the banking sector // Economics: yesterday, today, tomorrow [Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra]. 2018. V. 8. N 8A. P. 370–376. (In rus)
7. Leukhin I. Yu. Innovative approach in the development of the banking system of the regions as a factor of economic growth // Theory. Practice. Innovations [Teoriya. Praktika. Innovatsii]. 2018. N 4 (28). P. 236–240. (In rus)
8. Nikhtiy E. O., Shalova V. A. Trends of regional banks development in the Russian Federation // Economics and society [Ekonomika i sotsium]. 2018. N 1 (44). P. 582–587. (In rus)
9. Ostrozhkova P. A. Peculiarities of development of regional market of banking products // Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2016. V. 11. N 4. P. 55–59. (In rus)
10. Rabadanova D. A. Interaction of banking and real sectors of the economy of the region // Economics and management: problems, solutions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. 2017. V. 3. N 10. P. 77–81. (In rus)
11. Serebrennikova A. I., Kuvaveva Yu. V., Mikrykov A. V. To the question of understanding the social functions of banks // Competitiveness in the global world: economics, science, technology [Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii]. 2017. N 11 (58). P. 1575–1577. (In rus)
12. Sofronova V. V. The role of the banking system in lending to the economy of the region // Finance and credit [Finansy i kredit]. 2018. V. 24. N 5 (773). P. 1031–1045. (In rus)
13. Tarhanova E. A., Baburina N. A., Cheredov K. A. Peculiarities and trends of regional development of commercial banks of Russia and other countries // Economics. Business. Banks [Ekonomika. Biznes. Banki]. 2017. N 3 (20). P. 11–20. (In rus)
14. Chesnokova A. S., Molodan I. V. Social responsibility of regional banks // Human resources management is the basis of development of innovative economy [Upravlenie chelovecheskimi resursami — osnova razvitiya innovatsionnoi ekonomiki]. 2014. N 5. P. 492–495. (In rus)
15. Yahyayeva B. N., Kazimagomedova Z. A. Banking sector and economy of the region // Economics and management: problems, solutions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. 2018. V. 3. N 5. P. 41–45. (In rus)
16. Belke A. Bank Efficiency and Regional Growth in Europe: New Evidence from Micro-Data (November 21, 2016) // ECB Working Paper N 1983.
17. Belke A., Haskamp U., Setzer R. Regional bank efficiency and its effect on regional growth in 'normal' and 'bad' times // ROME Discussion Paper Series, N 15–07, Research On Money in the Economy (ROME), 2015.
18. Bernini C., Brighi P. Bank branches expansion, efficiency and local economic growth // Regional Studies, 2018. Vol. 52. Is. 10, P. 1332–1345.
19. Flögel F. Distance and Modern Banks' Lending to SMEs: Ethnographic Insights from a Comparison of Regional and Large Banks in Germany // Journal of Economic Geography. Vol. 18. Is. 1. Jan. 2018. P. 35–57.
20. Ghosh A. Do bank failures still matter in affecting regional economic activity? // Journal of Economics and Business. Vol. 90. March-April 2017. P. 1–16.
21. Gjelsvik M. Economic Transformations of Regions: The Role of Banks // Vol. 26. Is. 1 (Special Is.: Managing the Banking System). January, 2017. P. 35–51.
22. Haskamp U. Regional Bank Efficiency and its Effect on Regional Growth in Normal and Bad Times. 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/112824> (date of access: 25.05.2019).
23. Iftekhar H., Jackowicz K., Jagiełło R., Kowalewski O. et al. Is There Anything Special About Local Banks As SME Lenders? Evidence From Bank Corrective Programs (2018) [Electronic resource] // IÉSEG Working Paper Series 2018-ACF-06 [Electronic resource]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3224587> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3224587> (date of access: 22.05.2019).
24. Jha S. S. Regional rural bank: an important mechanism for the financial inclusion // International Journal of Advance and Innovative Research. Vol. 5. Is. 4 (XIV). October — December, 2018. P. 159–165.
25. Marisa A., Shabri Abd., Majid M., Taufiq C. Dawood How important are the Government Expenditure and Bank Lending in Promoting Regional Economic Growth? // East African Scholars Journal of Economics, Business and Management. Vol. 2. Is. 3. March, 2019. P. 117–123.

About the author:

Dmitry A. Kazantsev, Graduate student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), dmi2716@mail.ru

К проблеме оценки эффективности инновационных проектов: современное состояние и перспективы развития

Мицеловская О. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mitselovskaya@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение современного состояния и перспектив развития методов оценки эффективности инновационных проектов в условиях VUCA World. Рассмотрено понятие эффективности в системе понятийного аппарата экономических исследований, выявлены основные подходы к исследованию эффективности, предложена классификация объектов ее оценки. Выполнен анализ современного состояния изученности проблемы, выявлены перспективные направления развития подходов к оценке эффективности инновационных проектов. Отдельно рассмотрены подходы к оценке эффективности пилотных проектов.

Ключевые слова: инновационный проект, пилотный проект, инвестиционный проект, эффективность, критерий, показатель, управленческое решение, бизнес-процесс, многокритериальный подход, опцион, нечеткое множество

Для цитирования: Мицеловская О. С. К проблеме оценки эффективности инновационных проектов: современное состояние и перспективы развития // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 132–143.

To the Problem of Evaluating the Effectiveness of Innovative Projects: Current State and Development Prospects

Olga S. Mitselovskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; mitselovskaya@mail.ru

ABSTRACT

The article presents the results of the study, the purpose of which was to study the current state and prospects for the development of methods for evaluating the effectiveness of innovative projects in the context of VUCA World. The concept of efficiency in the system of conceptual apparatus of economic research is considered, the main approaches to the study of efficiency are identified, the classification of objects for its evaluation is proposed. The analysis of the current state of knowledge of the problem is carried out, and promising directions for the development of approaches to evaluating the effectiveness of innovative projects are identified. Separately considered approaches to evaluating the effectiveness of pilot projects.

Keywords: innovative project, pilot project, investment project, efficiency, criterion, indicator, management decision, business process, multi-criteria approach, option, fuzzy set

For citing: Mitselovskaya O. S. To the Problem of Evaluating the Effectiveness of Innovative Projects: Current State and Development Prospects // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 132–143.

Введение

В современных условиях развития процессы, протекающие в обществе, становятся все более сложными, а развитие экономических систем становится все менее

предсказуемым. Современные социально-экономические процессы, в том числе и инновационный процесс, протекают в условиях новой реальности, которую экспертное сообщество определило как «VUCA World». VUCA — это акроним из английских слов *volatility* (нестабильность, изменчивость, неустойчивость), *uncertainty* (неопределенность), *complexity* (сложность), *ambiguity* (неоднозначность, неясность, двусмысленность); набор этих слов в полной мере отражает настоящие специфические условия функционирования экономических систем [7].

В большинстве случаев существующие подходы к оценке эффективности инновационных проектов основаны на стандартных критериях инвестиционного анализа и поэтому не учитывают особенности инновационных проектов, которые реализуются в условиях недостатка информации о факторах внешней среды, в условиях высокой неопределенности среды принятия решения и существенного риска. Таким образом, изучение и совершенствование методического обеспечения оценки эффективности инновационных проектов в настоящее время является актуальной проблемой экономической науки.

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение современного состояния и перспектив развития методов оценки эффективности инновационных проектов в условиях VUCA World.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- рассмотреть понятие и виды эффективности;
- определить критерии эффективности;
- выявить существующие подходы к оценке экономической эффективности инновационных проектов;
- определить перспективные направления развития подходов к оценке экономической эффективности инновационных проектов, включая пилотные проекты.

Эффективность в системе понятийного аппарата экономических научных исследований

Как известно, термином «эффективность» (лат. *effectus* — исполнение, действие) обозначается способность выполнять работу и достигать необходимого (желаемого, требуемого) результата с наименьшей затратой времени и усилий. Эффективность является универсальной характеристикой результативности (целесообразности) любой деятельности, включая и экономическую деятельность. Необходимо отметить, что понятие «эффективность» используется также для определения величины относительного эффекта в качестве синонима понятия «результативность», определяемой как отношение величины эффекта (результата) к величине затрат (расходов), обеспечивших его получение.

Выполненный анализ предметной области исследований выявил, что в настоящее время существуют три основных подхода к исследованию эффективности, первый из которых основан на соответствии интересам, второй — на максимизации (минимизации) значений каких-либо величин, третий — на соответствии некоторым принципам (рис. 1).

Как правило, термин «эффективность» используется в значении «экономическая эффективность»; во всех других случаях к существительному «эффективность» добавляется определенное прилагательное (коммерческая эффективность, социальная эффективность и др.). Так, например, отбор инвестиционных проектов для финансирования предполагает расчет социально-экономической, коммерческой и бюджетной эффективности инвестиционных проектов [9]. Социально-экономическая эффективность отражает эффективность реализации проекта с точки зрения получения результатов для всего общества, что позволяет его считать общественным благом; коммерческая эффективность проекта учитывает последствия его

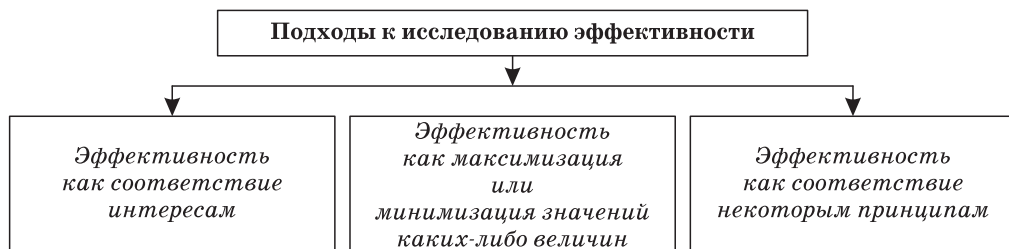

Рис. 1. Подходы к исследованию эффективности
Fig. 1. Approaches to efficiency research

реализации для участников; бюджетная эффективность учитывает влияние проекта на доходы (расходы) государственного бюджета.

Согласно П. Самуэльсону и У. Нордхаусу [16, с. 55] экономическая эффективность выражается в получении максимума возможных благ от имеющихся ресурсов; при этом необходимо постоянно соотносить выгоды (блага) и затраты на их получение. В соответствии с концепцией оптимального распределения ограниченных ресурсов, эффективной признается такая экономическая система, в которой качество и количество сочетаний всех ресурсов обеспечивает максимально возможный уровень общей полезности [22]. Оценочными показателями такой эффективности (аллокативной или распределительной) являются «срок окупаемости, точки безубыточности и бюджетной эффективности» [17, с. 87], используемые в процессе оценки эффективности инвестиционных проектов.

Еще одним видом эффективности является адаптивная эффективность как способность экономической системы решать проблемы, которые ставит жизнь; «способность упразднить дорогостоящие процедуры и создавать институциональные и прочие условия для экономического роста» (по Д. Норт). Общая (совокупная) эффективность социально-экономической системы характеризуется синергетической эффективностью [6; 19 и др.], которую О.С. Сухарев [17] определяет как совокупность аллокативной и адаптивной эффективности, характеризующей жизнеспособность любой экономической системы.

Приведем еще несколько видов эффективности, используемых в настоящее время исследователями в научном обороте для представления результатов своих научных исследований: равновесная, интегральная, структурно-динамическая, финансовая, целевая, ресурсная, институциональная [1; 14 и др.]. Эффективность определяется в отношении различных объектов (процессов, проектов, операций, инструментов и т. д.).

Нами предлагается классификация объектов оценки эффективности на основании интегрального классификационного признака, обобщающего, с одной стороны, цель оценки (разработка программы или проекта, обоснование управленческого решения), а, с другой стороны, собственно подход, используемый при выполнении оценки — программный, проектный, управленческий (рис. 2).

Анализ результатов научных исследований, посвященных изучению вопросов эффективности, позволяет сделать вывод о том, что чаще всего эффективность воспринимается как обобщенный показатель оценки каких-то действий или функционирования социально-экономической системы, но существует и другая точка зрения, которая представляется нам более правильной. Мы согласны с мнением проф. О.С. Сухарева о том, что эффективность не следует рассматривать как некий расчетный показатель, более правильно ее следует представлять как цель (например, разработки и реализации макроэкономической политики); именно в этой

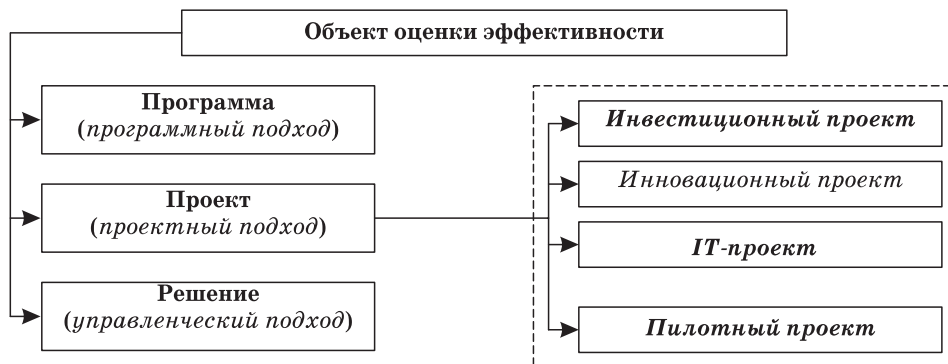

Рис. 2. Классификация объектов оценки эффективности
 Fig. 2. Classification of performance evaluation objects

логике, на основании предложенной модели институциональной трансформации, определяется величина масштаба институциональных реформ [18, с. 447–453].

Проблемы, связанные с эффективностью, критериями и показатели для ее оценки и т. д., являются предметом научных исследований российских и зарубежных ученых на протяжении не одного десятилетия; причем эти вопросы были актуальны как для плановой (командно-административной), так и для рыночной экономики. Необходимо отметить, что традиционно под эффективностью понималась ее классическая (традиционная) трактовка — улучшение одного состояния (текущего, настоящего) по сравнению с другим (желаемым).

По нашему мнению, об оценке эффективности имеет смысл говорить, в значительной степени, в контексте сравнения и выбора (отбора) наиболее предпочтительного варианта (программы, проекта, решения) из имеющихся альтернатив. Именно поэтому в условиях плановой экономики для целей определения сравнительной экономической эффективности был введен критерий приведенных затрат¹, позволяющий суммировать разновременные затраты как эксплуатационные (текущие), так и единовременные (капитальные), посредством использования коэффициента эффективности капитальных вложений (Ен).

Критерий (от греч. *kriterion* — средство для суждения) — признак, на основании которого проводится оценка, определение или классификация чего-либо, мерило оценки [15]. Каждому критерию соответствует критериальный показатель (или система показателей), который и отражает содержание критерия в количественном измерении. Так, например, критерию «максимизация результатов» соответствуют критериальные показатели: «величина чистой прибыли», «величина чистой приведенной стоимости», «прирост добавленной стоимости» и т. д.

Эффективность имеет несколько уровней измерения, поэтому она и является различной, определяемой дифференцированно для каждого уровня. Например, эффективность капитала и эффективность труда — это разные показатели, хотя эффективность капитала может определять значение эффективности труда (через показатель фондовооруженности труда). О. С. Сухарев [20; 23] в качестве критериев эффективности инструментов макроэкономической политики (как объекта оценки) предлагает использовать такие критерии, как экономичность, адаптивность,

¹ Методологически более верно вместо термина «критерий» в данном случае использовать термин «критериальный показатель», но в специальной литературе того периода применялся именно первый термин.

гибкость, оперативность и надежность (не предлагая, правда, критериальных показателей, которые давали бы количественную оценку данным критериям).

Критерием эффективности управленческих решений в предпринимательских структурах является уровень достижения показателей поставленной цели. Базовым критерием в исследовании эффективности экономических систем считается критерий эффективности Парето, в основе которого лежит принцип Парето-эффективности. Этим термином характеризуется такой уровень организации экономики, при котором: невозможно осуществить какие-либо изменения в пользу одного индивида (группы индивидов), не ухудшив положение другого индивида (группы индивидов); входные ресурсы используются наиболее эффективно, а получаемый результат обеспечивает максимально возможный уровень полезности для потребителей.

Необходимо отметить, что принцип Парето-эффективности обладает существенными ограничениями, которые экономистам хорошо известны, но они еще более усугубляются при исследовании проблем оценки эффективности инвестиций в инновационную деятельность (реализацию инновационных проектов). Инновационные проекты обладают рядом особенностей (более представительный круг участников, обязательное проведение сравнительного анализа эффективности, наличие нескольких критериев оценки эффективности и др.) [3; 8], что позволяет говорить об оценке их эффективности как особом направлении в области обоснования проектных решений и управления проектами.

Анализ современного состояния изученности проблемы и развитие подходов к оценке экономической эффективности инновационных проектов

Проблема оценки результатов осуществления инноваций достаточно сложна, многогранна и имеет много аспектов, что и объясняет разнообразие существующих методик оценки эффективности инновационных проектов, основанных на различных подходах, в основе которых принципы, которыми руководствуются при выполнении оценки. Для обеспечения корректности оценки эффективности инновационных проектов необходимо использование соответствующих методологических и методических принципов оценки эффективности инвестиций в инновационную деятельность (табл. 1).

Мировая практика располагает широким спектром методов расчета экономической эффективности, которые условно можно объединить в две группы: методы, базирующиеся на расчетах таких показателей, как период возврата инвестиций и коэффициент рентабельности капитальных вложений; методы, основанные на использовании таких показателей, как чистая приведенная стоимость проекта (NPV) и коэффициент внутренней рентабельности проекта. Как правило, существующие методы оценки эффективности инновационных проектов используют процедуру математического дисконтирования. Наиболее популярным методом оценки эффективности инновационных проектов является метод NPV, но, к сожалению, ни этот метод, ни другие аналогичные методы не являются достаточным для принятия адекватного решения о принятии или отклонении проекта.

Практическая реализация инновационных проектов требует наличия достаточно обширной информации нормативно-правового, маркетингового, инженерно-технического характера, значительная часть которой является прогнозной, т.е. не обладает необходимой полнотой и точностью, что негативно влияет на достоверность оценок эффективности проекта [21]. Методология оценки эффективности инновационных проектов, таким образом, не вписывается в рамки традиционных методов инвестиционного анализа.

Принципы оценки эффективности инвестиций в инновационную деятельность
Table 1. Principles for Measuring Innovation Investment Performance

Принципы оценки	
Методологические принципы	Методические принципы
Измеримость	1. Сравнение ситуации «с проектом» и «без проекта»
1. Сравнимость	2. Уникальность
2. Выгодность	3. Субоптимизация
3. Согласованность интересов	4. Неуправляемость прошлого
4. Платность ресурсов	5. Учет фактора времени
5. Максимум эффекта	6. Временная стоимость денег
6. Системность	7. Неполнота информации
7. Комплексность	8. Структура капитала
8. Неопровержимость	9. Многовалютность

По нашему мнению, достаточно перспективными являются следующие направления развития подходов к оценке экономической эффективности инновационных проектов: многокритериальный подход; опционный подход (метод реальных опционов); нечетко-множественный подход; синтез теоретико-вероятностных и нечетко-множественных методов при анализе возможности венчурного финансирования инвестиционных проектов на основе реальных опционов (рис. 3).

Классический анализ дисконтированных денежных потоков базируется на предположении, что после того, как принято решение о реализации инвестиционного проекта, необходимо строго следовать выбранной стратегии, несмотря на то, что ситуация может измениться в неблагоприятную сторону. Но вполне возможны такие ситуации, при которых руководство может изменить уже принятое решение и отказаться от дальнейшей реализации проекта, либо отложить его на будущее. В связи с этим возрастает значение методов оценки, которые могут использоваться для принятия более взвешенных решений, нацеленных на управление активами хозяйствующего субъекта в условиях возможных изменений. Традиционные методы оценки эффективности проектов обладают существенными ограничениями, так как не адаптированы к изменениям факторов внешней среды; этого недостатка лишен метод реальных опционов.

Опцион — это контракт, дающий право его владельцу распорядиться (купить, продать) определенный актив по заранее согласованной цене. Концепция реальных опционов возникла в результате переноса из финансового сектора инструментария управления рисками с помощью опционных контрактов, в реальный сектор экономики [5, с. 178]. Ключевой особенностью метода оценки реальных опционов (ROV) является возможность учета степени неопределенности (при отсутствии неопределенности опционы теряют ценность) и периода сохранения инвестиционной возможности [4, с. 37–38]. Возможность выбора превращается в единственно возможное в данной ситуации решение, учитывая рациональность ЛПР.

Теория реальных опционов хорошо объясняет тот факт, что нередко инвесторы, вопреки здравому смыслу (в логике традиционных методов оценки), не отказываются от проектов с отрицательной величиной NPV, полагая, что ситуация может измениться в лучшую сторону и можно будет использовать заложенный в проекте реальный опцион, получая в итоге положительный NPV.

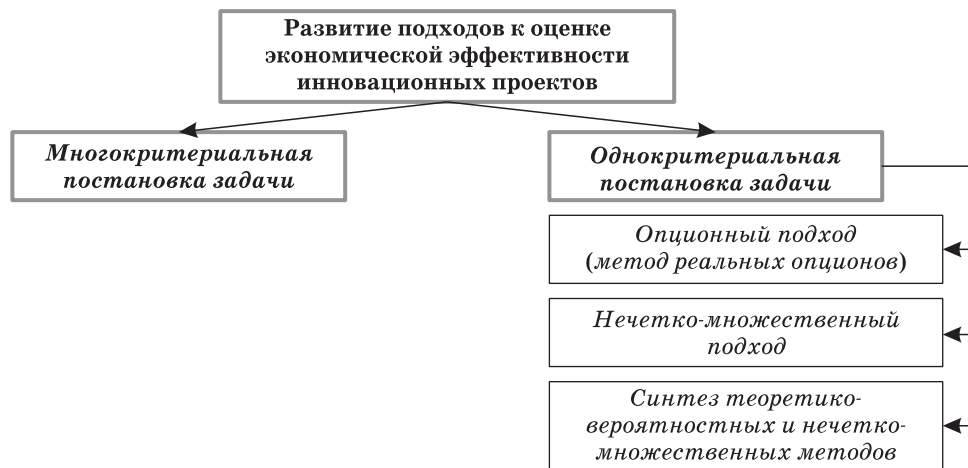

Рис. 3. Перспективные направления развития подходов к оценке эффективности инновационных проектов

Fig. 3. Perspective directions of development of approaches to evaluation of efficiency of innovative projects

Теория реальных опционов представляет альтернативный взгляд на оценку проектов, который в большей мере отвечает современным требованиям. Необходимо отметить, что метод ROV, так же как метод NPV, базируется на дисконтировании денежных потоков¹. Анализ библиографических источников позволил сделать вывод о том, что область применения концепции реальных опционов охватывают широкий спектр отраслей и сфер деятельности. Так, например, в горнодобывающей промышленности она успешно применяется для обоснования срока эксплуатации месторождения полезного ископаемого, который зависит от объема запасов и годовой производственной мощности предприятия (объема добычи). В машиностроении концепция реальных опционов была использована для принятия решения об инвестировании в проекты строительства новых заводов, в автомобилестроении — в отношении изменения проекта, освоения новых моделей, модификации дизайна машины. В сфере телекоммуникаций на основе концепции реальных опционов оценивались варианты по слияниям и поглощениям при географической экспансии, выбор стандарта мобильной связи, определение времени ввода на рынок новых услуг. Также можно отметить эффективность применения метода ROV в химической, целлюлозно-бумажной и фармацевтической промышленности, транспорте, электронике, торговле, секторе банковских и рекламных услуг, СМИ.

Реалии VUCA World, нарастание неопределенности и повышение риска в области принятия управленческих решений привели к необходимости использования специальных математических методов и информационных технологий, которые обеспечили возможность детально исследовать и эффективно решать возникшие сложные проблемы. При неоднозначности (расплывчатости) данных о вероятности стратегий компромиссное решение принимается путем совокупного применения последних на основе математического аппарата расплывчатых (нечетких) множеств.

В отечественной науке использование теории нечетких множеств (прежде всего, для решения задач управления финансами) связано с работами профессора А. О. Недосекина [11; 12]. В настоящее время теория нечетких множеств достаточно ши-

¹ Сравнение данных методов представлено в [2, с. 145].

роко применяется и позволяет эффективно решать сложные задачи. Примерами успешного применения теории нечетких множеств является решение задач оценки устойчивости строительных конструкций при возможности землетрясений, медико-генетической диагностики, календарного планирования производства, оценки риска фондовых инвестиций и др. По мнению экспертов [13, с. 11], теория нечетких множеств открывает новые интересные возможности и обещающие перспективы для науки и техники.

Метод нечетких множеств является достаточно эффективным и часто используемым методом анализа проектов в инвестиционно-инновационной сфере. Перспективным представляется подход, предложенный Е.И. Музыка и М.П. Масловым, отличительной особенностью которого является синтез теоретико-вероятностных и нечетко-множественных методов при анализе венчурного финансирования инвестиционных проектов на основе реальных опционов [10].

В совокупности проблем оценки эффективности инновационных проектов отдельно необходимо рассматривать оценку эффективности пилотных инновационных проектов. Пилотный проект — это пробный (экспериментальный) проект, реализуемый для изучения положительных и отрицательных сторон выбранного решения, в целях дальнейшего понимания целесообразности полноценного внедрения; основной особенностью пилотного проекта являются относительно небольшие бюджеты и сроки.

В условиях формирования инновационной экономики пилотный проект является эффективным решением для инновационных и высокотехнологичных проектов, которые характеризуются как большой степенью неопределенности результатов, так и путей их достижения; он помогает смоделировать основной проект, предсказать и спланировать его успешную реализацию. Для заказчика «пилот» позволяет определиться с реальной применимостью выбранного решения и оценить возможные эффекты от его внедрения. Для поставщика это серьезный шаг к успешной продаже — если заказчик согласился на небольшой проект, наиболее вероятно, что он пойдет дальше и закажет уже более масштабный проект.

Как правило, для пилотного проекта не так важен срок окупаемости инвестиций; более важно выявить четкую связь между поставленными задачами и качеством их выполнения, так как основной целью «пилота» является не решение проблемы в конкретном процессе, а доказательство эффективности выбранного решения и команды подрядчика. Пилотный проект осуществляется поэтапно; на завершающем этапе выполняется оценка эффективности. В качестве примера приведем последовательность этапов реализации пилотного проекта, связанного с внедрением в производственный процесс автоматизированного комплекса:

- Этап 1. Получение данных. Организация проекта.
- Этап 2. Развертывание систем. Построение комплекса.
- Этап 3. Минимальное базовое обучение по всем направлениям.
- Этап 4. Выполнение пилотного проекта. Обучение «по месту».
- Этап 5. Завершение пилотного проекта. Оценка эффективности.

По нашему мнению, решение проблемы оценки эффективности пилотного проекта возможно в логике принятия управленческого решения и в логике реализации бизнес-процесса.

Критерием эффективности управленческого решения является его качество, которое представляет собой совокупность свойств, обеспечивающих успешное выполнение и получение запланированного исхода решения. Эффективность, таким образом, является обязательным свойством решения, которое выражается в обязательности сопоставления ожидаемого и достигнутого экономического и социального эффекта с затратами на его разработку и реализацию.

В настоящее время для анализа производственных и офисных процессов успешно применяется метод картирования бизнес-процессов с использованием одного

из базовых инструментов «бережливого производства» (Lean production). Картирование представляет собой визуализацию и анализ материального и информационного потоков в процессе создания ценности от поставщика (производителя) до заказчика (потребителя).

Картирование потока создания ценности (Value Stream Mapping) включает следующие этапы: 1) документирование карты текущего состояния; 2) анализ потока производства; 3) создание карты будущего состояния; 4) разработка плана по улучшению. Как правило, метод картирования потока создания ценности используется для отлаженных процессов с целью оценки их эффективности. В условиях оценки пилотируемых проектов использование этого метода продиктовано возможностью моделирования желаемого состояния процесса, которое предполагается достигнуть в будущем.

Возможные эффекты оптимизации процесса, как база для расчета эффективности, заключаются в повышении эффективности делового цикла и сокращении срока реализации пилотного проекта.

Заключение

1. В настоящее время существуют три основных подхода к исследованию эффективности, первый из которых основан на соответствии интересам, второй — на максимизации (минимизации) значений каких-либо величин, третий — на соответствии некоторым принципам.
2. Для целей исследования вопросов оценки эффективности предлагается классификация объектов оценки на основании интегрального классификационного признака, обобщающего цель оценки (разработка программы или проекта, обоснование управленческого решения) и подход, используемый при выполнении оценки (программный, проектный, управленческий).
3. Как правило, эффективность воспринимается как обобщенный показатель оценки каких-то действий либо функционирования системы или развития экономики; наиболее правильным представляется подход, в соответствии с которым эффективность — это не расчетный показатель, а цель.
4. Традиционные методы оценки эффективности проектов обладают существенными ограничениями в связи с тем, что не учитывают возможности принятия определенного решения в ответ на изменяющиеся факторы внешней среды.
5. Перспективными представляются следующие направления развития подходов к оценке экономической эффективности инновационных проектов: многокритериальный подход; опционный подход (метод реальных опционов), нечетко-множественный подход; синтез теоретико-вероятностных и нечетко-множественных методов при анализе возможности венчурного финансирования инвестиционных проектов на основе реальных опционов.
6. Решение проблемы оценки эффективности пилотного проекта возможно в логике принятия управленческого решения и в логике реализации бизнес-процесса; в логике принятия управленческого решения эффективность является обязательным свойством решения, которое выражается в обязательности сопоставления ожидаемого и достигнутого экономического и социального эффекта с затратами на его разработку и реализацию.
7. В условиях оценки пилотируемых проектов использование метода картирования потока создания ценности для оценки эффективности пилотного проекта обусловлено возможностью моделирования желаемого состояния процесса. Возможные эффекты оптимизации процесса, как база для расчета эффективности, заключаются в повышении эффективности делового цикла и сокращении срока реализации «пилота».

Литература

1. Балацкий Е. В. Элементы экономики государственного сектора. М. : Капитал страны, 2013.
2. Баранов А. О., Музыко Е. И., Павлов В. Н. Оценка эффективности инновационных проектов с использованием опционного и нечетко-множественного подходов. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2018.
3. Бритыко А. С. Теоретические основы оценки эффективности проектов инновационного развития экономических систем: факторы, проблемы, методические подходы, принципы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Экономика». 2013. № 1 (Т. 6). С. 97–110.
4. Гусев А. А. Реальные опционы в оценке бизнеса и инвестиций. М. : РИОР, 2009.
5. *Инновационный* потенциал научного центра: методологические и методические проблемы анализа и оценки. Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2007.
6. Кузнецов Б. Л., Кузнецова С. Б., Чепиков В. В. Эффективность производственных систем // Экономическая синергетика: инновационное развитие России : сб. науч. тр. / под ред. Б. Л. Кузнецова. Набережные Челны : Камская государственная инженерно-экономическая академия, 2007. С. 216–222.
7. Куклина Е. А., Бабаев Э. А. К вопросу о роли информационного обеспечения инновационной деятельности в условиях VUCA World // Материалы XI Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики» 24–26 апреля 2019 г. Т. 4. СПб., 2019. С. 210–213.
8. Куклина Е. А., Бритыко А. С. Реализация проектов инновационного развития как ключевой фактор успешности организации // Управленческое консультирование. 2014. № 10. С. 36–43.
9. *Методические* рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: (Вторая редакция) / М-во экон. РФ, Мин-во фин. РФ, ГК по стр-ву, архит. и жил. политике; рук. авт. кол.: Коссов В. В., Лившиц В. Н., Шахназаров А. Г. М. : ОАО «НПО «Изд-во «Экономика», 2000.
10. Музыко Е. И., Маслов М. П. Инновационное проектирование: методы и подходы // Инновационный менеджмент и технологическое предпринимательство: материалы Всероссийского молодежного научного форума (Новосибирск, 12–14 ноября 2015 г.). В 2 т. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015а. Т. 2. С. 83–89.
11. Недосекин А. О. Нечетко-множественный анализ риска фондовых инвестиций. СПб. : Сезам, 2002.
12. Недосекин А. О. Применение теории нечетких множеств к задачам управления финансами // Аудит и финансовый анализ. 2000. № 2. С. 34–46.
13. Пегат А. Нечеткое моделирование и управление. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011.
14. Подрезова Ю. А. Государственный сектор и его эффективность в российской экономике : дис. ... канд. экон. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennyi-sektor-i-ego-effektivnost-v-rossiiskoi-ekonomike> (дата обращения: 26.03.2019).
15. Райсберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М. : ИНФРА-М, 1999.
16. Самуэльсон П., Нордхаус У. Экономика. М. : Вильямс, 2014.
17. Сухарев О. С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). М. : Финансы и статистика, 2011.
18. Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии. М. : Финансы и статистика, 2015.
19. Сухарев О. С., Шманев С. В., Курьянов А. М. Синергетика инвестиций / под ред. проф. О. С. Сухарева. М. : Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2008.
20. Теория эффективности экономики : монография / О. С. Сухарев. 2-е изд., исправ. М. : КУРС : НИЦ ИНФРА-М, 2014.
21. Феррейра Опасо Е. В. Методы оценки инновационных проектов // Эффективные инструменты современных наук: сб. науч. тр. по итогам VII международн. научно-практич. конф., Прага, 27 апреля — 5 мая 2011 г. Прага : Образование и Наука, 2011. С. 98–100.
22. Leibenstein H. Allocative Efficiency VS. «X-Efficiency» / American Economic Review, 1966, Vol. 56, № 3, June. Рус. пер.: Лейбенштейн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «X-эффективностью» / Теория фирмы. СПб. : Экономическая школа, 1995. С. 477–506.

23. Sukharev O. S. Theory of Economic Changes. Problems and Decisions. M. : KRASAND, 2013.

Об авторе:

Мицеловская Ольга Сергеевна, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mitselovskaya@mail.ru

References

1. Balatski E.V. Elements of the public sector economy. Moscow: Capital of the country, 2013. 159 p. (In rus)
2. Baranov A.O., Musyco E.I., Pavlov V.N. Evaluation of efficiency of innovative projects using option and fuzzy-multiple approaches. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2018. 336 p. (In rus)
3. Britko A.S. Theoretical basis of evaluation of efficiency of projects of innovative development of economic systems: factors, problems, methodological approaches, principles // Journal of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Series Economics [Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S.Pushkina. Seriya «Ekonomika»]. 2013. N 1 (V. 6). P. 97–110. (In rus)
4. Gusev A.A. Real options in business and investment valuation. Moscow : RIOR, 2009. 118 p. (In rus)
5. Innovation potential of the scientific center: methodical and methodological problems of analysis and evaluation. Novosibirsk : Siberian Scientific Publishing House, 2007. 276 p. (In rus)
6. Kuznetsov B. L., Kuznetsova S. B., Chapikov V.V. Efficiency of Production Systems // Economic Synergy: Innovative Development of Russia: collection of the scientific works under ed. B.L. Kuznetsov. Naberezhnye Chelny : Kama State Engineering and Economic Academy, 2007. P. 216–222. (In rus)
7. Kuklina E.A., Babaev E.A. On the Role of Information Support for Innovation in the Conditions of VUCA World // Materials of the XIth International Scientific and Practical Conference “State and Business. The Ecosystem of the Digital Economy “April 24–26, 2019. V. 4. SPb., 2019.P. 210–213. (In rus)
8. Kuklina E.A., Britko A.S. Implementation of innovative development projects as a key factor of organization success // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 10. P. 36–43. (In rus)
9. Methodological Recommendations for Evaluation of Efficiency of Investment Projects: (Second Edition) / Ministry of Economy, Ministry of Finance, State Committee on building, architecture and life policy. Head of the authors collective: Kossov V.V., Lishchitz V.N., Shahnazarov A.G. M. : “Economics,” 2000. 421 p. (In rus)
10. Musyco E.I., Maslov M.P. Innovative Design: Methods and Approaches // Innovative Management and Technological Entrepreneurship: Materials of the Russian Youth Scientific Forum (Novosibirsk, November 12–14, 2015). In 2 v. Novosibirsk : NSTU, 2015a. V. 2. P. 83–89. (In rus)
11. Nedosekin A. O. Fuzzy-multiple risk analysis of stock investments. SPb. : Sesame, 2002. 181 p. (In rus)
12. Nedosekin A.O. Application of fuzzy set theory to financial management tasks // Audit and financial analysis [Audit i finansovyi analiz]. 2000. N 2. P. 34–46. (In rus)
13. Piegat A. Fuzzy modeling and control / translation from English. M. : BINOM. Knowledge Laboratory, 2011. 798 p. (In rus)
14. Podrezova Yu.A. The state sector and its efficiency in the Russian economy: dissertation [Electronic resource]. URL: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennyi-sektor-i-ego-effektivnost-v-rossiiskoi-ekonomike> (In rus)
15. Raisberg B.A., Lozovsky L.S., Starodubtseva E.B. Modern economic dictionary. 2nd ed., M.: INFRA-M, 1999. 479 p. (In rus)
16. Samuelson P., Nordhaus W. Economics. M. : Williams, 2014. 1360 p. (In rus)
17. Sukharev O. S. Economics of the future: theory of institutional change (a new evolutionary approach). Moscow : Finance and Statistics, 2011. 432 p. (In rus)
18. Sukharev O. S. Economic growth, institutions and technologies. Moscow: Finance and Statistics, 2015. 464 p. (In rus)

19. Sukharev O. S., Shmanev S. V., Kuryanov A. M. Synergetic investments/under ed. prof. O. S. Sukharev. M. : Finance and statistics; INFRA-M, 2008. 368 p. (In rus)
20. Theory of economic efficiency: monograph/O. S. Sukharev. 2nd ed., M. : COURSE : INFRA-M, 2014. 368 p. (In rus)
21. Ferreira Opaso E. V. Methods of evaluation of innovative projects // Effective tools of modern sciences: collection of scientific works of VIIth International scientific and practical conference. Prague, April 27 — May 5, 2011/ Prague : Education and Science, 2011. p. 98–100. (In rus)
22. Leibenstein H. Allocative Efficiency VS. «X-Efficiency» / American Economic Review, 1966, Vol. 56, № 3, June.
23. Sukharev O. S. Theory of Economic Changes. Problems and Decisions. M. : KRASAND, 2013.

About the author:

Olga S. Mitselovskaya, Postgraduate Student of the Chair of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); mitselovskaya@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 9(129)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.09.2019.
Подписано к печати 15.09.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,93. Тираж 200 экз.
Заказ № 9/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97